

ВЫПУСК 15

СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

С С С Р

В Н У Т Р Е Н Н И Е

П Р О Т И В О Р Е Ч И Я

15

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

15

Под общей редакцией
В а л е р и я Ч а л и д з е

Ответственный редактор
С е р г е й М а к с у д о в

CHALIDZE PUBLICATIONS, 1986

**PUBLICATION OF THIS ISSUE
MADE POSSIBLE BY GRANTS FROM
HARVARD UNIVERSITY
AND THE NATIONAL ENDOWMENT FOR
DEMOCRACY**

INTERNAL CONTRADICTIONS IN USSR
Number 15, edited by Valery Chalidze

Copyright 1986 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731 USA

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Людмила Алексеева.</i> Письмо о надежде	5
<i>Константин Симис.</i> Новое поколение советских правителей: партократы или технократы?	11
<i>Э. С. Орловский.</i> Некоторые впечатления от XXVII съезда КПСС	33
<i>А. Каценелинбойген.</i> К 25-летию выхода в свет книги Л. В. Канторовича "Экономический расчет наилучшего использования ресурсов"	40
<i>Людмила Алексеева.</i> Забастовки в СССР (послесталинский период)	80
<i>Александр Янов.</i> Русская идея в "молодогвардейском" исполнении	146
<i>С. Максудов.</i> И Запад и Восток	197
<i>Геннадий Барабтарло.</i> Первое лицо единственного числа	227

Документы

<i>И. Сталин.</i> О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма". . .	246
--	-----

Воспоминания

<i>Ефим Килинский.</i> Врачи-убийцы и убийцы врачей (окончание)	256
---	-----

ПИСЬМО О НАДЕЖДЕ

Дорогая редакция!

Это письмо — попытка внести диссонанс в поразительное единодушие вовсе не склонных обычно к единодушию журналов и газет русского зарубежья по поводу нынешней общественно-политической ситуации в СССР и ее перспектив. Общая позиция такова: "Нет никаких оснований ждать какого-то улучшения в экономике или в какой-либо другой области. Горбачев и его окружение не лучше прежних правителей. На коренное изменение системы они не решатся, а поскольку система останется прежней, ничего сделать не удастся".

Я хочу напомнить тем, кто был достаточно взрослым в сталинские времена, как изменилась атмосфера в стране после смерти Сталина. Может быть, для историка в будущие века эти изменения не покажутся уж очень существенными, поскольку система действительно осталась прежней, но для людей, живших в то время в стране,

изменения к лучшему были безусловны, и было счастьем дожить до них.

Я не берусь утверждать, что Горбачев действительно намерен сделать что-то существенное и, тем более, что это ему удастся. Но удивляет, что авторы статей в русской зарубежной прессе, несомненно не имея в виду укреплять своим пером незыблемость советской системы, тем не менее свято верят в ее незыблемость и даже способность существовать вечно, ничуть не меняясь, наделяя тем самым социально-экономическую систему советского типа чертами гегелевского Абсолюта: к нему пришли и на этом развитие останавливается! Но история свидетельствует об обратном — самые могущественные, казалось бы, вечные, системы или, приспособляясь к меняющимся условиям, менялись весьма существенно, или — рушились.

У меня есть надежда на изменения жизни в СССР к лучшему. Ведь не в одном Горбачеве и его окружении дело. СССР вовсе не огромное мрачное кладбище, как иной раз кажется авторам-эмигрантам. Это страна, населенная живыми людьми, они не могут не хотеть лучшего, мечтают об этом и будут за это бороться — и в этом надежда. Даже маленькие щелочки будут использованы для напора этой добровольной активности, и, даст Бог, не все верхи задушат.

Вообще незапланированными последствиями хрущевской "оттепели" оказались и самиздат, приютивший лучшую часть современной русской литературы, и правозащитное движение, и религи-

озное возрождение, знаменующее отказ от "новой коммунистической морали" ради общечеловеческой, закодированной в великих религиях. Даст Бог, не меньшие, хоть также не запланированные результаты даст и ближайшее будущее у нас на родине, потому что жизнь там — продолжается.

В 86-м выпуске журнала "Время и мы" есть небольшая заметка Веры Вирен-Гарчинской, побывавшей в Москве осенью 85-го года. Она родилась во Франции в семье эмигрантов, бежавших из России от революции. Будучи специалистом по русской литературе, г-жа Вирен несколько раз бывала в СССР, начиная с 67-го года. Она пишет о последней поездке, что и она сама, и другие иностранцы в Москве заметили, что "москвичи как бы оттаяли, помягчели, стали намного дружелюбней". Она наблюдала это в "сфере обслуживания", всегда поражавшей людей с Запада своим хамством, — на таксистах, буфетчицах, официантах в ресторанах. Г-жа Вирен объясняет это так: "С приходом к власти нового руководства у советских людей появилась надежда".

Из писем, которые я получаю из Москвы, у меня такое же впечатление, хотя у самых близких моих корреспондентов — участников ныне разгромленного правозащитного движения нет личных оснований для оптимизма. Моя подруга, прежде активная правозащитница, пишет о тяготах тамошней жизни, но и в ее письме при раздумьях о прошлом и о будущем нет безнадежности:

”...годы идут, у кого болезни, у кого старики старятся, у кого дети разводятся... Кто в Казахстане, кто в Магадане, кто на Охотском море, а кто и вовсе в пермском периоде... Я не жалуясь тебе, Людочка, а пытаюсь объяснить ситуацию. Если анализировать отстраненно: у нас не было ни организации, ни организованности, что, на мой взгляд, было и правильно, и хорошо. В этом было обаяние (или обаятельность?) нашего Сопротивления, его личностный характер. Даже анонимная ”Хроника” имела отпечаток индивидуальностей... Но вот неизбежный результат: довольно внезапный конец Сопротивления как общественного явления (внутри себя-то каждый его участник остался тем же, даже и те, кто формально выбросили белый флаг...). У нас не было второго эшелона, третьего и т. д. И не могло быть: суть такая. что каждый сразу оказывался в первом. Как ты, как историк, думаешь: след какой-то остался (останется) от Сопротивления — в людях? в русском обществе? для страны? И, тебе это у вас легче понять, — для мира? Мне кажется, мог бы остаться, но, возможно, это зависит от нас самих, от какого-то нашего последнего слова”.

А вот из письма благополучной интеллигентной женщины-пенсионерки, связанной дружбой со многими правозащитниками и помогавшей им немало:

”Ах, Люда, сколько воды утекло и как все изменилось!.. Да, та эпоха — кончилась. Но как ни странно, параллельно со все большим зажи-

мом, прославлением Сталина, нагнетанием милитаризма и враждебности к США и т. д., чего-то они сделать не в силах. Духовные и недуховные сферы человеческого бытия все же вне их контроля. Хотя они и вовсю стараются, молодые живут своей жизнью: диски, пьянки, цинизм, халтура — масса деятельности вне системы, как хорошей (уход в ремесло, и в искусство, в дворники, сторожа), так и в спекуляцию и в преступность. Масса маленьких театриков, и там темы, волнующие их; выставки, концерты новой и старой музыки. Сейчас — декабрьские вечера в Музее изящных искусств, выставка Матисса, и в том же зале — музыка XX века. Вдохновитель этого — Рихтер. Народ ломится, стоят в очередях...”

Это писано в декабре 84-го года. А недавние письма 35-летнего москвича и вовсе бодрые (хотя у него самого не очень благополучная судьба):

”Бюрократический реформизм Горбачева и К^о проблем не решает, но он создает динамичную ситуацию, когда вновь появляется надежда, когда перемены становятся частью реальности, когда рушится представление о том, что система навеки законсервировалась в том виде, в каком она существовала при Брежневе. Теперь время для поисков только начинается. Конкретные вопросы экономики требуют профессионального решения. Реформистски настроенные авторы готовы почерпнуть идеи из самиздата, если только там будут идеи. Сторонники перемен

находят между собой общий язык, хотя одни отдают предпочтение действиям внутри страны, другие же — вне ее”.

Имея в виду мое участие в русской зарубежной прессе, мой напористый корреспондент пишет:

”Тем, кто оказался на Западе, предстоит много сделать. В нынешней ситуации выигрывать будет тот, кто предложит более четкие ответы на нерешенные проблемы... Самое важное сейчас — исследовать общество и показать, что ответы такие... имеются...”

Сравните это письмо и статьи наших авторов-эмигрантов в русских журналах. В письмах — живые мысли и чувства живых людей о живой жизни, а в журналах, которые мы им шлем, — бездушное, а то и злорадное талдыченье на тему ”ничего у вас не выйдет”.

Я хочу, чтобы у них — вышло!

Людмила Алексеева

Константин Симис

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ: ПАРТОКРАТЫ ИЛИ ТЕХНОКРАТЫ? *

I.

Что представляет из себя Горбачев и другие представители его поколения, которые после смены караула постепенно занимают позиции старой гвардии в правящем страной партийно-государственном аппарате?

Речь идет не об индивидуальных чертах характера, не о вкусах, не о пристрастиях и склонностях. Задача заключается в том, чтобы попытаться построить модель социальной психологии определенной социальной группы. Для этого должны быть, по возможности, использованы факторы, участвующие в формировании социаль-

* Настоящая статья была напечатана в журнале "Foreign Policy" (США), 1985, № 59. Публикуется с сокращениями, сделанными автором.

ного типа политического деятеля: его ценностные ориентации, мотивации его поведения в общественной и экономической сферах, отношение к карьере.

Попытка построения социально-психологической модели в данном случае затруднена тем, что советская социология игнорирует изучение всех перечисленных факторов. И все же, если мы хотим получить данные, позволяющие прогнозировать социальное поведение тех, кто сегодня начинает править СССР, такая попытка должна быть сделана. Бесплодность прогнозирования политической линии советских правителей, основанного на их личных вкусах и индивидуальных особенностях, стала очевидной в случае с Андроповым, вкусы и пристрастия которого (подлинные или ему приписанные) привели определенную группу советологов в состояние эйфории и вселили в них надежды на резкое улучшение отношений между Западом и Востоком.

Очень условно поколение, к которому принадлежит Горбачев, мы будем называть поколением "молодых", ибо оно пришло на смену геронтократам (умершим или еще живущим), возраст которых приближается к восьмидесяти годам.

Можно ли предполагать, что социальная психология группы "молодых", а также политика, которую они будут проводить (и внешняя, и внутренняя) будут принципиально отличны от социальной психологии и политики тех, кому они пришли на смену? Есть ли основания считать,

что с этим новым поколением пришла к власти социальная группа, которую можно характеризовать как технократов, которая в политике будет руководствоваться профессиональными прагматическими критериями и мотивировками, продиктованными необходимостью резко повысить эффективность национальной экономики? Или поколение "молодых", внося некоторые косметические улучшения в стиль управления страной вообще и экономикой, в частности, будет руководствоваться стремлением сохранить тотальность и монопольность своей власти и оставит в основном нетронутой структуру партократии в ее нынешнем виде?

II.

Довольно значительная группа советологов (среди которых есть и выходцы из Советского Союза) убеждена, что поколение "молодых" правителей, идущее на смену старикам-партократам, это поколение технократов. Исходя из этой презумпции, наиболее последовательные представители этого направления предсказывают, что придя к власти, поколение технократов, игнорируя идеологические мотивировки партократов и отказавшись от принципа монополии и тотальности власти партийно-государственного аппарата, не остановится ради повышения эффективности национальной экономической системы перед радикальными изменениями ныне существующей политической и экономической структуры — перед

тем, чтобы заметно ограничить власть партийного аппарата, сделать государственный аппарат в сфере управления народным хозяйством независимым и децентрализовать управление экономикой.

Свои надежды, связанные с приходом к власти технократов, сторонники этой теории обосновывают тем, что представители поколения "молодых" получили высшее специальное образование, являются профессионалами, пришедшими в партийно-государственный аппарат с опытом руководящей работы по специальности и (чему придается особое значение) ментальностью руководителей крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Действительно, все представители поколения сорока-шестидесятилетних, вошедшие в среднее и высшее звенья партийно-государственного аппарата, имеют высшее образование и подавляющее большинство из них прежде, чем стать секретарями обкомов, заведующими отделами ЦК или министрами, имели опыт практической работы по специальности или руководства предприятиями. Однако они в этом отношении ничем не отличаются от поколения правителей-партократов, которому они идут на смену. Уже в годы правления Брежнева в правительстве СССР не было ни одного министра или председателя комитета Совета Министров (возглавлявшего хозяйственные министерства или комитеты), у которого не было бы диплома экономиста, инженера или агронома и у которого не было бы за плечами опыта ра-

боты по специальности и опыта руководства предприятиями. Из ста руководителей партийного и государственного аппарата, входивших в правящую элиту к началу 84-го года, 85 имели высшее образование и опыт работы по специальности.¹

Что касается функционеров нынешнего партийного аппарата, то, как свидетельствуют подсчеты западных советологов, все секретари ЦК компартий союзных республик, секретари обкомов и райкомов получили высшее образование. 75 процентов из них являются специалистами в области экономики и народного хозяйства. Среди секретарей горкомов и райкомов партии 99,6 процентов – это дипломированные специалисты, и подавляющее большинство из них имеет опыт работы по специальности и управления предприятиями.²

В Совете Министров нынешнего состава все сто процентов министров и председателей комитетов, возглавляющие промышленные, плановые сельскохозяйственные и финансовые ведомства, являются дипломированными специалистами, прошедшими школу хозяйственников.

Однако вряд ли все это дает основание считать функционеров, составляющих в настоящее время партийно-государственный аппарат (или хотя бы "молодую" его часть), носителями социально-психологического менталитета технократии.

III.

Сама идея, что в Советском Союзе в недрах режима партократии происходит формирование группы технократов, носителей особой социальной психологии, призванной провести радикальные изменения в существующей экономической системе, весьма соблазнительна. К сожалению, как я полагаю, идея эта нереалистична.

Движимый инстинктом самосохранения, правящий партийно-государственный аппарат создал систему отбора и допуска в свои ряды, которая делает невозможным не только приход к власти, но даже и формирование такой особой социальной группы, как технократы. Эту систему отбора правильнее всего было бы охарактеризовать, как систему самовоспроизводства. В ее основу положен простейший, но эффективный принцип: отбор в высший слой хозяйственных руководителей, а затем из него — в правящий партийно-государственный аппарат производится не по критериям профессиональной подготовки и квалификации, организационных и административных способностей. Главным критерием отбора всегда остается готовность быть верным системе партократии — готовность отождествить свои интересы с ее интересами, принять законы, по которым она правит страной, и проникнуться ее социальным менталитетом. В официальных документах, в пропаганде этот критерий обозначается формулами "идейная зрелость", "верность идеям партии".

Самовоспроизводство партийно-государственного аппарата реализуется при помощи механизма отбора, выработанного годами и практически действующего безошибочно. Партократия имеет возможность самовоспроизводиться и блокировать продвижение в правящий партийно-государственный аппарат носителей чуждой им социальной психологии (в том числе и технократической) прежде всего благодаря тому, что она полностью контролирует механизм продвижения на руководящие должности на предприятиях и в учреждениях, а затем и продвижение в ряды функционеров партийных и государственных органов. В этом и заключается истинная суть и значение системы номенклатуры, благодаря которой ни одно назначение на руководящую должность невозможно без санкции партийного комитета, в номенклатуру которого она входит. И правило это действует без всяких исключений и при назначении начальника цеха завода, чья должность входит в номенклатуру заводского парткома, и при назначении на должность министра СССР, входящего в номенклатуру Политбюро.

Естественно, что при такой системе партийный аппарат допускает в номенклатуру лишь тех, в чей лояльности он имел возможность убедиться. Режиму партократии нужны и полезны техно-*слуги*, но ему враждебны и опасны те, кто стремится превратиться в техно-*кратов*. Тут срабатывает элементарный инстинкт самосохранения. Ведь для социальной психологии технократа характерно стремление ограничить или

даже полностью элиминировать власть партийного аппарата над национальной экономикой, вывести с этой целью из-под контроля партийного аппарата органы государственного управления, ведающие промышленностью, сельским хозяйством, планированием, финансами, наукой. И вот для того, чтобы предотвратить захват доминирующих позиций в партийно-государственном аппарате технократами или носителями иной враждебной социальной психологии выработана не закрепленная законодательно, но институционализируемая и строжайше соблюдаемая модель продвижения по ступеням номенклатуры.

В советской социологии исследования структуры правящего аппарата, закономерностей, по которым происходит его формирование, если и производятся, то результаты их, как правило, не публикуются. Однако, в отступление от этого правила, в "Литературной газете" в 1975-1976 годах была напечатана серия из трех статей Александра Левикова, в которых он использовал результаты социологических исследований по интересующей нас проблеме.³ Анализируя модель продвижения по ступеням карьеры, автор прежде всего констатирует, что движение вверх в Советском Союзе не зависит от качества профессиональной работы и от личных способностей. В подтверждение он ссылается на социологический эксперимент, проведенный на крупном ленинградском предприятии, в результате которого было установлено, что более одной трети работников, которым по заключению экспертов нельзя доверять руководя-

щую работу, были выдвинуты на этом предприятии на руководящие посты.

Сама возможность того, чтобы при назначении на руководящие посты в СССР действовал принцип "противоестественного отбора" — то есть не по способностям, а по лояльности, не по наличию инициативы, а по ее отсутствию — не может не вызвать скептического отношения у тех, кто лишен опыта работы внутри советской системы. Но вот что пишет о критериях продвижения в руководящий слой хозяйственников (из которых главным образом пополняется партийно-государственный аппарат) и вообще о принципах, на которых основано в СССР движение по ступеням карьеры, такой авторитет, как академик Т. И. Заславская.

В настоящее время этот механизм настроен не на активизацию, а на зажим полезной экономической деятельности населения. Точно так же наказывается или попросту пресекается инициатива руководителей предприятий в области организации производства, совершенствования экономических связей. Сейчас высокую общественную оценку получает чаще деятельность не наиболее талантливых, смелых и энергичных, а наиболее "послушных" и исполнительных руководителей, пусть даже не способных похвастаться производственными успехами.⁴

Чем же компенсируется при повышении в должности низкая квалификация и отсутствие способностей тех, кого партийный аппарат выдвигает на руководящую работу? Ответ на этот вопрос дает Александр Левиков в одной из своих статей.

”Всех их (то есть тех, кто делает успешную карьеру — К. С.), — пишет он, — характеризует ”общественная активность”. И далее автор расшифровывает, что скрывается под этим понятием: готовность дипломированного специалиста отказаться от профессиональной деятельности и полностью посвятить себя общественной работе и затем стать профессиональным функционером партийно-государственного аппарата. Это находит практическое выражение в том, что путь от позиции инженера, агронома или экономиста к позиции руководящего работника, сначала в рамках предприятия или учреждения, а затем в партийных или государственных органах, лежит, как правило, через общественную работу.

Таким образом, первой ступенью карьеры становится общественная работа, на которой кандидат проходит первичную проверку на лояльность, на готовность выполнять любые указания свыше, не считаясь при этом с производственными интересами своего предприятия или учреждения. Наиболее активные, сумевшие завоевать доверие и симпатии функционеров райкома, продвигаются на следующую ступень — переходят на так называемую ”освобожденную общественную работу”.

Основываясь на результатах социологичес-

ких исследований, Левиков и авторы труда, посвященного той же проблеме, — М. Руткевич и Ф. Филиппов⁵ приходят к выводу, что более чем в 95-ти случаях из ста достижение позиции, с которой открывается путь в министры, секретари обкомов партии, лежит через освобожденную общественную работу.

Эти советские ученые, основываясь на материалах конкретных социологических исследований, пришли к заключению, что продвижение в высший слой хозяйственников (директоров и главных инженеров предприятий союзного значения) связано с временным переходом на работу в партийный аппарат в его средних звеньях. Анализ биографий ста функционеров, входивших в 1984 году в правящую элиту, подтверждает точность приведенной советскими социологами модели карьеры: работа по специальности — общественная работа — освобожденная общественная работа — руководящая хозяйственная работа на предприятии — работа в партийном аппарате — переход в высший слой хозяйственников — возврат в партийный или государственный аппарат со значительным повышением. А это означает, что все специалисты, впоследствии допущенные в средние и высшие звенья партийно-государственного аппарата, до того как они попадают в высший слой хозяйственников, проходят испытание на годность для работы в системе партократии — проверку на послушность и безынициативность, о которых пишет академик Заславская.

Но есть еще один фактор, играющий немалую

роль в формировании партийно-государственного аппарата, предопределяющий успешное продвижение по ступеням его иерархии. Фактор, о котором советские социологи по вполне понятным причинам умалчивают. Это система патронажа, занимающая весьма важное место в процессе самовоспроизводства партийно-государственного аппарата и консервации режима партократии. С особой очевидностью значение этого феномена проявилось в годы правления Брежнева. В семидесяти из ста биографий функционеров, входивших в правящую элиту в 1980 г., составитель справки констатирует наличие патронажа со стороны кого-либо из секретарей ЦК или членов Политбюро.⁶

Практически же в ста случаях из ста отбор на руководящую работу происходит с неофициализированным, но имеющим решающее значение, участием вышестоящих деятелей правящего аппарата. И свойственный им инстинкт самосохранения доводит до ничтожно малых величин возможность проникновения в высшие, средние и даже низшие звенья правящего аппарата лиц, оппозиционных режиму партократии, не усвоивших ее менталитета.

Таков механизм отбора, при помощи которого происходит передача и воспроизводство генетического кода партократии. Механизм этот действует весьма надежно, и отбор ведется так, что исключает возможность формирования в СССР социальной группы технократов со своими особыми интересами и целями, не совпадающими с

интересами и целями партократии. Об этом бесспорно свидетельствует то обстоятельство, что в массе своей советские хозяйственники, руководители предприятий не только не стремятся к радикальной экономической реформе, которая принесла бы им оперативную независимость от партийно-государственного аппарата (что является идеалом технократа), но даже являются ее противниками. Академик Заславская, несомненно располагающая необходимыми данными конкретных социологических исследований, свидетельствует, что высший слой хозяйственников "...опасается, что за известное расширение прав и доходов придется "заплатить" резким усложнением обязанностей, ростом напряженности труда, повышением экономической ответственности за его результаты". Это является итогом того, продолжает советский исследователь, "...что действовавшая в течение десятилетий система производственных отношений формировала преимущественно пассивный тип работника..."⁷

К этому следует добавить, что прохождение по всем этапам типовой карьеры (от перехода на освобожденную общественную работу до вхождения в высшие звенья правящего аппарата) занимает в среднем 25 лет.⁸ Срок вполне достаточный, чтобы специалист, хозяйственник-профессионал, который может успешно преодолеть все ступени карьеры только при условии психологического приспособления к ценностям и идеям партократии, пришел в высший слой правящей элиты, утратив все черты технократической пси-

хологии (даже если они когда-нибудь у него и были).

Все сказанное дает основание прийти к выводу, что советские хозяйственники в своей массе лишены менталитета, типичного для технократов, что этот слой ощущает себя психологически и организационно неотъемлемой частью партийно-государственного аппарата. А ведь именно из этого слоя хозяйственников черпаются кадры министров, первых секретарей обкомов и ЦК национальных компартий, которые со временем могут стать секретарями ЦК КПСС и членами Политбюро.

IV.

Тех, кто занял позиции Черненко и некоторых других старцев, мы можем назвать поименно. Нам известны основные этапы пройденного ими пути наверх, известно, какое они получили образование, известны тексты их публичных выступлений, кое-что мы знаем и об их деятельности на постах, которые они занимали в прошлом. Конечно, оценивая комплекс информации, характеризующей поведение и социальную психологию этой группы, следует учитывать, что в рамках существующей политической структуры даже секретари ЦК и члены Политбюро, если они хотят сохранить свои позиции, вынуждены ограничивать себя в публичном проявлении своих подлинных взглядов и инициатив и приспособлять свое поведение, стиль работы к взглядам и стилю,

которых придерживается господствующая в Политбюро группировка (или генеральный секретарь, если он полностью доминирует в Политбюро). И все же попытка прогнозировать социальное поведение группы "молодых", находящихся у власти, вполне оправдана.

Наиболее эффективным такое прогнозирование может стать в том случае, если мы используем для этой цели известную нам информацию об отношении представителей группы "молодых" к таким вопросам, как радикальная экономическая реформа и реальное разделение функций и полномочий партийного и государственного аппаратов. Именно позиция по этим двум вопросам может служить надежным критерием приверженности к социальной психологии партократии или технократии.

Ведь правители страны, которые вознамерились бы провести радикальную экономическую реформу, окажутся перед необходимостью ущемить интересы и власть всех слоев правящего партийно-государственного аппарата и, прежде всего, того слоя, к которому они сами принадлежат — его верхушки. То же самое можно сказать и о любой попытке реально отделить партийный аппарат от государственного и вернуть этому последнему функции, полномочия и, главное, независимость, положенные ему по конституции и узурпированные с первых же дней существования советского государства партийным аппаратом.

В качестве объекта анализа целесообразнее

всего взять такую фигуру, как Горбачев. Прежде всего потому, что став генеральным секретарем ЦК, он получил возможность оказать решающее влияние на то, по какому пути пойдет Советский Союз: по пути стагнации существующей политической и экономической системы или по пути ее коренного реформирования.

Михаил Горбачев — баловень партийного аппарата. Он проделал в его недрах головокружительную карьеру. В среднем путь от вступления в партию до вхождения в ЦК на правах полного члена занимает 25 лет; средний возраст к моменту вхождения в ЦК — 49 лет, а к моменту вхождения в Политбюро — 59 лет.⁹ Горбачев проделал этот путь, опережая средние показатели. Путь от вступления в партию до избрания полным членом ЦК был им пройден за 19 лет, и полным членом ЦК он стал в 40 лет, членом Политбюро — в 49. Вся биография Горбачева свидетельствует, что с самых молодых лет сознательно и целеустремленно он стремился к тому, чтобы стать профессиональным партийным функционером. Еще до поступления на юридический факультет МГУ он был секретарем райкома ВЛКСМ в Ставропольском крае. А в университете возглавлял факультетский комитет комсомола. После окончания в 1955 году юридического факультета Горбачев, и дня не проработав по специальности, прямо со студенческой скамьи пересел в кресло первого секретаря Ставропольского горкома комсомола. И далее карьера юного аппаратчика двигалась без перебоя, все более набирая

ускорение, причем только внутри комсомольских, а затем партийных руководящих органов.

Таким образом, Горбачев вырос и сформировался внутри партийного аппарата, не имея опыта работы ни в органах государственного управления, ни в профессиональной области. Такого рода карьера отнюдь не дает оснований предположить, что став генеральным секретарем ЦК партии, он будет готов ограничить власть взрастившего его партийного аппарата. Столь же мало оснований для оптимистических прогнозов дает и деятельность Горбачева на посту первого секретаря Ставропольского крайкома партии. Правда, он показал себя сторонником системы бригадного подряда в сельском хозяйстве. Однако это не свидетельствует о склонностях нынешнего генерального секретаря к новаторской смелости. В те годы идея бригадного подряда находила поддержку и в Политбюро, и в аппарате ЦК. Не свидетельствует о склонности к экономическим реформам и изобретение Горбачевым так называемого Ипатовского метода сбора урожая. Выявив свою полную неэффективность, метод этот канул в небытие и остался лишь свидетельством приверженности Горбачева (во всяком случае, в те годы) к административным методам управления экономическими процессами.

Такова информация о деятельности Горбачева на посту первого секретаря Ставропольского крайкома, на основании которой можно судить об его отношении к проблемам управления экономикой. Кроме того, есть материалы, по кото-

рым можно судить о взглядах Горбачева на вопрос об отделении государственного аппарата от партийного (без чего невозможна подлинная экономическая реформа). Таким источником является его выступление 11 апреля 1984 года на сессии Верховного Совета СССР, на которой он по поручению ЦК и Политбюро выступил с предложением об избрании Черненко на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Большую часть своего выступления он посвятил теоретическому обоснованию слияния государственного аппарата с партийным при сохранении доминирующего положения последнего.

Правда, став генеральным секретарем ЦК, Горбачев нарушил установившуюся с 1977 года традицию объединения в одном лице постов генерального секретаря ЦК и председателя Президиума Верховного Совета СССР. Вряд ли это следует расценивать как изменение позиции, которая была сформулирована в выступлении 11 апреля 1984 года. Скорее отказ от поста председателя Президиума Верховного Совета следует расценивать как тактический шаг. Горбачев пошел на это безо всякого ущерба для полноты своей реальной власти, стремясь отмежеваться от вконец себя дискредитировавших своих предшественников и показать, что его правление несет стране обновление режима.

Итак, все что мы знаем о карьере Горбачева, и прежде всего тот факт, что он является плотью от плоти партийного аппарата, не позволяет предположить, что он готов к проведению подлинной

экономической реформы на основе прагматических идей технократии. Реформы, в результате которой предприятиям и их руководителям будет предоставлена полная хозяйственно-оперативная независимость не только от вышестоящих органов государственного управления, но и от органов партийного аппарата — райкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик и даже ЦК КПСС.

V.

Однако опыт мировой истории учит, что жесткий детерминизм в понимании исторических процессов не всегда оправдан. Принадлежность политического деятеля к определенной социальной группе не всегда детерминирует его поведение, его отношение к интересам социальной группы, к которой он принадлежит. Достаточно привести пример Хрущева, пытавшегося несколько ограничить власть партийного аппарата и дестабилизировать его положение. Можно также вспомнить и более давний пример неожиданно проведенной радикальной экономической реформы. В 1921 году Ленин, отрекшись от всех марксистских догм, от собственных идеалов и пристрастий, ввел НЭП, то есть вернул в советскую экономику элементы рыночных отношений.

Не исключено, что и Горбачев, руководствуясь интересами страны и народа, захочет провести радикальную экономическую реформу и решится на то, чтобы ограничить власть социальной груп-

пы, к которой он сам принадлежит. Чья судьба ждет его в этом случае? Ленина, успешно проводившего НЭП и спасшего в те годы советский режим от краха? Или Хрущева, чья попытка закончилась провалом и свержением его в результате успешного заговора, организованного в 1964 году верхушкой партийного аппарата?

Личный авторитет Ленина в 1921 году был настолько велик, что никто в партийном аппарате не в состоянии был оспорить его руководящее положение и помешать ему проводить в жизнь избранную им политическую линию. И что особенно важно, сам этот аппарат тогда еще не выкристаллизовался в самостоятельную и полномочную структуру, способную свергнуть Ленина или противопоставить себя ему.

Горбачеву, если он станет на путь проведения радикальных реформ, будет противостоять мощный, прекрасно организованный партийный аппарат, контролирующий жизнь общества и государства на всех уровнях, во всех сферах. И даже в условиях строжайшей партийной дисциплины, в условиях иерархического подчинения нижестоящих звеньев вышестоящим, партийный аппарат имеет возможность воспрепятствовать реализации планов экономических реформ, проводимых генеральным секретарем ЦК. Первым (и самым доступным) средством борьбы может стать саботаж мероприятий, предписанных сверху. Вторым — дворцовый переворот и устранение от власти неугодного аппарату генерального секретаря.

Возможно ли предположить, что Горбачеву в такой ситуации удастся провести подлинную экономическую реформу?

Конечно, нельзя полностью исключить возможность, что Горбачев, консолидировав свою власть и обеспечив себе поддержку КГБ и армии, окажется в состоянии преодолеть сопротивление правящего партийно-государственного аппарата и провести радикальную экономическую реформу. Но ведь такая реформа должна повлечь за собой и фундаментальные изменения политической структуры, существующей в стране, ибо в результате власть партийного аппарата утратит свой тоталитарный и монополистический характер.

Как мне кажется, такой ход событий весьма маловероятен. Скорее всего Горбачев и его соратники, оставаясь по своей социальной психологии партократчиками, стремясь уменьшить последствия органических пороков советской экономической системы пойдут на совершенствование механизма управления промышленностью и сельским хозяйством, не затрагивая при этом коренные интересы партийно-государственного аппарата.

Однако полумеры, косметические реформы не способны сколько-нибудь существенно улучшить состояние советской экономики. Дальнейшая ее стагнация в этих условиях неизбежна. Закономерным следствием такой стагнации будут дальнейшее падение жизненного уровня населения, во-первых, и прогрессирующее моральное разложение общества, его коррумпированность, во-

вторых. Но нет оснований полагать, что это приведет к краху советской системы. Ведь одной из ее отличительных черт является устойчивость в экстремальных ситуациях (например, в условиях военного поражения летом-осенью 1941 года). Главной задачей советских правителей будет сохранение и консолидация их власти над страной. И все их усилия неизбежно будут направлены не на реализацию каких-то технократических идей, а на проведение мер, направленных на подавление недовольства народа и на сдерживание все нарастающей коррупции в каких-то рамках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Alexander G. Rahr, comp., *A Biographic Directory of 100 Leading Soviet Officials* (Munich: RFE/RL, 1984).
2. Н. Николаев. В. И. Ленин и КПСС об отборе и продвижении руководящих кадров. "Вопросы истории КПСС", 1984, № 6.
3. "Литературная газета", 1975, №№ 45, 51; 1976, № 5.
4. Т. И. Заславская. О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики. "Форум" (Мюнхен), 1983, № 5, с. 153.
5. М. Н. Руткевич, Ф. П. Филиппов. Социальные перемещения. М., с. 105-106.
6. Alexander G. Rahr. Op. Cit.
7. Т. И. Заславская. Цит. соч.
8. Eberhard Schneider. *Die zentrale politische Führungselite der UdSSR*, pt. 2 (Cologne, Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1982), s. 127.
9. Eberhard Schneider. Op. cit.

Э. С. Орловский

НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ XXVII СЪЕЗДА КПСС

В "Литгазете" № 1 от 1.01.86 (на стр. 4, в диалоге литературных критиков А. Латыниной и С. Чуприна) содержится такая фраза: "Все мы живем сейчас в ожидании перемен и, кажется, чувствуем их первые дуновения". Мне представляется эта фраза довольно удачной: действительно, такие "дуновения" очень заметны, перемен же существенных пока нет.

В этом ничего не изменил и прошедший XXVII съезд КПСС. Я внимательно следил за его работой. Нет недостатка в высказываниях делегатов съезда и советской печати, характеризующих этот съезд как исторический, переломный. Оправдает ли история такую характеристику, мы увидим в будущем.

Конечно, кое в чем съезд отличался от предыдущих. Не тем, что на открытии не зачитали список иностранных делегаций (во-первых, вопреки

утверждению некоторых советологов, так уже было, помнится, на предыдущем съезде, во-вторых, это вызвано не столько желанием уменьшить парадную шумиху, сколько желанием избежать лишних вопросов, относящихся к составу делегаций). Но вот, скажем, впервые доклад начат не с перечисления успехов, а с указания на недостатки. Хотя, конечно, новому генсеку легче признавать недостатки, в возникновении которых его вины нет или она незначительна, т. к. он даже и членом Политбюро стал не так давно.

Я согласен с тем, что доклад М. С. Горбачева носит во многом новаторский характер и производит гораздо более приятное впечатление, чем "затхлые" и ничего конкретного не говорящие доклады Брежнева. Особенно много новых и привлекательных идей высказал М. С. Горбачев в отношении управления экономикой и некоторых проблем международных отношений. Его высказывания в области расширения демократии и прав человека куда более неопределенны. В области экономики конкретные очертания реформ изложены лишь в области сельского хозяйства — и надо сказать, весьма далеко идущие, в том числе закрепление земли и средств производства за отдельными семьями. Впрочем, и это пока предложения, не закрепленные законодательно. Что касается управления промышленностью и строительством, то высказывания Горбачева значительно менее конкретны. Разумеется, никто не будет предлагать семейный подряд в крупной промышленности, но многие экономисты предлагали (в том числе на страницах "Труда") дать

право предприятиям самим выбирать поставщиков, договариваться (в определенных пределах) о ценах своих изделий, обеспечивать сбыт своих изделий; предлагалось также после введения этих изменений главным критерием оценки работы предприятий сделать сумму прибыли как синтетический показатель, определяющий народнохозяйственную эффективность деятельности предприятий. Эти предложения поддержаны многими газетами и журналами, но, скажем, журнал "Коммунист" не опубликовал ни одной статьи в этом духе, а наоборот, в декабрьском номере 1985 года (№ 18) опубликовал сразу две статьи диаметрально противоположной направленности, где в поток псевдонаучных слов, с цитатами не столько из Горбачева, сколько из Лигачева, упрятаны требования не расширять самостоятельность предприятий, а также не расширять, а ограничивать еще более возможности индивидуальной трудовой деятельности и т. п. Правда, обе статьи напечатаны в дискуссионной рубрике, но возражений я не видел.

Доклад Горбачева вроде бы предусматривает расширение самостоятельности предприятий, но об этом говорится довольно туманно, как и об индивидуальной трудовой деятельности. Можно предположить, что по этим вопросам в руководстве КПСС еще не выработано единого мнения.

Многие выступавшие на съезде упоминали, что нередко перестройка на "новый лад" оказывается чисто словесной, инициатива снизу и предприимчивость, как и прежде, не поощряются, многие руководители на местах как бы выжида-

ют. Это так именно и есть. В выступлениях на съезде не только Лигачев (занимающий второе место в ЦК — впрочем, неясно, не оттеснил ли его теперь Зайков на третье место), но и, скажем, Калашников из Волгограда заклеили редакцию "Правды" за пресловутую статью "Очищение", напечатанную 13 февраля. Но ведь упомянутый в этой статье "малоподвижный, инертный, вязкий слой", конечно же, реально существует и противодействует реформам (впрочем, редактор "Правды" Афанасьев остался на своем посту). Замечу к слову, что Хрущев, по-видимому, очень сильно ощущал приводящее подобно слою. Как пример его глупых решений приводят разделение каждого обкома, крайкома, облисполкома, крайисполкома на два: "промышленный" и "сельский" — такая чересполосица действительно выглядела нелепо, создавала путаницу, да и не могла быть проведена в жизнь последовательно; эту систему отменили немедленно после смещения Хрущева. Но я думаю, что Хрущев и его советники были отнюдь не дураки. Это решение (в сочетании с созданием совнархозов), как мне представляется, должно было помочь Хрущеву изменить состав этого среднего слоя (аппарата партийных и хозяйственных органов среднего звена управления) без того, чтобы идти на конфликт со значительной частью этого слоя. Действительно, эти решения предусматривали ведь увеличение этого слоя вдвое, т. е. введение туда новых, свежих людей без устранения прежних, окостеневших. А затем, через несколько лет, я думаю, и сам Хрущев провел бы новую реоргани-

зацию и сравнительно безболезненно убрал бы противников реформ. Мне давно пришло в голову такое объяснение — и чем дальше, тем больше я убеждаюсь в его правильности. (Кажется, никто пока такого объяснения не предлагал.)

Но дело, конечно, не только в консерватизме среднего слоя "аппаратчиков". Неясно, возможны ли вообще глубокие экономические реформы при сохранении основ нашего строя. Из книги Федосеева "Западня" вроде бы вытекает, что невозможны. Книга Федосеева мне очень понравилась, и она очень убедительна. Но его выводы основаны на предпосылке всеобъемлющего централизованного планирования и исключения возможности безработицы. Если эти предпосылки слегка ослабить, реформы, я надеюсь, будут возможны. Это вроде бы подтверждает и опыт Венгрии (а отчасти также и Польши, Югославии и в последнее время — Китая). Но вряд ли можно представить себе развязывание инициативы и предприимчивости без ослабления преследования инакомыслящих, цензуры и т. п. Пока этого ничего нет.

Хотя все без исключения выступавшие на съезде выражали свою полную поддержку Горбачеву, мне не показалось, что все они говорили в том же духе, что и он. Кроме Горбачева и Рыжкова, выделялись лишь речи Ельцина и Мураховского (кстати, я удивлен, что Мураховский не стал даже кандидатом в Политбюро). Большинство остальных произнесли похожие друг на друга речи из 4-х пунктов: 1). Я поддерживаю Горбачева, нужны радикальные меры, глубокие пере-

мены не на словах, а на деле; 2). Моя отрасль (или область, республика) в глубоком долгу перед партией и народом, мы не выполнили планов пятилетки и последних лет; 3). Новые планы еще более грандиозны, но мы твердо уверены в том, что выполним, и клянемся в этом партии и народу; 4). Но для выполнения этих планов абсолютно необходимо, чтобы нам добавили (по сравнению с тем, что заложено в проекте пятилетнего плана) денег, дефицитных материальных ресурсов и т. д. и т. п. Откуда, за счет чего предлагают взять эти ресурсы — не говорят. Абсолютно ясно, что всем, кто просит, дать вряд ли возможно. Так выполняют они план или заранее дают понять, что это пустые слова? Что же в таких выступлениях нового? Я думаю, ничего.

Наиболее глупыми мне показались речи президента Академии наук СССР Анатолия Александрова и руководителя Союза писателей СССР Георгия Маркова. Причем, похоже, они настолько глупы, что даже не заметили расхождения своих выступлений с провозглашенной Горбачевым линией. В том же духе выступал и режиссер Пушкинского театра в Ленинграде (Александринки) Игорь Горбачев. А. П. Александров, по существу, выступил за автаркию, против международного разделения труда, против тезиса о допустимости и даже желательности постепенного роста взаимозависимости с капиталистическими странами, а в конечном счете, вообще против любых внешне-экономических связей. Если мы будем только продавать, но не покупать, то кто же и за какие деньги будет у нас покупать? Да и возможно ли,

чтобы абсолютно все (не все выпускаемые, как говорит М. С. Гобрачев — он допускает, что какие-то товары выгоднее покупать, а уже если изготавливаем сами, то они должны быть лучшими, с этим можно согласиться; нет, Александров говорит о всех вообще возможных разновидностях товаров) были лучшими в мире, чтобы нигде не выпускался никакой товар, который не выпускался бы — еще лучшего качества — и у нас. А чего стоит его высказывание о закупке лишь отдельных образцов и их копирования вместо закупки серий изделий либо же лицензий на их производство?! Это идея сталинского времени, которая, казалось бы, давно отброшена жизнью. А к чему она приводила, очень хорошо показано в той же книге Федосеева "Западня", а впрочем, и во многих советских публикациях (помнится, у Н. Н. Смелякова).

Трагикомичным мне представляется руководитель Союза писателей (Марков), который (добро бы такое говорил Чебриков или Лигачев) главным недостатком нашей литературной критики считает недостаток единодушия в оценке тех или иных произведений! Он хотел бы, чтобы Министерство культуры, Госкино, Гостелерадио, Союз писателей (и, вероятно, еще отдел культуры ЦК КПСС и Главлит?) заранее согласовывали бы оценки каждого произведения с тем, чтобы было полное единодушие.

Возможно ли в таких условиях творчество, инициатива, предприимчивость, научно-технический и иной прогресс?

Весьма сомнительно!

А. Каценелинбойген

**К 25-ЛЕТИЮ ВЫХОД В СВЕТ КНИГИ
Л. В. КАНТОРОВИЧА
"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ НАИЛУЧШЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ" ***

25 лет назад в СССР издательством "Наука" была опубликована книга Л. В. Канторовича "Экономический расчет наилучшего использования ресурсов". Книга была написана в 1942 году; по известным причинам ее публикация задержалась на 17 лет.

Книга Канторовича является выдающимся произведением мировой экономической науки, что и было подтверждено присвоением ему Нобелевской премии. Вместе с тем книга Канторо-

* В основу статьи положен доклад, сделанный на семинаре по советской экономике Пенсильванского университета; руководитель семинара проф. Г. Левин. Я благодарен участникам семинара за высказанные ими критические замечания.

имущественно коснись общего отношения в СССР к применению математических методов в экономике за последние 25 лет.

Трудности в развитии советской экономики, с которыми столкнулись советские лидеры после смерти Сталина, с одной стороны, и — с другой — темпы развития японской и западногерманской экономик, особенно в 50-е — 60-е годы, успехи США в создании новой технологии и, в особенности, имеющей военное значение, заставили их уже в 50-е годы начать искать новые пути развития экономики.

Математические методы анализа экономических процессов, подкрепленные компьютерами, создавали иллюзию, что с их помощью можно будет резко повысить эффективность советской экономики. Если полагать, что экономика сводится к производству благ по заданной технологии, что ее участники заинтересованы в росте производства и что основной причиной трудностей в развитии экономики является недостаточная *координация* усилий участников, направленных на выполнение благих намерений лидеров страны, то в этом случае современные математические методы и компьютеры в принципе могут действительно серьезно помочь улучшению дела. Но все дело в том, что решающие причины, определяющие успех экономики, относятся, с одной стороны, к возможности ограничения намерений лидеров, отнюдь не всегда благих, а с другой — к области производства новых идей (а не только непосредственно продуктов и услуг) и заинтересованно-

вича в огромной мере повлияла на дальнейшее развитие советской экономической науки. Это влияние многопланово и весьма противоречиво. Я уже имел возможность опубликовать свои замечания по поводу значения книги и истории ее появления.¹ В данной статье я хотел бы высказать лишь некоторые мысли по поводу того, как повлияла книга на процесс развития советской экономической науки; они дополняют и развивают мои прежние публикации на эту тему.²

В изложении материала я прежде всего опираюсь на свой личный опыт, так как первые пятнадцать лет я сам принимал активное участие в становлении и развитии этих методов. Информация о развитии экономико-математических методов в СССР за последние десять лет почерпнута мною в основном из соответствующих литературных источников и прежде всего из журнала "Экономика и математические методы", за которым я систематически слежу.

Иллюзии и реальность по поводу полезности математических методов в советской экономической науке

Влияние идей оптимального планирования на развитие советской экономической науки, отраженных в книге Л. В. Канторовича, можно понять в общем контексте развития математических методов анализа экономических процессов; последние включают также межотраслевой баланс, эконометрические методы. Поэтому я вначале пре-

сти людей в росте эффективности производства (а не выполнении планов).

Эти же причины лежат в области, которая пока не поддается автоматизации и формализации. Здесь важна прежде всего инициатива свободной личности, действующей в рамках плюралистического, демократического механизма. Таким образом, совместить свободу участников экономической системы нельзя без создания демократии, именуемой свободным обществом. Мы можем гадать по поводу того, понимают или не понимают советские политические лидеры необходимость создания демократического механизма для успешного развития страны. Вполне возможно, что у некоторых из них есть иллюзии, что разумный авторитарный режим может успешно развиваться. Но во всяком случае можно с большой уверенностью сказать, что советские политические лидеры не только не хотят расставаться со своей властью, но не желают даже частично поступиться ею во имя развития страны. Между тем многие из них понимают, что что-то надо делать для улучшения механизма управления экономикой.

Как это ни парадоксально звучит, новые математические методы исследования оказались весьма удобными для большинства советских политических деятелей, весьма далеких от понимания этих методов по существу, но желающих некоторых изменений в экономической системе. Их консерватизм прежде всего касается сохранения нынешнего политического механизма, для кото-

рого характерен *командный* стиль руководства, включающий систему *назначений*. Математические методы экономического анализа, подкрепленные еще вдобавок компьютерами, создают иллюзию, что их применение может радикально улучшить экономическую ситуацию и вместе с тем сохранить нынешний политический режим.

Между тем для предложений по совершенствованию социально-экономического механизма путем введения рыночных отношений и сопровождающих их институтов (конкуренции, безработицы, материальной ответственности коллективов и т. п.) характерны вербальные методы анализа. Хотя эти методы и более понятны для обывденного сознания руководителей, их внедрение грозит ослаблением устойчивости власти и главное — лишает власть имущих особых привилегий. Если, к примеру, коллектив сам отвечает за результаты своей деятельности, то надо предоставить ему самому выбирать руководителей; в этом случае у власть имущих отнимается могучее средство для получения нелегальных благ (как, например, через систему назначений).

Таким образом, политический спектр новых методов анализа экономических процессов вполне устраивал консервативных политических деятелей, которые были готовы к некоторым изменениям в управлении экономикой при условии сохранения целостности их власти. Эти методы вызвали негативное отношение как со стороны реакционных политических деятелей, которые вообще не хотели каких-либо изменений в механиз-

ме управления (или точнее хотели сохранения благословенного сталинского режима), так и со стороны тех политических кругов, которые готовы были к созданию более гибкого экономического механизма времен НЭПа.

Что касается идеологии, то она, на мой взгляд, не была существенным барьером для развития новых методов экономического анализа. Хотя эти методы грозили подорвать марксистские экономические догмы, созданный политический механизм надежно защищал принятую идеологию. Дело в том, что марксистская идеология довольно гибка и если нужно, легко может называть черное белым и белое черным. А авторитарные режимы поощряют это и считают нормальным такие перевертыши. Смелость требуется, чтобы в этих условиях черное называть черным, а белое — белым. Как в этой связи перекликаются эпиграмма Фридриха фон Логау (1604-1655)

Что значит в наши дни быть баснословно
смелым?

Звать черным черное, а белое звать белым.

Чрезмерно громких од убийцам не слагать,

Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

(Перевод Л. Гинзбурга)

с приписываемым Анне Ахматовой высказыванием по поводу величия Бориса Пастернака:

”Он черное называл черным, а белое белым”.

Советские лидеры достаточно циничны и им безразлична идеология, если им предлагается нечто, что может укрепить и расширить их власть и при этом сохраняется внешняя видимость при-

верженности принятой идеологии. Эти лидеры не разрешат прямо критиковать К. Маркса и В. И. Ленина, так как они возведены в ранг святых и каждое слово в их писаниях свято. Но благо они писали много и разное в разное время и по разному поводу. Поэтому при большом желании в их писаниях можно найти утверждения, позволяющие оправдать почти любую точку зрения. Отправляясь от такого выбранного общего утверждения, можно дальше развивать выбранную исследователем точку зрения.

Сказанное мною во многом подтверждается опытом развития экономико-математических методов в СССР за последние 25 лет. Действительно, за эти годы были сделаны серьезные вложения в развитие экономико-математических методов и компьютеров. Было создано несколько специализированных научно-исследовательских институтов, ответственных за развитие математических методов анализа экономики, и среди них прежде всего Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР. Во многих исследовательских институтах как общэкономического характера, так и отраслевых были созданы отделы (секторы), занимающиеся математическими методами в экономике. За эти годы была создана мощная сеть отраслевых конструкторских бюро, специализирующихся в области автоматизированных систем управления; последние, естественно, требовали экономических и математических обоснований. Была сформирована сеть вычислительных центров, специализирующихся

на обработке экономической информации и среди них прежде всего Вычислительный центр Госплана СССР.

За последние 25 лет развернулась подготовка кадров экономистов и математиков, специализирующихся в области экономико-математических методов. Были созданы специализированные кафедры в некоторых университетах (в том числе Московском, Ленинградском, Новосибирском) и учебных институтах.

Усилилось обучение всех студентов-экономистов современным математическим методам и прежде всего линейному программированию.

Одним из признаков усиления экономико-математического направления является также рост ее "генеральского" и "офицерского" состава. В СССР "генеральские" звания, т. е. титулы академика и член-корреспондента Академии наук играют большую роль. Прежде всего эти титулы даются за административную деятельность и в свою очередь способствуют получению административной власти. Не приходится уже говорить о том, что престиж, который обеспечивается этими титулами, позволяет этим людям оказывать большое влияние на развитие того или иного направления в науке. Напомню, что первая специализированная организация, занимающаяся математическими методами в экономике, — Лаборатория экономико-математических методов — была создана в конце 50-х годов академиком В. С. Немчиновым. Он сделал это, используя свое право академика на создание *самостоятельной лаборатории*.

Из общего числа (около 30 человек) советских экономистов академиков и член-корреспондентов Академии наук СССР преобладающее большинство не знает и по своему возрасту уже не может знать экономико-математические методы. Это не значит, что все они одинаково относятся к этим методам; диапазон велик: от откровенно враждебного до весьма положительного. Среди советских экономистов, после смерти Немчина в 1965 г., три академика А. Г. Аганбегян, А. И. Анчишкин, Н. П. Федоренко представляют это направление. За прошедшие годы произошли сдвиги в составе членов-корреспондентов Академии наук СССР. Так, членами-корреспондентами стали известные экономисты, непосредственно занимающиеся экономико-математическими методами, — В. Л. Макаров, С. С. Шаталин.

Я, к сожалению, не знаю соответствующую статистику, но могу утверждать, что за прошедшие годы резко вырос, если так можно выразиться, "высший и средний офицерский состав" в экономико-математическом направлении. Я думаю, что подготовлено порядка 100 докторов экономических (или физико-математических) наук и 1000 кандидатов экономических (или физико-математических) наук, специализирующихся в данном направлении. Это составляет около пяти процентов общего количества докторов и кандидатов экономических наук. В СССР сейчас около десяти специализированных ученых советов в области экономико-математических методов, которым предоставлено право присуждать докторские и кандидатские степени.

Все отмеченные выше организационные меры позволили привлечь в экономическую науку заметное число способных людей. Прежде всего мне хотелось бы отметить в этой связи приход в экономику группы талантливых математиков, занимающихся "чистой наукой". Мне представляется, что наличие такой группы ученых создает потенциальные возможности для появления новых сильных результатов, поскольку "чистая" математика создает возможность глубокого видения и переосмысливания экономических проблем. Именно выдающиеся результаты в экономической науке в последние десятилетия были сделаны "чистыми" математиками, которых интересовало нахождение путей использования новых математических идей в различных приложениях. Я имею здесь в виду теорию игр и теорию оптимального планирования, соответственно созданные двумя выдающимися математиками Дж. фон Нейманом и Л. В. Канторовичем. Канторович мне рассказывал, что именно знание функционального анализа позволило ему понять методы анализа неклассических оптимальных задач, которые отражают суть многих экономических процессов. Между тем в 30-е годы функциональный анализ многими математиками считался малоперспективной областью. Канторович был одним из нескольких математиков, которые вопреки этому мнению начали интенсивно изучать функциональный анализ.

К сожалению, причины появления в советских исследовательских институтах групп талантливых

”чистых” математиков весьма специфичны: они довольно часто были связаны не с нормальным ходом развития науки, а были внезапно вызваны уродствами советской политической системы. Дело в том, что среди этих математиков резко преобладали лица еврейской национальности, которые в силу антисемитской политики советского государства (принявшей в последние годы особенно резкие формы в среде математиков) не могли устроиться на работу в достойные для них организации, где они могли бы заниматься интересующими их проблемами. Что касается новой быстро развивающейся области математической экономики, то там еще в 60-е годы и начале 70-х хорошему математику еврею можно было получить работу в хорошей организации.

Эмиграция в 70-е годы евреев из СССР в значительной мере охватила эти группы ”чистых” математиков, униженное положение которых в особенности стимулировало их отъезд из СССР. Так, только из ЦЭМИ уехали А. С. Дынин, Е. Б. Дынкин, А. Б. Каток, Б. С. Митягин, Б. Г. Мойшензон, которые получили на Западе возможность в полной мере сконцентрироваться на интересующих их проблемах, не платя дань в виде занятий экономикой за право работать в приличном учреждении.

Мне все же хочется надеяться, что работающие в советских экономических институтах группы ”чистых” математиков, хотя и резко ослабевшие, внесут свой вклад в развитие экономической науки. Появление в 70-е годы в СССР нескольких

книг в области математической экономики, написанных "чистыми" математиками, хотя они и не содержат революционных результатов, все же свидетельствует о развитии потенциала в этой области.³⁻⁵

Несмотря на все предпринятые усилия по развитию экономико-математических методов, они не оказали существенного влияния на развитие советской экономики. Они не смогли предотвратить падение темпов развития советской экономики, которые практически стали сейчас близки к *отрицательным*. Можно полагать, и я разделяю мнение профессора Мичиганского штатного университета В. Э. Шляпентоха по этому поводу, что политические лидеры, которые поддерживали экономико-математическое направление, разочаровались в нем. Косвенным подтверждением этому могут служить следующие факты. Известно, что Госплан СССР всегда достаточно враждебно относился к экономико-математическим методам. Однако под давлением "сверху" он вынужден был "кокетничать" и внешне признавать целесообразность этих методов. В начале 60-х годов в Госплане СССР был создан специальный отдел по внедрению экономико-математических методов. Однако в начале 70-х годов он был ликвидирован, точнее преобразован в подотдел и влит в состав отдела сводного планирования. Мне неизвестна судьба этого подотдела; недавно его начальник В. Косов перешел на другую работу, а новый начальник этого подотдела мне неизвестен.

В журнале "Плановое хозяйство" в конце 60-х

годов была введена специальная рубрика, посвященная внедрению экономико-математических методов. В 1972 году под этой рубрикой было опубликовано 10 статей, в 1977 – 8 статей. 1979 год был последний для этой рубрики; в этом году было опубликовано только 2 статьи. В 80-е годы журнал хотя и упоминает о таких средствах экономико-математического анализа, как производственные функции или таблицы межотраслевых связей, однако статьи с математическим формализмом полностью исчезли, как и общая рубрика, относящаяся к внедрению экономико-математических методов.

Прогрессивные критики математических методов в экономике еще в 60-е годы предупреждали, что основным средством решения экономических проблем являются социально-политические преобразования. Они справедливо считали, что без внедрения рыночных механизмов и сопровождающих их социально-политических механизмов (прежде всего децентрализованной собственности, устранения партии из хозяйства) нельзя рассчитывать на значительные положительные сдвиги в экономической области. Отсюда всякого рода упования на решающую роль математических методов и компьютеров считалось ими технократической утопией, попыткой создания золотой клетки.

Если согласиться с указанной критикой экономико-математических методов и довести ее до предела, то все, что было сделано в СССР за последние 25 лет в области развития этих мето-

дов, надо считать бесполезным. Мне представляется, что в данном случае дело обстоит сложнее. Я в принципе согласен с утверждением, что без соответствующих социально-политических преобразований (и прежде всего плюралистического механизма) нельзя добиться эффективного развития экономики. Но вместе с тем без развитой экономической науки, включающей математические методы, также нельзя добиваться устойчивых высоких результатов. Типичным для многих советских либеральных ученых является мнение, что рынок все автоматически делает. Они часто путают *рынок* и *базар*. Современный рынок — это самый сложный механизм, могущий включать весьма развитые институты вплоть до индикативного планирования. Он требует огромных знаний от его участников и особенно от руководителей крупных предприятий, финансовых учреждений и работников государственных учреждений, участвующих в регулировании экономики. Без знания современных экономико-математических методов нельзя серьезно думать об участии в функционировании рыночного механизма в условиях развитого индустриального общества.

Если в рамках командного советского планового механизма можно еще управлять экономикой, руководствуясь опытом и здравым смыслом (хотя и ценой огромных потерь), то трудно надеяться, что без знания современной экономической теории можно построить и успешно эксплуатировать развитый экономический механизм, сочетающий сложные горизонтальные механизмы

(рынок) с вертикальными (вмешательство государства).

Таким образом, экономико-математические методы являются *необходимым условием* для построения развитой социально-экономической системы. Ошибочность в понимании роли этих методов была связана либо с их *переоценкой*, т. е. принимали за *достаточное условие* улучшение механизма планирования, либо с их *недооценкой*, т. е. игнорированием их значительной роли в формировании и функционировании современного экономического механизма.

С учетом сказанного, мне представляется, что оценку роли экономико-математических методов в развитии советской экономической науки и ее практического воплощения следует давать прежде всего с точки зрения создания *потенциала* для будущего социально-экономического прогресса страны. Эти методы окажутся в особенности важными, когда произойдут социально-политические преобразования, позволяющие значительно повысить эффективность экономики. Поскольку в этих условиях значительно повысится *сложность* экономического механизма, то необходимость иметь экономически образованных людей станет особенно очевидной. Сказанным я вовсе не хочу перечеркнуть практическую полезность проведенных и проводимых мероприятий по совершенствованию советской экономики с помощью математических методов. Я хочу только заметить, что в рамках сложившейся системы их роль может быть не столь важна по сравнению с ролью

в процессе формирования и функционирования более развитых экономических механизмов.

Последующее изложение будет посвящено анализу некоторых успехов и трудностям в развитии экономико-математических методов в течение последних 25 лет с точки зрения формирования потенциала для их эффективного применения в условиях развитого экономического механизма. При анализе успехов я хочу остановиться подробнее на развитии экономической теории под влиянием математических методов (об организационных успехах я уже выше говорил), а при анализе трудностей — на сложности в восприятии этих методов широкими кругами экономистов.

Развитие экономической теории с использованием математических методов

Концепция оптимального функционирования является лидирующей для развития экономической теории в СССР за последние 25 лет.^{6,7} Она вбирала другие экономико-математические методы и прежде всего межотраслевой баланс как частный случай, т. е. для ситуаций, когда число технологий-отраслей было равно числу продуктов, отсутствовали невоспроизводимые ресурсы (природные ресурсы) и т. п. Что касается эконометрических исследований, то на первый взгляд казалось, что они могут использоваться преимущественно для целей статистического анализа экономической информации. Между тем эконометрические методы вызвали весьма болезненные теоретические вопросы.

Эконометрические методы опираются на *экстраполяцию* прошлых тенденций развития, точнее акцентируют внимание на анализе слабо контролируемых переменных; эти методы могут играть либо *прогностическую* роль, либо требовать при планировании в будущем отказа от целевой компоненты, т. е. от текущих политических намерений лидеров. Жестокая критика эконометрики с этой точки зрения была дана еще в тридцатые годы, когда стало очевидным, что план — это не прогноз, не пожелание, а директива, закон, обязательный для всех экономических подразделений и что советское планирование должно опираться не на экстраполяцию тенденций прошлого опыта индустриального развития, а должно выражать интересы лидеров (точнее, в то время — Сталина), направленные на создание могучей военной России. Поэтому, когда в конце 60-х годов в СССР вновь стали появляться эконометрические методы исследования (и это связано прежде всего с именами Б. Н. Михалевского⁸ и А. И. Анчишкина⁹), претендующие на прогнозирование советской экономики, то часть консервативных советских плановиков усмотрела в этом угрозу директивному целевому планированию. В этой связи можно, в частности, упомянуть статью консультанта отдела планово-экономических органов ЦК КПСС Ю. Белика, в которой он уже в начале 70-х годов выступает против математических методов в экономическом прогнозировании.¹⁰

Между тем эти методы прогнозирования были все же использованы для анализа советской эко-

номики и сыграли даже практическую роль в советском долгосрочном планировании (и при этом более существенную, чем оптимальное планирование). Можно полагать, что отсутствие в СССР долгосрочных планов, на 15-20 лет, при всей их практической необходимости, связано в частности с тем, что в таких планах очень важна идеологическая компонента. Даже в пятилетних планах можно ограничиться общими количественными утверждениями о росте жизненного уровня, подкрепив их ничем не обязывающими цифрами. В долгосрочном плане надо показать *качественное* развитие советской экономики на пути к коммунизму. Можно, конечно, это сделать с помощью демаггии: так поступили с долгосрочным планом на 1961-1980 гг., который был объявлен Программой построения коммунизма в СССР. Однако в 70-е годы при составлении долгосрочного плана было проявлено больше осторожности, поскольку политическое руководство было более консервативным и относительно менее амбициозным. Проведенные эконометрические исследования показали, что *экстенсивный* рост советской экономики, т. е. ее развитие преимущественно за счет вовлечения новой рабочей силы и капиталов, не может дальше успешно продолжаться (истощены освоенные месторождения природных ресурсов, устарело оборудование, демографические сдвиги ведут к сокращению рабочей силы и т. п.). Вывод из прогноза гласил, что нужно переходить на *интенсивные* методы развития экономики, опирающиеся на технический прогресс и заинтере-

сованность работников в его осуществлении. Для этого в свою очередь нужно осуществить глубокое изменение социально-экономического механизма. Но во всех случаях прогноз показывал, что уровень производства в СССР к 90-м годам не превысит уровня производства США (а на душу населения и другие развитые капиталистические страны). Такого рода вывод имеет крайне негативное идеологическое звучание. Получается, что самая прогрессивная система, каковой себя считает советская, на стадии развитого, зрелого социализма и уже в окружении социалистических стран, не может превысить экономический уровень ведущих капиталистических стран, почти три столетия находящихся в состоянии деградации под влиянием антагонистических внутренних противоречий и раздираемых между собой войнами из-за эгоистических интересов национальных буржуазий.

Однако возвратимся к концепции оптимального планирования. Как упомянутая книга Канторовича, так и сопутствующие ей работы В. В. Новожилова¹¹ и А. Л. Лурье,¹² представляли народное хозяйство моделью оптимального планирования. Благодаря такой модели экономистам, во-первых, предлагался метод мышления, в котором органически сочетается, с одной стороны, выбор цели, рассмотрение структуры и объема конечного продукта как неизвестных величин, а с другой — наличные технологии и исходное многообразие всякого рода ресурсов. Во-вторых, явным образом показывалось, что цены продуктов

и ресурсов, включая труд, природные ресурсы и капитальные блага, возникают в ходе составления плана и являются инструментом не только составления, но и реализации плана. Для подавляющего большинства советских экономистов такого рода мышление непривычно и поныне (но об этом ниже).

Конечно, данные выводы из теории оптимального планирования, особенно в работах Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова принимали "марксоидные" формы, которые уродовали их чистоту и ясность. Я имею в виду, к примеру, модели оптимального планирования, предложенные Новожиловым, в которых критерий оптимальности задан в виде функции по минимизации общих затрат труда и в качестве дополнительных ограничений к наличным ресурсам фигурируют объемы производства конечных продуктов. Такого рода модели создают иллюзию марксистского характера возникающих цен оптимального плана, поскольку они измеряются в абстрактном (простом) труде. Однако за такого рода иллюзию приходится платить весьма дорогую плату. Прежде всего ставится ложная проблема поиска путей соизмерения разных видов труда, отличающихся по своей сложности, и их редукции к простому труду (в противном случае нельзя строить отмеченный выше критерий оптимальности). Игнорирование марксизмом категории цены труда закрепляется в такого рода моделях. А между тем введение этой категории позволяет понять необходимость высоких доходов для высококвалифицирован-

ных работников: это нужно для правильного подсчета затрат на производство различных продуктов и сопутствующего ему оптимального распределения ограниченных ресурсов. Для целей же социальной справедливости может оказаться необходимым перераспределить доходы; это уже делается через систему налогов. (Попутно замечу, что не только подавляющее большинство советской интеллигенции, но и экономистов не понимают, зачем в планируемой системе нужны налоги на заработную плату: они видят в этом ненужную бюрократическую процедуру.)

Далее, в модели Новожилова принимаются априори объемы конечных продуктов. Этим самым разрывается единый процесс поиска в ходе оптимального плана объема производства различных конечных продуктов и интенсивность использования различного рода технологий для производства данного продукта; в модели Новожилова ищется только оптимальная интенсивность различных технологий.

Многие советские экономисты, воспринявшие идеи оптимального планирования, в последние 25 лет продолжали развивать отмеченную выше модель Новожилова или пытались построить подобные "марксоидные схемы".¹³ Между тем модели оптимального планирования и ценообразования, основанные на явном введении предпосылки о соизмеримости благ по их полезности, набирали силу. Появление заметного числа работ, посвященных теоретическому анализу категории общественной полезности, свидетельство этому.¹⁴⁻¹⁶

С середины 60-х годов на смену общей модели представления народного хозяйства приходит модель советской экономики в виде оптимизационной задачи большой размерности, требующей для ее решения декомпозиционных схем, т. е. иерархического представления структуры управления советской экономики. Развитие этого направления связано прежде всего с такими именами, как В. А. Волконский,¹⁷ Л. М. Дудкин,¹⁸ В. Л. Макаров,¹⁹ Ю. В. Овсиенко,²⁰ В. Ф. Пугачев,²¹ Е. Ю. Фаерман,^{20,22} и автором данной статьи.²⁰

Основной теоретический вклад данного направления в экономическую науку — это четкое видение того, как локальный критерий оптимальности, принятый для хозяйственной ячейки данного уровня иерархии, увязывается с критерием оптимальности ячеек вышестоящих уровней и в конце концов с глобальным критерием оптимальности по всей системе. В частности, было показано, что такого рода увязка может идти через цены. Цены, вырабатываемые на данном уровне иерархии, используются для формирования локального критерия оптимальности хозяйственных ячеек нижестоящего уровня; этим локальным критерием является прибыль. Глобальным критерием оптимальности по системе в целом может быть при этом максимальное удовлетворение потребностей членов общества.

Такого рода выводы позволяют явно видеть причины появления развитого ценностного механизма в советской экономике. Она порождена необходимостью деконцентрации решений, предо-

ставления хозяйственным ячейкам с учетом их внутренних возможностей и степеней свободы самим выбирать целесообразную структуру и объем затрат-выпуска. Этот взгляд целиком перечеркивает бытующие теории необходимости формирования ценностного механизма в советской экономике, основанные на всякого рода предположениях о его временности в связи с наличием двух форм собственности (государственной и кооперативной), разнокачественности труда и т. п.

Отмеченное мною выше понимание ценностного механизма, вытекающее из оптимальностного представления экономики, предупреждает от упрощенной его трактовки как синонима рынка. И поныне подавляющее большинство советских экономистов убеждены, что ценностной механизм порождения рынка является атавизмом в советской плановой системе. Отсюда категории цен и прибыли трактуются в рамках планируемых экономик как буржуазные категории. Попутно замечу, что некоторые западные исследователи советской экономики также ошибочно приписывали советским сторонникам оптимального планирования близость к идеям рынка, поскольку они руководствуются ценами и прибылью для локальных решений. Цены и прибыль — это экономические *инварианты*, присущие любой развитой экономической системе. Планируемые системы отличаются от рыночных в этой связи методами формирования этих параметров, т. е. соответственно централизованными или децентрализованными. Такое понимание цен и прибыли позво-

ляет понять, как опасно в рамках действующей планируемой системы усиливать роль цен и прибыли без кардинальной перестройки механизма формирования цен. Использование марксистских схем при установлении государством цен на основе трудовой стоимости и в свою очередь полученных цен для формирования прибыли как решающего критерия оценки деятельности хозяйственных ячеек может привести к расстройству экономики. К сожалению, экономисты, обосновывающие экономическую реформу 1965 г., и прежде всего ее основной автор Е. Г. Либерман, будучи теоретически марксистски ориентированными учеными, совершенно не понимали опасности их предложений. Экономическая реформа в СССР была свернута по другим причинам, нежели несовершенство положенной в ее основу теории. Между тем идеи реформы живы и, к сожалению, в рамках тех же марксистских принципов формирования ценностного механизма.

В 70-е годы продолжались поиски новых направлений в рамках теории оптимального функционирования экономики. Наиболее близко к предыдущим работам в этом направлении примыкают теоретические исследования *неравновесных* экономических ситуаций. Они представлены в замечательных работах, выполненных Э. М. Браверманом²³ и В. П. Полтеровичем.²⁴ В этих работах авторы пытаются также увидеть, каким образом при наличии неравновесных ситуаций, отсутствии оптимальных (равновесных) цен можно привести экономику к оптимальному (равновесному) со-

стоянию. Если учесть реальную ситуацию в СССР, трудности внедрения оптимального планирования и сопутствующих ему цен, то такого рода исследования могут заметно помочь нахождению компромиссных решений в направлении приближения экономического механизма к режиму оптимального функционирования.

70-е годы принесли новые веяния в развитие концепции оптимального планирования в том смысле, что в большей мере стала осознаваться ограниченность этой концепции, игнорирование ею участия людей с их страстями и интересами в процессе функционирования экономической системы.²⁵ К примеру, сторонники концепции оптимального планирования молчаливо предполагают, что данная хозяйственная ячейка заинтересована в том, чтобы выдавать вышестоящим ячейкам полную и правдивую информацию о своих производственных возможностях и что спущенный ей сверху план она будет стараться максимально перевыполнять. Группа сотрудников Института проблем управления, возглавляемая А. Я. Лернером, предприняла попытку построить непротиворечивую систему стимулирования работников к максимально правдивому представлению своих внутренних возможностей вышестоящим плановым органам.²⁶ Поскольку А. Я. Лернер выразил желание эмигрировать в Израиль, он был отстранен от работы, и данное направление не получило значительного дальнейшего развития.

В работе по оптимальному функционированию

советской экономики, предпринятой в конце 60-х — начале 70-х годов Э. Ф. Барановым, В. И. Данильяном, М. Г. Завельским, группой работников ЦЭМИ АН СССР, была сделана заметная попытка усилить роль человеческого фактора в модели, в частности, ввести явно роль интересов коллективов определенного региона, миграционных потоков рабочей силы и т. п.²⁷ К сожалению, в середине 70-х годов эта группа распалась (по-видимому, сказались трудности распределения престижа). Мне неизвестно какое-либо серьезное продвижение работ в этой области.

Начали проводиться весьма интересные исследования, посвященные связи социологии и оптимального планирования.²⁸

Наконец, в 70-е годы стала глубже осознаваться и в целом ограниченность концепции оптимального функционирования экономики. Под влиянием практических требований разработки отдельных программ (такими были в свое время программы развития химии, производства кукурузы и т. п.) возник вопрос о достаточности оптимального плана для решения хозяйственных проблем. Действительно, если есть оптимальный план, то, казалось бы, он отвечает на все вопросы развития производства во времени и пространстве. Зачем же нужны в дополнение к нему отдельные программы? Группа математически ориентированных экономистов во главе с профессором Е. З. Майминасом пытается ответить на этот вопрос.²⁹ Хотя методология этих исследований оставляет желать лучшего, ценность этих иссле-

дований заключается в попытке выйти на более широкие пути *эффективного* планирования, нежели оптимального. Мне представляется, что такого рода попытки являются шагом вперед к более реальным схемам планирования, учитывающим *индетерминистский* характер экономических процессов. Оптимальное планирование, если даже оно учитывало стохастичность экономических процессов, остается в рамках детерминированных систем.

К сожалению, в западной советологической литературе советским исследованиям в области "эффективного" планирования не уделялось достаточное внимание. И мне кажется, что это досадный пробел.

80-е годы, как можно судить по литературе, не принесли каких-либо новых веяний в советскую экономическую теорию, использующую математические методы. Вместе с тем наступил конец детанта после советского вторжения в Афганистан. Происходит идеологическое перевооружение в СССР с возрождением акцента на том, что главный враг для СССР — это США с его стремлением к мировому господству, и все это при нежелании и неумении не только болезненной геронтократии, но и омолодившегося руководства осуществлять какие-либо внутренние преобразования в ответ на требования стагнирующей экономики.

В этих условиях идеологический залп по Центральному экономико-математическому институту, который выпустил К. У. Черненко в своей

речи на Пленуме по идеологии в середине 1983 г., является зловещим предзнаменованием дальнейших ограничений для творческого развития экономической теории в СССР.

О практическом воплощении концепции оптимального функционирования экономики

Обычно принято противопоставлять теоретические построения оптимального функционирования экономики практическим результатам в случае, если эти построения не воплощены в модели, которые можно наполнить статистикой и получить из них числа как команды для практических действий. Мне представляется, что такого рода *дихотомия* не оправдана, так как существует целый *спектр* отношений между указанными двумя крайними состояниями. В этом спектре важную роль играет фаза, при которой теоретическая схема обогащает интуицию экономиста-плановика, позволяя ему принимать грубые решения в разумном направлении, нежели точные решения, но в ложном направлении.

Математические методы играют на этой фазе существенную роль. Общеизвестна роль математических методов в развитии экономической теории. Я хотел бы лишь кратко напомнить о некоторых сторонах их применения, имеющих, по-моему мнению, особо важное значение для формирования сознания советских экономистов-плановиков. Прежде всего, математические методы позволяют осуществлять *моделирование* про-

цесса, т. е. переводить проблему данной системы на другой язык без какого-либо насыщения этих моделей конкретным цифровым материалом. Такое языковое преобразование, учитывая *компактность* математического языка, дает возможность увидеть проблему в *целом*, увидеть связь всех ее параметров. При словесном изложении проблем, в силу громоздкости и невозможности целостного обозрения, трудно увидеть данную проблему в целом. Более того, математические методы обеспечивают возможности анализа *полноты* картины, насколько в модели полностью представлены все необходимые зависимые и независимые переменные и связи между ними. При словесном изложении эту полноту довольно легко упустить.

Наличие такого рода математической модели весьма дисциплинирует мышление, поскольку из модели весьма четко видно, в рамках каких *предпосылок* верны сделанные выводы. Для советских экономистов типичны попытки делать выводы без четкого формирования предпосылок, в рамках которых они верны. Конечно, такого рода метод мышления "привилегия" не только советских экономистов: это общечеловеческая ограниченность. Но все дело в мере. По сравнению с физиками или даже биологами экономисты в меньшей мере привыкли к сочетанию предпосылок и выводов.

Сказанное о моделировании процессов на математическом языке может быть далее реализовано в изящных дедуктивных схемах, в которых из малого числа предпосылок можно полу-

чить большое число различных следствий. Я совместно с С. М. Мовшовичем и Ю. В. Овсиенко сделал попытку построить динамическую оптимизационную модель экономики, основанную на сравнительно малом числе предпосылок, и получить из нее в качестве следствий многообразие различных экономических категорий (ренту, амортизацию, цены на продукты разового и длительного пользования, цену труда и т. п.).³⁰ Вместе с тем данная модель позволила показать, как все эти категории взаимосвязаны в финансовых потоках, которые сопровождают движение факторов в натуре.

Наконец, я хотел бы обратить внимание на такую важную сторону использования математики в экономике, как возможность построения механизмов ее функционирования, основанных на *переводе* с математического на экономический язык различных алгоритмов решения экономических задач. Достигнутые успехи в области формирования алгоритмов решения задач большой размерности, основанные на принципе декомпозиции, позволяют в значительной мере начать имитирование процесса функционирования иерархических структур управления, столь характерных для советской плановой системы. Наличие множества различных типов алгоритмов решения позволяет предположить соответствующее множество схем различных методик планирования и реализации планов.

Всем сказанным о роли математических методов в обогащении интуиции экономиста-плани-

ка я вовсе не хочу перечеркнуть роль практического воплощения моделей в смысле насыщения их информацией и доведения до счета на компьютере. Различные части спектра реализации теоретических построений могут комбинироваться в системе управления. Та или иная часть спектра может использоваться в соответствующей части системы управления, а затем они могут синтезироваться. Именно так действует конструктор любой большой системы. Его гений, обогащенный теоретическими знаниями, позволяет ему сформировать общую концепцию данной конструкции, скажем, моста. Отдельные его части, если они достаточно развиты, могут быть описаны моделью и посчитаны, к примеру, опорные части. Синтез всей системы принадлежит конструктору.

Таким образом, практическое воплощение теории оптимального функционирования экономической системы могло бы прежде всего коснуться руководящих плановых работников в части, касающейся обогащения их интуиции. Так, в частности, упомянутая выше работа,³⁰ поскольку она дает общую картину движения натуральных и финансовых потоков в оптимизируемой экономике, позволяет плановикам увидеть, как принимаемые ими интуитивные решения могут быть увязаны между собой. К примеру, если вводить ренту на природные ресурсы, пусть пока даже интуитивным путем устанавливая ее суммы, то как это скажется на ценах на продукты, как изменится при этом доходная часть бюджета и роль каких механизмов налогообложения долж-

на быть при этом сокращена, чтобы сохранить одновременно *направляющую* роль цены и обеспечить взаимоувязку натуральных балансов производственных факторов и финансовых потоков.

Между тем практическое воплощение теории оптимального функционирования экономики понималось прежде всего и главным образом как формализация экономических процессов, насыщение моделей числами и их компьютерная обработка. Если учесть, что действующий экономический механизм сопротивляется внедрению этих моделей, то даже в тех случаях, когда удавалось создавать такие практические модели, они отвергались средой как чужеродное тело. Об этом много писалось в литературе, и я не буду приводить примеры.

К сожалению, крайне мало было сделано и для обогащения интуиции руководителей министерств и Госплана конструкциями, следующими из теории оптимального функционирования. Даже в ведущем институте по обучению новым идеям советских хозяйственных руководителей (институт, в котором обучаются в течение нескольких месяцев с отрывом от производства заместители министров, ведущие работники ЦК КПСС и т. п.) идеи оптимального функционирования сводились преимущественно к изложению методики формулирования и решения отдельных конкретных оптимизационных задач.

Характеризуя в целом внедрение математических методов в советские экономические исследования за последние 25 лет, можно сказать, что

несмотря на большие усилия по внедрению экономико-математических методов, подавляющее большинство советских экономистов как теоретиков, так и практических работников страдает "математико боязнью". До сих пор водораздел между советскими экономистами определяется тем, применяют или не применяют они в своих работах *формулы*.

В начале 1984 г. в советском журнале "Экономика и математические методы" была опубликована статья ныне уже бывшего административно-го лидера экономико-математического направления Н. П. Федоренко.³¹ В этой статье подводятся некоторые итоги развития экономико-математического направления. Необходимость оправдания им целесообразности этих методов и разъяснение их основ показывает, как еще последние мало распространены.

Не приходится уже говорить о том, что новые экономические идеи, сопутствующие математическим методам анализа экономики, в малой мере коснулись широких экономических кругов и прежде всего ведущих экономистов наиболее активного среднего возраста. Свидетельством тому является, в частности, дискуссия за круглым столом о путях совершенствования советского экономического механизма, предпринятая в 1983 г. журналом "Экономика и организация промышленного производства".³² В этой дискуссии, наряду с практическими работниками, участвовали и ведущие советские экономисты. Читая материалы этой дискуссии, вновь ощущаешь, что катего-

рии, которые используются для концептуализации проблемы, остались в основном старомодными и по форме, и по существу. И это все, несмотря на то, что организовал дискуссию и руководил ею академик А. Г. Аганбегян, знакомый с математическими методами анализа экономики.

Каковы же были причины такого слабого "внедрения" теоретических построений системы оптимального функционирования в интуицию советских экономистов? Среди этих причин можно назвать прагматичность как ученых, так и практиков (т. е. сужение практичности до рамок счетных моделей), занятых в области оптимального функционирования. Немалую роль сыграло и играет сопротивление основной массы традиционных экономистов новым идеям, которыми они уже не могут овладеть. Это сопротивление весьма сильно, так как обучение экономической теории повсюду ведется через учебники политической экономики, целиком построенные на обветшалых марксистских догмах. До сих пор нет нового учебника политической экономики, который был бы построен на основе концепции оптимального функционирования экономики.

Все эти причины хорошо известны. Мне бы хотелось несколько подробнее остановиться на "внутренних", имманентно присущих процессу познания трудностях освоения новых экономических идей.

Мне представляется, что такой трудностью является сложность восприятия этих методов *обыденным сознанием*. Прежде всего обыденному

сознанию привычен стиль с высоким уровнем *избыточности* при анализе проблемы; он и дается ее вербальным представлением. Между тем язык математики очень скуп, требует огромной концентрации усилий на жесткое выражение мысли. Формализмы дают язык для такого рода скупого выражения мысли.

Если при этом учесть, что длительное время изучение экономических дисциплин в СССР было во многом оторвано от формального представления экономических процессов, то становится очевидным, как трудно советским экономистам иметь дело с достаточно развитыми математическими моделями.

Данное обстоятельство в огромной мере усугубляется тем, что обыденное сознание легче воспринимает *разорванные* группы предпосылок и относящиеся к каждой из них выводы, нежели целостное видение всей совокупности предпосылок и вытекающие следствия из их концептуализации. Именно последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания концепции оптимального функционирования экономики. В этой концепции органически переплетены проблемы распределения ресурсов и формирования цен, т. е. цена является орудием составления и реализации плана. Между тем обыденному сознанию легче воспринимать отдельно планирование как процесс распределения ресурсов и отдельно цены как выражение затрат на производство продукта.

* * *

Итак, прошло 25 лет после опубликования книги Л. В. Канторовича "Экономический расчет наилучшего использования ресурсов", знаменовавшей переворот в развитии экономической теории в СССР.

При всей ограниченности своих построений, концепция оптимального функционирования экономики явилась существенным шагом вперед в развитии советской экономической теории. Хотя, как я уже указывал, эта теория не может претендовать на решающее влияние в изменении советской экономики, она может способствовать развитию экономической теории и играть существенную роль в будущем, более совершенном социально-экономическом механизме.

Между тем уже фактом своего появления она могла бы играть огромную роль в формировании экономически образованных кадров. Однако этого не произошло.

Незадолго до выхода упомянутой выше книги Канторовича у меня был разговор с автором. Мы обсуждали вопрос о возможности преобразования советской экономической науки и практики управления на основе введения принципов оптимального планирования. Канторовичу казалось, что допущение идей оптимального планирования, право "на гражданство", которое они получают, достаточно, чтобы в течение 5-7 лет существенно изменить лицо советской экономической науки, завоевать души большинства экономистов и пла-

новиков и обратить их в новую веру. Основанием для такого утверждения было в частности то, что идеи оптимального планирования очевидны и логичны, не требуют никаких специальных математических знаний, чтобы понять процедуру составления оптимальной программы и ее реализации с помощью цен. Да и сама книга Канторовича (кроме математического приложения) написана так, что дает возможность любому непредубежденному читателю, знающему четыре арифметических действия и склонному к логическому мышлению, убедиться в правильности канторовических построений, в их наибольшей адекватности природе плановой социалистической экономики.

Я высказал свой скептицизм по поводу сроков принятия экономистами идей Канторовича и назвал срок в два поколения. Прошло уже немногим более "одного поколения", и, по-видимому, можно юлагать, что я был оптимистом. В СССР бытует шутка, что "пессимист — это хорошо информированный оптимист". По-видимому, и я не был достаточно хорошо информирован, чтобы предсказать более реальные сроки радикального изменения советской экономической науки под влиянием идей оптимальности, не говоря уже о более широких и глубоких концепциях индетерминистского подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каценелинбойген А. Нужны ли в СССР Дон Кихоты? "СССР: Внутренние противоречия", № 2, 1981, сс. 284-333.

² Каценелинбойген А. Борьба направлений в советской экономической науке. "СССР: Внутренние противоречия", № 10, 1984, сс. 29-79.

³ Математическая экономика и функциональный анализ, под ред. Б. С. Митягина. М., "Наука", 1975.

⁴ Дынкин Е. Г., Юшкевич А. А. Управляемые Марковские процессы и их приложения. М., "Наука", 1975.

⁵ Вероятностные проблемы управления в экономике, под ред. В. И. Аркина. М., "Наука", 1977.

⁶ Проблемы оптимального функционирования социалистической экономики. М., "Наука", 1972.

⁷ Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики, под ред. Н. П. Федоренко, Ю. В. Овсиенко, Н. Я. Петракова. М., "Наука", 1983.

⁸ Михалевский Б. Н. Система моделей среднесрочного народнохозяйственного планирования. М., "Наука", 1972.

⁹ Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М., "Экономика", 1972.

¹⁰ Белик Ю. Научное прогнозирование в перспективах планирования. "Плановое хозяйство", 1973, № 5, сс. 24-35.

¹¹ Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., "Наука", 1972.

¹² Лурье А. Л. Экономический анализ моделей планирования социалистического хозяйства. М., "Наука", 1973.

¹³ Вальгух К. К. Межотраслевой баланс и трудовая теория стоимости. "Экономика и математические методы", XX, № 2, 1984, сс. 319-327.

¹⁴ Каценелинбойген А. И., Лахман И. Л., Овсиенко Ю. В. Оптимальность и товарно-денежные отношения. М., "Наука", 1969.

¹⁵ Сухотин Ю. В. О хозяйственных формах планового управления. М., ЦЭМИ АН СССР, 1975.

¹⁶ Шаталин С. С. Функционирование экономики зрелого социализма. М., МГУ, 1982.

¹⁷ Волконский В. А. Принципы оптимального планирования. М., "Экономика", 1973.

¹⁸ Итеративное агрегирование и его применение в планировании, под ред. Л. М. Дудкина. М., "Экономика", 1979.

¹⁹ Макаров В. Л., Рубинов А. М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М., "Наука", 1973.

²⁰ Каценелинбойген А. И., Овсиенко Ю. В., Фаерман Е. Ю. Методологические проблемы оптимального планирования социалистической экономики. М., ЦЭМИ АН СССР, 1966.

²¹ Пугачев В. Ф. Оптимизация планирования. М., "Экономика", 1968.

²² Фаерман Е. Ю. Проблемы долгосрочного планирования. М., "Наука", 1971.

²³ Браверман Э. М., Левин М. И. Неравновесные модели экономической системы. М., "Наука", 1981.

²⁴ Полтерович В. М. Оптимальное распределение благ при неравновесных ценах. "Экономика и математические методы", XVI, № 4, 1980.

²⁵ Петраков Н. Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. М., "Наука", 1974.

²⁶ Бурков И. Н., Лернер А. Я. Принцип открытого контроля для активных систем. "Автоматика и телемеханика", № 1, 1970, сс. 1288-1297.

²⁷ Данилов-Данильян В. И., Завельский М. Г. Система оптимального перспективного планирования народного хозяйства. М., "Наука", 1975.

²⁸ Гаврилец Ю. Н. Социально-экономическое планирование. М., "Экономика", 1974.

²⁹ Проблемы народнохозяйственного планирования, под ред. Е. З. Майминаса и др. М., "Экономика", 1982.

³⁰ Каценелинбойген А. И., Мовшович С. М., Овсиенко Ю. В. Воспроизводство и экономический оптимум. М., "Наука", 1972.

³¹ Федоренко Н. П. Пути развития экономико-математического направления в советской экономической науке. "Экономика и математические методы", XX, № 4, 1984, сс. 18-27.

³² Радикальный пересмотр необходим. "Экономика и организация производства", № 8, 1983, сс. 16-49.

Людмила Алексеева

ЗАБАСТОВКИ В СССР (послесталинский период)

Каждому очевидно, что провести забастовку в советских условиях — дело очень трудное. Не легче и изучение этой темы: помехи запрограммированы в самой советской системе. Для изучения чего бы то ни было нужны данные, а данные о забастовках не только не публикуются, но и тщательно скрываются. Я рассматриваю эту тему, опираясь, главным образом, на самиздат. Но в силу многих причин наш самиздат не богат материалами на социально-экономические темы, а среди этих материалов лишь малая часть — о нарушениях социально-экономических прав и о борьбе против этих нарушений, в частности, о забастовках. Просмотрев весь самиздат, попавший на Запад, а также опубликованные на Западе мемуары советских граждан и сообщения западных корреспондентов из СССР и даже советскую прессу за интересующий меня период, то есть огромную

грудку материала, я выловила сообщения всего-навсего о 75 забастовках, что ничтожно мало для каких бы то ни было общих выводов.

Очень скудны сведения о характере забастовок, их причинах, составе участников. Порой не слишком достоверны и сами сообщения о забастовках. Так, в западной прессе появилось сообщение о забастовке 6-8 мая 1980 г. в Горьком и в Тольятти на автозаводах, где бастовали якобы несколько тысяч рабочих. Но позднее самиздатские источники отвергли это сообщение, так что эти случаи не вошли в наш подсчет.

Имеющихся данных безусловно мало для серьезного научного исследования вопроса, но все же я считаю полезным рассмотреть эту, пусть и не очень представительную выборку. Я хочу рассказать о результатах моего исследования читателю в частности и потому, что в процессе работы и после ее завершения я получила возможность убедиться в верности своего априорного ощущения, что на самом деле забастовки в СССР в течение всего послесталинского периода не так уж редки. Увлечшись этой темой, я рассказывала о своей работе и друзьям, и случайным собеседникам. И открыла, что буквально каждый из бывших советских граждан в свое время слышал о забастовках. Из этих воспоминаний я включила в свою работу только одно — бывшего киевлянина, рассказавшего о забастовке, в которой он сам участвовал. Остальные свидетельства исходили от людей умственного труда — в этой среде в СССР

забастовок, похоже, не бывает или, во всяком случае, они крайне редки. Они рассказывали не о том, что видели своими глазами, а передавали рассказы родственников, знакомых о происшествии в их городе или в месте, куда они приезжали на время. Но тот факт, что и далекие от рабочих слоев люди в массе знают, пусть понаслышке, о забастовках, указывает, что те не так уж редки. Эти "фольклорные" свидетельства все без исключения подтверждали стихийный характер забастовок со всеми присущими этому виду выступлений особенностями, улавливаемыми и из самиздатских и из других источников. Различие "фольклорных" сведений и самиздатских было лишь в одном: оценке размаха забастовочного движения в 50-е годы. Если судить по самиздату, то в тот период забастовок почти не было, а в 60-е годы их было меньше, чем в 70-е и 80-е. Забастовки, включенные в мой анализ, распределяются по годам следующим образом:

годы	число забастовок
1953-59	2
1960-69	17
1970-79	25
1980-83	31
1953-83	75

Из забастовок послесталинского периода лишь две приходятся на 50-е годы, так что создается впечатление о возрастании численности забастовок из десятилетия в десятилетие. А "фольклор-

ные” сообщения в своем большинстве относились к концу 50-х — началу 60-х годов. Думаю, что тогда действительно имела место вспышка протестов рабочих, но самиздат ее не отразил, так как тогда он только зарождался. Возможно, прослеживаемое по самиздатским материалам учащение забастовок в 80-е годы отражает не столько картину развития забастовочного движения, сколько развитие самого самиздата. В остальном самиздатские сведения о забастовках были подтверждены ”фольклорными”. С этими оговорками я предлагаю свой анализ на суд читателей.

Из известных мне выступлений, связанных с приостановкой работы, в перечень не вошли забастовки и восстания в лагерях, проблема очень важная, но специфическая, а также массовые беспорядки в Темиртау в октябре 1959 года, продолжавшиеся четыре дня и подавленные войсками. Их причиной было плохое снабжение строительных рабочих продуктами. Хотя с самими участниками выступления власти жестоко расправились, их мотивы были признаны справедливыми. Первый секретарь партийной организации Казахстана был снят с формулировкой: ”За плохое снабжение рабочих...”

ЧТО ЗНАЧАТ В СССР ЗАБАСТОВКИ

Не следует забывать, что забастовки в СССР — исключительное явление. Они не разрешены властями, о чем хорошо знают рабочие, они встречают активное противодействие профсоюзной и

партийной администрации, над их предотвращением трудятся агенты КГБ, засланные в рабочую среду. Пропагандистский аппарат внушает населению, что забастовки в СССР невозможны, вредны и преступны. Рабочие знают об этом отношении властей и прекрасно понимают, что в случае чего власти обрушат на них всю бесконечную мощь организованного государства, и у них нет сил и средств противостоять такому давлению. Поэтому забастовки в СССР носят характер не организованного выступления рабочих, преследующих определенные цели, а стихийного возмущения отчаявшихся людей. Это почти всегда бунт, вызванный либо невыносимыми условиями жизни, либо несправедливыми действиями властей. Рабочие не борются за улучшения условий своего существования, а возмущенно протестуют против их ухудшения. За этими протестами обычно стоит молчаливая уверенность, что есть некоторое неписаное соглашение между трудящимися и руководителями. Первые работают, вторые обеспечивают элементарные условия для жизни: оплату труда, продовольствие, жилье и т. д. Государство как единственный и монопольный хозяин отвечает за все, и рабочие понимают, что прекращение работы — единственное оружие, которым они располагают для того, чтобы обратить внимание на вопиющую несправедливость.

При таких условиях забастовка никогда не носит экономического характера, она не может быть долгой и не может нанести сколько-нибудь заметный ущерб производству. Забастовка — это

только организованный протест, способ обращения к возможно более высокому уровню руководства, коллективное прошение. Это понимают обе стороны. Забастовка считается "ЧП", чрезвычайным происшествием. За нее могут полететь головы местных партийно-советских руководителей, потому что высшие власти в СССР довольно чувствительны к такого рода сигналам недовольства пролетариата. Причин для такой болезненной чувствительности немало. Среди них, вероятно, и общеидеологические, как-никак партия пришла к власти, правит от имени рабочего класса и исповедует марксизм; и исторические — воспоминания о судьбе предшественников: Романовы пали из-за того, что не смогли обеспечить хлебом население столицы; и уроки соседей: Польша демонстрирует, как много может рабочий класс даже в социалистическом государстве. Наконец, и собственный опыт — трагические события в Новочеркасске в 1962 году показывают властям, сколь огромной силой является рабочий класс, вышедший из-под контроля. Власти понимают, что протесты рабочих — цепная реакция, и принимают меры сразу, в самом начале, чтобы не допустить выхода этой реакции из-под контроля.

Таким образом, слово "забастовки" в данной статье можно было бы расшифровать так: коллективный протест с помощью прекращения работы, направленный против местных руководителей, апелляция к высшему начальству в попытке защититься от действий заведомо несправедливых. Хотя забастовщики, как правило, не прибегают

к насильственным действиям, их поведение и властями, и ими самими справедливо рассматривается как бунт. Эти особенности советских забастовок помогают понять и их причины, и реакцию властей при их подавлении.

ПРИЧИНЫ ЗАБАСТОВОК

Подавляющее число выступлений рабочих имело экономические причины. Последние делятся, в свою очередь, на две группы: недовольство нехваткой продовольствия, понижение заработка в связи с изменением норм, расценок, манипуляций с премиями. В некоторых случаях возникают оба мотива: и нехватка продуктов, и изменение расценок.

Рассмотрим, однако, сначала забастовки с особыми причинами, не сопровождавшиеся экономическими требованиями.

В 1960 г. рабочие радиозавода Риги протестовали против отмены выходного в Янов день — традиционный национальный праздник латышей.

В 1961 г. в Александрове и в 1967 г. в Прилуках выступление было направлено против местной милиции, рабочие требовали наказания милиционеров, забивших до смерти арестованных.

В 1974 г. в Новоалексеевке крымские татары бастовали, протестуя против насильственного выселения семьи крымских татар Джамилевых из Крыма. В Зносьчах в 1978 г., как и в Зареченке в 1970, забастовка была спровоцирована закрытием церквей.

В Ленинграде в 1976 г. причиной выступления было плохое обращение администрации с заключенными, работавшими на заводе.

В Иваново в 1977 г. ткачихи бастовали, требуя организации в городе промышленного производства, использующего мужской труд (большинство занятых рабочих в городе — женщины).

Одна из забастовок в 1981 г. в Киеве была вызвана неисправностью водопровода в районе, где жили рабочие завода сельскохозяйственного машиностроения.

В Тольятти в 1981 г. рабочие красильщики автомобильного завода требовали снижения возраста выхода на пенсию, так как их профессия связана с вредным производством.

В Таллине в 1981 г. перерыв в работе был произведен в поддержку целого комплекса политических требований, выставленных подпольной организацией "Демократический национальный фронт СССР".

В Орджоникидзе в 1981 г. во время массовых волнений на почве национальной розни между ингушами и осетинами бастовали работники городского транспорта, вероятно, поддерживая требование расследовать убийство шофера грузового такси, осетина.

В поселке Атаки (Молдавия) в 1982 г. забастовка сопровождала массовые беспорядки, вызванные национальным столкновением молдаван и цыган. Бастовавшие требовали выселения цыган.

Таким образом, главной не экономической

Полный перечень забастовок, их номера и источники сведений о них см. в Таблице № 1.

причиной забастовок являются национальные трения, притеснения со стороны властей на национальной и религиозной почве, а также жестокости милиции.

В последнее время число таких забастовок возросло: пять из 12 известных случаев произошли после 1980 года.

Забастовки из-за плохого снабжения продовольствием характерны для хрущевского периода и для последних лет правления Брежнева. В 1965-74 гг. забастовок из-за отсутствия продуктов не известно. Забастовки из-за снижения расценок — постоянное явление.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЗАБАСТОВЩИКОВ

Социальный состав забастовщиков в СССР можно ориентировочно определить по видам предприятий, на которых происходили забастовки.

Забастовку в Новочеркасске начали рабочие электровозостроительного завода, которых поддерживали другие промышленные предприятия города. В Зареченке, в Заносычах и в Котовском районе были забастовки колхозников и трактористов; в Коми АССР и в Кузнецком бассейне бастовали шахтеры. Восемь забастовок приходится на докеров. Участники 13 забастовок — шоферы: водители автобусов, грузовиков и других средств транспорта. Но больше всего забастовок (37) приходится на долю заводских рабочих,

причем лишь 5 из них были на предприятиях легкой промышленности: на книжно-журнальной фабрике в Киеве, на обувной фабрике в Каунасе, на ткацких фабриках в Иваново, на фарфоровом заводе в Мишелевке и на мясокомбинате в Киеве. Остальные забастовки охватили предприятия тяжелой промышленности и стройки.

Согласно марксистской теории, именно рабочие предприятий тяжелой промышленности являются "передовым отрядом рабочего класса", именно они наиболее сознательны, наиболее организованы, наиболее решительны. Однако это открытое Марксом мистическое свойство рабочих тяжелой промышленности, вроде бы оправдывающееся на составе забастовщиков в СССР, имеет в советском контексте и другое более прозаическое объяснение.

У работника пищевой и легкой промышленности благополучие его самого и его семьи меньше зависит от размеров заработка (который намного ниже, чем в тяжелой промышленности). При плохом снабжении через государственные магазины, где цены более или менее сбалансированы с заработной платой, приходится покупать продукты на рынке, где цены непомерно высоки по сравнению с обычной зарплатой. Работники пищевой промышленности в массовом порядке компенсируют нехватку продуктов в магазинах тем, что сами едят на производстве и выносят с предприятия продукты для семьи и даже на продажу. На предприятиях легкой промышленности кражи тоже обеспечивают какой-то дополнитель-

ный доход, и этот доход растет в соответствии с ухудшением государственного снабжения, так что потери отчасти компенсируются повышением цен на краденые продукты и товары. Поэтому колебания заработка менее чувствительны для работников легкой промышленности из-за того, что зарплата является лишь частью дохода.

На предприятиях тяжелой промышленности зарботки больше, но к ним мало что удастся добавить кражами, и работники этих отраслей больше зависят от организации государственного снабжения и от размеров зарплаты как таковой.

Известно, что исторически забастовки возникли в рабочей среде и долго оставались специфическим способом борьбы за свои права именно рабочих. Со временем в развитых индустриальных странах этот способ давления на работодателя переняли и другие категории наемных работников, и список профессий, использующих забастовки, все расширяется. Советский Союз в этом смысле, как и следовало ожидать, находится на очень ранней стадии развития — в СССР забастовки используются почти исключительно рабочими.

ВОЗРАСТ ЗАБАСТОВЩИКОВ

Данные о возрасте забастовщиков редки и неполны.

В Новочеркасске, где забастовка была очень широкой и единодушной, очевидно участие всех возрастных категорий. Очевидец новочеркасских

событий Евгений Елин дает об этом следующие сведения.

Среди зачинщиков забастовки были "молодые парни". Это они задержали поезд, они сорвали портреты членов политбюро, висевшие на здании заводского управления, они включили заводской гудок, возвестивший о начале забастовки.

Елин сообщает о спорах между взрослыми рабочими, которые склонны были считать виновником повышения цен персонально Хрущева, и молодыми рабочими, которые считали, что это результат политики всего политбюро.

Елин отмечает активное участие в событиях студентов-практикантов, находившихся в момент забастовки на электровозостроительном заводе. Они "поддерживали настроение рабочих и призывали не расходиться, а стоять на своих требованиях". В этом показания Елина расходятся с описанием Новочеркасских событий, сделанным А. Солженицыным, который упрекает студентов в пассивности ("Архипелаг ГУЛаг").

Относительно участия в забастовке рабочих зрелого возраста Елин приводит следующие факты: выступление на митинге в самом начале забастовки женщины — матери семейства; участие в пикетировании кузнечного цеха двух молодых рабочих под руководством пожилого.

Среди демонстрантов у здания городского совета было "много женщин, детей и стариков", а в толпе, направившейся к тюрьме, — "много женщин, девушек, юношей, детей".

А. Солженицын отмечает, что делегация, по-

сланная участниками волнений к Микояну, состояла из "молодых рабочих". Он же пишет о присутствии на улицах во время демонстрации студентов новочеркасских вузов ("Архипелаг ГУЛаг"). Во всех сообщениях о Новочеркасских событиях упоминаются мальчишки, которые взбирались на прибывшие в город танки и забивали смотровые щели травой.

Кроме сведений о Новочеркасске, мы располагаем некоторыми данными о возрасте участников других забастовок.

1. За организацию забастовки в Находке в 1968 г. был арестован Егор Волков, которому было 40 лет.

2. За организацию забастовки в Керчи в 1971 году были арестованы Николай Якубенко 27 лет и Виктор Чамовских 31 года.

3. В сообщении о забастовке в Алексотасе в 1973 г. отмечалось, что почти все участники забастовки — взрослые люди, которые помнили времена независимости Литвы.

4. За забастовку в Синельниково в 1976 г. был арестован Иван Медведев 41 года.

5. За забастовку в Рижском порту в 1976 г. судили четверых, их возраст в момент забастовки был — 27, 30, 37 и 40 лет. Все они были семейными людьми, имели детей.

6. В Выборге в 1983 г. ходатаем за выплату задержанной заработной платы выступал рабочий Валерий Марышев. Его возраст не указан, но сообщается, что он прежде был секретарем горкома комсомола в Выборге — это означает, что ему во

время забастовки было не менее 30 лет, а скорее всего даже больше.

На основании этих довольно случайных сведений можно представить, что руководителями забастовок чаще становятся люди зрелого возраста, но среди активных участников существенную часть составляет молодежь.

ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ЗАБАСТОВОК

Самая крупная забастовка в изучаемое 30-летие, безусловно, Новочеркасская 1962 года. По массовости она несравнима ни с одной другой. Только на электровозостроительном заводе, где забастовка началась, было 20 тысяч рабочих, и они все приняли участие в забастовке. Кроме этого завода, в рассказе Евгения Елина упоминаются как участвовавшие в забастовке "два военных завода" и "другие заводы" и присоединившиеся к ним "просто граждане из города и из пригородных местечек". Солженицын пишет о присоединении (на второй день) студентов новочеркасских вузов. Несомненно, в события в Новочеркасске 1-3 июня 1962 г. так или иначе было втянуто все население города, которое насчитывало тогда более 100 тысяч жителей.

Кроме Новочеркасска, известны еще случаи массовых забастовок.

В 1967 г. в Прилуках бастовали рабочие нескольких заводов.

В Орджоникидзе в 1981 г. во время массовых беспорядков забастовали работники городского транспорта.

Забастовка молдаван в поселке Атаки в 1982 г. с требованием выселения из поселка цыган.

В Кишиневе в 1969 г. состоялась забастовка двух автопарков, видимо, забастовка была всеобщей — два дня в городе не ходили автобусы.

В Риге в 1960 г. одновременно бастовали два крупнейших предприятия города — радиозавод и вагоностроительный завод.

В сообщении № 22 речь идет о "забастовке рабочих Керчи", что звучит как забастовка по крайней мере нескольких предприятий города.

Очень неопределенно сообщение № 14 о сидячей забастовке в Кривом Роге, охватившей "целый ряд промышленных предприятий", и сообщение о забастовке в том же городе в 1983 г., в которой участвовали рабочие нескольких предприятий.

Гораздо более определенное сообщение об однодневной забастовке в крупнейших портах северо-западной части СССР в конце мая 1977 г. (№ 33-38) — в Ленинграде, Выборге, Таллине, Риге, Венспилсе и Клайпеде. Забастовщики во всех этих местах отказались работать сверхурочно на разгрузке продовольствия, прибывшего из-за рубежа, по той причине, что это продовольствие идет не для всех, а в закрытые распределители Москвы. Кроме того, докеры сочли сверхурочную работу бессмысленной из-за плохой организации приемки продовольствия, прибывающего в СССР — на пирсах гнили тонны фруктов и овощей, портилось выгруженное мясо и т. д.

В 1977 г. в Иваново бастовали, возможно, несколько ткацких фабрик.

В Будановском районе (Ставрополье) в августе 1978 г. бастовали все водители грузовиков из Минеральных Вод, посланные в колхозы на перевозку зерна.

Остальные известные нам забастовки охватывали лишь какое-то отдельное предприятие или часть его (цех, бригада и т. д.).

В Киеве в 1961 г. произошла забастовка бригады из 6 человек на книжно-журнальной фабрике.

В Севастополе в 1964 г. на судовой верфи бастовали 200 человек.

В Свердловске в 1969 г., похоже, забастовка была общезаводской, хотя прямо об этом в сообщении не говорится.

В Зареченке в 1970 г. в забастовке участвовали все колхозники колхоза им. Суворова: "коров доили учителя", студенты, присланные из Гродно, отказались работать, даже дети не ходили в школу.

В Алексотасе в 1973 г. бастовали две смены деревообрабатывающего завода, т. е. всего 660 человек.

В Новоалексеевке в 1974 г. бастовало около 100 человек.

В Ленинграде в 1976 г. в забастовке участвовало 400 человек.

В Каунасе в 1977 г. на комбинате резиновых изделий бастовал цех формованной обуви (две смены).

В Тольятти в 1979 г. бастовали водители 200 автобусов – весь городской автобусный парк.

В Тарту в 1980 г. тысяча человек участвовала в забастовке на заводе сельскохозяйственных машин.

В совхозе в Кулдре в 1981 г. бастовали 50 водителей грузовиков.

В Киеве в 1981 г. бастовала смена одного из цехов, около 200 человек.

В Киеве в 1981 г. бастовала бригада строительномонтажного управления № 27 — 15 человек.

В Павлово-на-Оке в 1981 г. бастовали две смены на автозаводе, более 600 человек.

В Таллине в 1981 г. участвовала в забастовке бригада дорожных рабочих.

В Волинске в 1981 г. бастовали 20-30 красильщиков на автозаводе.

В Москве в 1982 г. бастовал цех № 23 на заводе им. Хруничева.

В Риге в 1982 г бастовала автоколонна.

В Нарве в 1983 г. — автотаксомоторный парк города. Видимо, эта забастовка была общей для городского транспорта — газета "Известия" в сообщении об этой забастовке писала о "жесточкой профессиональной поруче" бастовавших ("Известия", 11 июля 1983).

На основании этих скупых данных можно все-таки заключить, что забастовки в СССР редко бывают широкими. Наибольшая численность была в Новочекасске в 1962 г., в Риге в 1960 — тысячи участников и Тарту в 1981 г. — около тысячи человек. Обычно же забастовщики исчисляются сотнями, а то и только десятками.

ФОРМЫ ЗАБАСТОВОК

Формы забастовки можно определить лишь приблизительно.

В большинстве случаев рабочие, объявив забастовку, не покидают места работы.

Забастовки в Риге в 1960 г. и в Кривом Роге в 1963 г. названы в источнике "сидячими", а забастовка на заводе им. Кирова в Ленинграде в 1976 году — "итальянской". О забастовках в Киеве в 1961 и 1981 гг. на станкостроительном заводе сообщается, что "рабочие вышли на работу, но не включили станки". В 4 случаях (№ 13, 45, 46 и 66) очевидно, что забастовщики оставались на своих местах из-за краткости забастовки (от 30 минут до нескольких часов, но не более продолжительности смены). Еще в пяти случаях (№ 19, 25, 28, 43 и 69) из описания явствует, что забастовщики не уходили с производства. Таким образом, в 16 случаях из 75 забастовка протекала именно таким образом. В Новочеркасске, где забастовка длилась три дня, рабочие, по словам очевидца Елина, на ночь расходились, но в дневное время большая часть их возвращалась к заводу, хотя на территорию они не входили, стояли толпой у ворот, а на второй день отправились демонстрацией в центр города.

Лишь в 4 случаях источники указывают на отсутствие забастовщиков на рабочем месте. Водители автобусов в Кишиневе в 1969 г. "не вышли на работу"; колхозники в Зареченке в 1970 г. "сидели по домам", как и в Заносычах в 1978 г.;

рабочие фарфорового завода в Мишелевке в 1980 году не пошли в цех, а демонстративно встали в очередь в продовольственный магазин (но, возможно, магазин этот находился на территории завода). И, разумеется, уходили домой докеры, отказавшиеся работать сверхурочно на разгрузке продовольствия (№ 33-38).

Видимо, присутствие во время забастовки на производстве объясняется не сознательным предпочтением этой формы, а стихийным развитием событий. Прежде всего на форму забастовок влияет их краткость (из 25 случаев, когда указана продолжительность забастовок, в 10 случаях они длились менее суток, а самые продолжительные — три дня (4 случая). (Табл. II).

В нынешних советских условиях забастовка и не может быть продолжительной, так как рабочие не имеют условий для затяжной борьбы. У большинства нет материальной возможности долго выдержать без работы. Люди живут от полочки до полочки, расходуют ее практически целиком на каждодневные нужды. Нет и других необходимых условий для забастовок — нет независимых профсоюзов, которые готовили бы забастовку заранее, обеспечили бы материальную помощь забастовщикам в случае затяжной забастовки, нет профессионалов, которые вели бы переговоры от имени бастующих; нет, наконец, обязательного для членов профсоюза устава, который обязывал бы колеблющихся подчиниться большинству, если большинство за продолжение забастовки.

Решимость забастовщиков в СССР держится лишь на импульсе возмущения по непосредственному поводу забастовки. Как только это возмущение хотя бы у части забастовщиков иссякает, забастовка прекращается.

Возникновение забастовки тоже, по всей видимости, происходит стихийно и никак не подготавливается заранее. Это следует из описания забастовки в Новочеркасске. В Витебске в 1973 г., как сообщает источник, рабочие, получив получку после снижения расценок и подсчитав заработок, на два дня прекратили работу, требуя отмены снижения расценок.

Вот описание забастовки в Свердловске в 1969 г., которое свидетельствует, что недовольство, копившееся в течение длительного времени (переход на пятидневную неделю и связанное с этим уменьшение заработков сдельщиков на 25 процентов, перебои с молоком для рабочих вредных цехов, большие очереди в городе в магазинах за мясом — по 4-5 часов) прорвалось по поводу очередного снижения расценок без какой бы то ни было подготовки. По словам источника, во вредных цехах "люди не выдержали и в один прекрасный день забастовали на своих рабочих местах".

Выделили делегацию к директору завода Тамаре Гордеевой с требованием не только вернуть прежние расценки, но повысить их таким образом, чтобы сокращение шестого рабочего дня не уменьшало заработка сдельщиков. Директор стала кричать на делегатов и пригрозила позвонить

мужу, полковнику милиции Л. Н. Гордееву, который был в то время заместителем начальника управления милиции Свердловска, чтобы он прислал "полк милиции для усмирения". Это довело до предела и без того возбужденную делегацию. Женщины-работницы с криками: "Бей проститутку!" кинулись на Гордееву, она едва спаслась бегством. Весть о ссоре с директором разнеслась по заводу, в других цехах тоже бросили работу, все были "взбешены до крайности". Прибыла милиция, поставили в известность партийное начальство города. Примчались на завод партийные боссы от секретаря райкома до секретаря обкома, несколько часов они "успокаивали толпу". Когда им это удалось, стали "обсуждать требования рабочих, предварительно пообещав не подвергать репрессиям избранную ими делегацию. Предъявленные требования начальство вынуждено было признать справедливыми... партийное руководство приняло решение удовлетворить все требования. Одним из таких требований было немедленно уволить и предать суду за угрозы директора завода Тамару Гордееву. Посоветовавшись, партбоссы тут же во всеуслышание, объявили, что директор Гордеева с работы уволена. Гордееву, действительно, уволили, и люди приступили к работе".

ОТНОШЕНИЕ К ОРГАНИЗАТОРАМ ЗАБАСТОВОК

Известно несколько случаев арестов и осуждения "за организацию забастовки": в Находке, в

Синельниково, в Риге во время забастовки в порту. В Каунасе во время забастовки на резиновом комбинате был увезен в милицию рабочий Бинкис и там избит. Но в чем проявилась организаторская роль тех, кто был избран для наказания как организатор — неизвестно ни в одном из этих случаев.

Во время забастовки в Керчи в 1971 г. были арестованы как организаторы забастовки Николай Якубенко, рабочий, 1944 года рождения — он обвинялся в создании неофициальной группы рабочих, в организации забастовки и в авторстве "Программы рабочего класса". Вместе с ним был арестован Виктор Чамовских, который расклеивал во время забастовки листовку: "Коммунары не будут рабами" в Керчи, в Жданове и в Харькове. Однако нет данных, что забастовка была вызвана именно их действиями — возможно, они как члены подпольного кружка присоединились к начавшейся в их городе забастовке и старались активизировать ее участников.

Известно и несколько других случаев распространения листовок с призывами к забастовкам, например, в Воронеже в середине 1983 г. были арестованы слесарь Александр Высотский, грузчик Владимир Пантелеев и Т. Матвеева, дважды распространявшие на заводах листовки за подписью "Воронежский хельсинкский комитет" с призывом к забастовкам и демонстрациям молчания по примеру эстонских рабочих ("Вести из СССР", 1983, 16, № 2). Однако не известно ни одной забастовки, начатой по призыву в листовках.

Единственное исключение скорее подтверждает это правило — речь идет о ”примере эстонских рабочих”, на который ссылаются воронежские листовки. В Таллине распространялись листовки, подписанные ”Демократический национальный фронт Советского Союза” с призывом к 30-минутной забастовке 1 декабря 1981 г., в назначенный час в поддержку ряда требований — политических и экономических. Листовки распространялись заранее, 4 человека были арестованы за их распространение. Результат сообщил корреспондент шведской газеты “Dagens Nyheter” 3 января 1982 г., находившийся 1 декабря в Таллине. Единственным безусловным откликом на этот призыв была забастовка бригады дорожных рабочих. Эта история подтверждает неэффективность листовочных призывов к забастовкам и заставляет отвергнуть предположение, что это обычный способ вызвать забастовку.

Есть одно очень странное указание относительно двух забастовок в Киеве, произошедших на одном и том же предприятии с коротким интервалом в марте-апреле 1981 г. — на опытно-конструкторском заводе научно-исследовательского института животноводческого машиностроения. Первая забастовка произошла из-за увеличения нормы выработки при сохранении прежней оплаты, и норму сократили до прежнего уровня; вторая — из-за неисправности в течение долгого времени водопровода в Киево-Святошинском районе, где находился завод. Рабочие не приступали к работе, пока водопровод не отремонтировали —

обе забастовки длились по полтора дня. Как сообщает источник, обе забастовки происходили под руководством парткома и месткома завода. После второй забастовки директор был уволен, переизбраны местком и партком.

Если даже сообщение верно, это в высшей степени необычный случай. Обычный же "зачинщик", думается, действует как Валерий Марышев, рабочий котельной на предприятии "Электроинструмент" в Выборге. В январе 1983 г. рабочим этого предприятия не выдали зарплату, заявив, что денег в кассе нет и неизвестно когда будут.

"Валерий Марышев заявил администрации, что если деньги не будут выданы немедленно, то он организует забастовку. Часть рабочих поддержала его и прекратила работу до получения зарплаты. Администрация завода на просьбу Марышева ответила угрозами. Марышев пошел в выборгский горком партии, в приемную первого секретаря горкома Проворова. Тот отсутствовал, и требование о незамедлительной выплате рабочим денег Марышев изложил секретарю. Секретарь сказал, что он позвонит на завод. Подошел к телефону, и... спустя несколько минут за Марышевым пришли сотрудники выборгского КГБ во главе с капитаном Лебедевым.

В КГБ Лебедев угрожал Марышеву привлечением его к ответственности по ст. 70 ("антисоветская агитация и пропаганда"). Марышев не поддался на шантаж и через несколько часов был освобожден, однако Лебедев пригрозил ему, что они с ним все равно расправятся.

Придя на завод, Марышев узнал, что по звонку из горкома и КГБ зарплата рабочим была выплачена, деньги в кассе "нашлись". (Посев, 1983, № 4, с. 9).

Чаще "зачинщики" действуют не так явно. В строительно-монтажном управлении № 27 Киева, где в 1981 г. бастовала бригада из 15 человек, протестуя против снижения расценок задним числом за уже сделанную работу, видимо, зачинщики были неясны, так как всю бригаду забрали на несколько часов в милицию. Зарплату выплатили по прежним расценкам, но на следующий день бригадир был осужден "за мелкое хулиганство" — видимо, именно его сочли "зачинщиком", ответственным за поведение остальных рабочих.

Бывают случаи, когда зачинщиков так и не удается наказать: они не выступают открыто перед начальством во время забастовки, а рабочие ведут себя достаточно осторожно, чтобы при дознаниях не выдать своего товарища. Так было в Витебске в 1973 г., источник отмечает: "зачинщиков не нашли".

При стихийности большинства забастовок и их полной неподготовленности естественно, что забастовка редко распространяется за пределы того места, где она началась, тем более, что причина забастовки чаще всего бывает сугубо локальной — снижение расценок и пр. на данном предприятии, а то и в каком-то одном цехе данного предприятия. Иногда расширение забастовки происходит из-за негибкости начальства, грубости, как это было в Свердловске (Тамара Гордеева), если при

этом есть причина для общего возмущения. Такой причиной чаще всего бывает нехватка продовольствия, плохое снабжение касается всех.

В Новочеркасске, где начал забастовку сталелитейный цех, которому снизили расценки, возмущение началось из-за общей заботы — повышения цен на продовольствие. На это повышение ответили волнениями и забастовками не только в Новочеркасске, но и в Ярославле, Одессе, Каунасе. Кроме того, летом и осенью 1962 г. были волнения в Краснодаре, Пскове и других местах. В девяти случаях забастовки вышли за пределы одного предприятия и распространились на другие. Как это произошло в Новочеркасске, известно из свидетельства Евгения Елина. Электровозостроительный завод возвестил о начале забастовки тем же способом, как это делали в дореволюционной России — включив гудок. В других сообщениях о забастовках упоминания о такой акции нет ни разу, и вообще нет данных, что бросившие работу пытались привлечь к участию в забастовке рабочих других предприятий. Как происходило такое присоединение, готовилось ли оно хоть как-то или это был полностью стихийный процесс — на это нет ни малейших указаний в наших источниках.

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЗАБАСТОВОК

При рассмотрении результативности забастовок поражает высокий процент успешных. Прямые указания, была ли забастовка успешной, из-

вестны в 38 случаях из 75. Только в 6-и из этих 38 борьба закончилась поражением рабочих, а в 32 случаях требования рабочих были удовлетворены!

Перечислю неудавшиеся забастовки (№ 2, 8, 10, 13, 43 и 60):

— в 1957 (58?) г. в Николаеве (Украина) за забастовку было арестовано несколько сот рабочих.

— в 1961 г. в Александрове (Владимирская обл.) забастовка сопровождалась демонстрацией, переросшей в массовые беспорядки и закончившейся расстрелом;

— в 1962 г. в Новочеркаске (Ростовская обл.), где 1-3 июня имели место общегородская забастовка и массовая демонстрация с требованием об отмене объявленного тогда повышения цен на мясо и на масло, власти ответили расстрелом;

— в том же 1962 г. потерпела поражение забастовка на обувной фабрике в Каунасе (Литва) — в забастовщиков не стреляли, но прибывший на место офицер КГБ с воинской командой заявил забастовщикам, что если они не приступят к работе немедленно, они прямо с фабрики отправятся в ссылку в восточные районы Сибири — и рабочие вернулись к станкам;

— в Кохтла-Ярве (Эстония) в 1978 г. забастовавшие рабочие были разогнаны дубинками;

— наконец, на станкостроительном заводе в Киеве в 1981 г. после объявления о понижении расценок смена одного цеха, около 200 человек, вышла на работу, но не включила станки. На сле-

дующий день прибыла комиссия из Москвы. Забастовщиков стали поодиночке вызывать к членам комиссии, каждому грозили репрессиями. Не добившись возвращения прежних расценок, рабочие приступили к работе.

Теперь о забастовках, закончившихся удовлетворением требований рабочих. Из 32 таких случаев опишу семь типичных.

Забастовка на книжно-журнальной фабрике в Киеве в 1961 г. (№ 9). Ее участник Юрий Д. так рассказывает о ней. Он работал в цехе глубокой печати в бригаде из 6 человек, обслуживавшей печатный станок. Работа была сдельной, и каждый старался сделать как можно больше. Но им несколько раз подряд срезали расценки или увеличивали норму. В 1961 г. заработок от очередного такого вмешательства администрации снизился сразу на 50 %. Тогда бригадир (член партии) сказал: "Хватит. На таких расценках мы работать не станем, выключай станок". После этого все члены бригады являлись на работу в положенное время, но к работе не приступали, станок не включали. Прибегали начальники разных рангов, кричали: "Саботаж!", "Вы за это ответите!" Но все молчали, а бригадир слал их матом. Редакторы журналов, выход которых задерживался из-за забастовки, в свою очередь, орали на директора фабрики и начальника цеха. И администрация согласилась отменить снижение заработка, вернуть прежние условия работы. Начальство ничего "наверху" не оповестило, отнеслось к этому как к "семейной ссоре", и никто не был наказан.

Однако через некоторое время расценки снова стали снижать, хоть и не так круто, процентов на пять, и каждый раз это сходило: не бастовать же из-за каких-то пяти процентов! А через довольно короткий срок печатники обнаружили, что у них в общей сложности отняли-таки те 50 %, которые они отстояли тогда забастовкой.

В конце марта — начале апреля 1981 на киевском Опытно-конструкторском заводе ВНИИ животноводческого машиностроения произошли две забастовки, каждая продолжительностью 1,5 дня. Первая забастовка началась после того, как дирекция подняла норму выработки при той же оплате. В результате забастовки норма осталась прежней. Вторая забастовка началась из-за долгого отсутствия воды в Киево-Святошинском районе, где находится завод. Рабочие не приступали к работе, пока неисправности в водопроводной системе не были устранены.

На Киевском заводе железобетонных изделий в это же время также состоялась забастовка. Рабочие тоже требовали отмены увеличения норм выработки. Их требования были удовлетворены.

В мае 1981 г. произошла короткая забастовка бригады работников киевского строительного управления № 27 (15 человек). Им задним числом понизили расценки за выполненную работу. Бригада вышла на работу, но не стала работать. Через час бригаду в полном составе отвезли в милицию, но через несколько часов вернули на рабочее место и выплатили зарплату, исходя из прежних расценок. На следующий день

бригаду (по другой версии — бригадира) арестовали на 15 суток за "мелкое хулиганство". ("Вестник репрессий на Украине", 1981, вып. 8, с. 11).

Удачной была забастовка и в Алексотасе (Литва) в 1973 году. 3 октября 1973 г. на деревообрабатывающем заводе в Алексотасе из-за низких расценок отказались работать 320 рабочих дневной смены и около 340 — в ночной. В тот же день на заводе появились милиция, кагебисты и горисполкомовцы из Каунаса. Они безуспешно старались вернуть рабочих к рабочим местам. Прибыли даже сотрудники министерства, но и они не смогли убедить прекратить забастовку. На следующий день расценки были повышены. Впоследствии были сделаны попытки свалить вину за забастовку на молодежь, но почти все забастовщики были взрослыми людьми, помнившими старое время (независимости Литвы). (25).

А вот сообщение о забастовке летом 1980 г. в поселке Мишелевка Иркутской области (Восточная Сибирь).

Летом 1980 г. в поселке Мишелевка Усольского р-на Иркутской обл. на фарфоровом заводе рабочие не вышли на работу, т. к. в течение нескольких дней в магазины поселка не завозился хлеб. В тот же день власти обеспечили им поселок.

Кроме 32 случаев безусловно успешных забастовок, еще 11 можно считать относительно успешными. Это забастовки протеста против нехватки продуктов, против плохого снабжения. В этих

11 случаях источники ничего не сообщают о результате забастовки, однако имеется общее правило советской продовольственной политики по отношению к населению: после любого проявления открытого недовольства по любому поводу в данном месте улучшается продовольственное снабжение — правда, ненадолго, через некоторое время восстанавливается прежнее положение. Исходя из этого следует думать, что после забастовок из-за плохого снабжения положение с продовольствием на какое-то время улучшалось, что можно считать частичным успехом. Это повышает число небезуспешных забастовок до 43.

Еще 8 забастовок из оставшихся 32 таковы, что их не следует рассматривать в категориях успеха и неуспеха, так как их основной смысл был не в достижении какой-то определенной ответной реакции властей. По самому замыслу эти забастовки — скорее символический жест, манифестация отношения забастовщиков к тому или иному аспекту советской действительности. Так, в мае 1977 г. грузчики в портах на северо-западе СССР (Ленинград, Выборг, Таллин, Рига, Венспилс, Клайпеда) отказались от сверхурочных работ по разгрузке продовольствия. Отказ мотивировался всюду одинаково: это продовольствие не предназначено для всего населения, а продается лишь в закрытых распределителях Москвы. На пирсах советских портов гниют тоннами фрукты и овощи, портится мясо, которое пытаются, без соблюдения элементарных правил гигиены, наскоро замораживать. Чтобы спасти

портящееся продовольствие, власти бросили на его перевалку солдат и студентов. (30).

Таким же символическим протестом была забастовка в Одесском порту в 1962 г. — отказ грузить продовольствие для отправки на Кубу, в то время как на Украине с продуктами плохо. Вряд ли забастовщики рассчитывали, что советское руководство прекратит эти поставки под их давлением — забастовка была лишь способом выражения крайне отрицательного отношения к политике "подкармливания" зависимых от СССР стран за счет собственного населения. То же самое можно сказать о забастовке в Таллине 1 декабря 1981 г. Это была политическая демонстрация в форме забастовки, а не способ достижения какой-то конкретной цели (люди прервали работу на полчаса в условленное время по призыву подпольной организации "Демократический национальный фронт Советского Союза" в поддержку таких требований, как вывод войск из Афганистана, освобождение полтизаклученных, прекращение вмешательства в дела Польши, соблюдение Всеобщей декларации прав человека в СССР и даже — соблюдение гуманитарных статей Хельсинкских соглашений и установление на этой основе демократического строя в СССР). (66)

Итак, 43 из 75 забастовок не являются безуспешными, и лишь в шести случаях забастовщики явно потерпели поражение (в остальных 16 случаях результат неизвестен). Доля небезуспешных забастовок поразительно высока и даже неожиданна в контексте взаимоотношений власти и населения в СССР.

Этот успех, однако, весьма относителен. В этом смысле типичен описанный выше случай на киевской книжно-журнальной фабрике, когда в конечном счете расценки были понижены до запланированного уровня. Таков обычный результат забастовок из-за понижения расценок, которые вроде бы закончились успешно. Улучшение продовольственного снабжения после забастовок с таким требованием тоже оказывается временным, постепенно оно ухудшается, пока не опустится до общего уровня. Иллюзорность этих успехов сознают и забастовщики и начальство, что, возможно, и делает его уступчивым, но и рабочих удерживает от них.

Манипуляции расценками и другие способы постоянного снижения заработка — повсеместное явление, неизбежное при современной советской социально-экономической системе. Основным регулятором оплаты труда в СССР являются не забастовки, а утечка рабочей силы. Когда заработки на каком-либо предприятии или в какой-либо отрасли промышленности оказываются слишком заниженными, рабочие один за другим увольняются и уходят туда, где оплата их труда выше. Из-за этого "сверху" в конце концов принимают решение повысить расценки или каким-то еще способом увеличивают слишком заниженные заработки. Начинается прилив рабочей силы, после чего снова начинают снижать — и все повторяется снова. Увольнения и поиск другой работы для каждого рабочего — более безопасный и более эффективный путь поддержания своего заработка

на приемлемом уровне, чем забастовки и вообще какие-либо открытые протесты. В таких условиях забастовки являются скорее эмоциональными выражениями недовольства, чем действенным способом улучшения системы регулирования заработной платы и улучшения своего положения, и решаются на них скорее из-за невозможности сдерживать возмущение, чем в надежде на реальный успех.

РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА ЗАБАСТОВКИ

Из анализа данных таблицы III очевидно, что реакция властей на забастовки претерпела очень существенные изменения, общее направление которых можно охарактеризовать как путь от варварства к цивилизованности: от расстрела в Новочеркасске в 1962 г. до Нарвы, где в 1983 г. требования забастовщиков были удовлетворены, время забастовки оплачено как рабочее (первое и пока единственное такое сообщение за весь посталалинский период!), а центральная газета поместила статью об этой забастовке — тоже впервые, Новочеркасск не удостоился и строки в советской печати.

Возможно, в хрущевский период забастовки бывали и до Новочеркаска, но не такого масштаба. Именно масштаб этого события делает несомненным, что расстрел не был местной инициативой, что он был санкционирован высшим советским руководством. Это подтверждается прибытием в город Микояна и других лиц из центрального руководства.

Надо отметить, что случай расстрела забастовщиков в Новочеркасске — последний из известных, и стреляли не в толпу у заводских ворот, а на городской площади, то есть говоря строго, не в забастовщиков, а в демонстрантов с лозунгами, среди которых было требование отменить повышение цен — протест против решения центрального правительства. Расстрелы демонстраций имели место и прежде (например, в Тбилиси в 1956 г., в Темиртау в 1959 г.). Несмотря на совершенно мирный характер демонстрации и забастовки в Новочеркасске, протест против экономической политики высшего руководства страны и масштабы этого протеста просто-напросто испугали власти, тем более, что волнения по поводу повышения цен происходили тогда не только в Новочеркасске.

Этот кровавый урок до сих пор не забыт народом. Более 20 лет ничего похожего на Новочеркасские события в стране не было — ни забастовок такого размаха, ни демонстраций с экономическими требованиями. Но и власти извлекли урок из Новочеркасского расстрела — на протяжении 20 лет не было применения оружия против забастовщиков, и даже угрозы применения силы во время забастовок — редкое явление.

Из таблицы III можно выяснить силы, которые участвуют в прекращении забастовок. Перечислим их в порядке очередности вмешательства в забастовки:

1. руководители данного производства;
2. власти той местности, где расположено пред-

приятие, на котором началась забастовка, — партийные и др.;

3. КГБ и милиция;
4. спецвойска;
5. московское руководство.

О вмешательстве войск в связи с забастовками известно после Новочеркаска лишь в Каунасе (тоже в 1962 г.) и в Кохтла-Ярве в 1979 г., причем в Каунасе это были войска КГБ.

В Новочеркасске, как известно, стреляли в толпу. В Каунасе офицер ГБ, возглавлявший спецчасть, прибывшую на фабрику, пригрозил немедленной высылкой тех, кто откажется вернуться к работе, и этой угрозы оказалось достаточно, чтобы прекратить забастовку. В Кохтла-Ярве забастовщиков избивали дубинками.

Забастовка обычно начинается с предъявления претензий непосредственному начальству на производстве — мастеру, начальнику цеха, а в случае неудовлетворения требований — директору предприятия. Лучший способ предотвращения забастовки — выполнение таких требований, хотя бы частичное, при их предъявлении. Видимо, таких случаев гораздо больше, чем забастовок. Надо полагать, что руководители предприятия стремятся сделать все от них зависящее, чтобы забастовка не началась, так как она нередко ведет к краху карьеры. Из известных нам 75 событий так было в четырех случаях (18, 39, 58 и 64) и в трех случаях — к служебным наказаниям (19, 21 и 70). В Кишиневе в 1969 г. были отданы под суд и получили лагерные сроки директора

автопарков, где произошла забастовка, их заместители и главные бухгалтеры. В остальных случаях дело ограничивалось снятием с должности или выговором. Такие последствия забастовок заведомо ориентируют руководителей предприятий на мирное урегулирование своих взаимоотношений с рабочим коллективом даже очень дорогой ценой. Надо полагать, имеется система закрытого осведомления руководителей предприятий о забастовках и их возможных последствиях для их карьеры — в письмах и инструкциях "для служебного пользования" и по партийным каналам, так как руководители предприятий — почти без исключения — члены партии.

Однако, по-видимому, не менее жестоко ориентированы руководители предприятий и на то, что в случае если забастовка все-таки возникла, они должны немедленно информировать об этом местные партийные и советские органы, а, возможно, и КГБ. Это осведомление идет, как все внутрислужебное информирование в СССР, по иерархическому принципу — от непосредственного руководителя данного района вверх со ступени на ступень. Но незамедлительность реакции на каждой ступени очевидна по очень быстрому появлению в месте забастовки начальства разных категорий и рангов.

По имеющимся у нас материалам не представляется возможным определить, каковы правила, кто и в какой очередности должен заниматься забастовкой. Возможно, это решает в каждом конкретном случае партийный руководитель района —

займется ли он этим сам, пошлет ли кого-либо из своих подчиненных, позвонит ли в советские органы власти или выше — в обком, а в обкоме решают, ставить ли в известность Москву. Неизвестно также, ставит ли партийное начальство в известность местное управление КГБ о забастовке или кагебисты получают информацию по своим каналам — от осведомителей и начальника так называемого первого отдела — практически представителя КГБ на предприятии.

Роль КГБ наиболее существенна, по-видимому, в предотвращении забастовок, в частности, через осведомителей, которые, вероятно, должны быть на каждом предприятии и, насколько известно, на большинстве действительно имеются. Превентивные меры, принимаемые кагебистами против забастовок состоят прежде всего в выявлении потенциальных организаторов забастовок и в их "обезвреживании" — путем увольнения, а то и лишения свободы.

Инженеры из Донбасса Владимир Клебанов (Макеевка) и Анатолий Никитин (Донецк) оба побывали в психбольницах за то, что пытались организовать у себя на шахте группы рабочих по наблюдению за выполнением трудового законодательства и правил техники безопасности. (См. "Хроника текущих событий", № 48 — Клебанов; № 61 — Никитин). Выпущенные из больницы оба не могли вернуться к себе на шахту и вообще найти работу. Чутье у кагебистов оказалось правильным — оба инженера оказались впоследствии организаторами первых попыток создать в СССР

независимый профсоюз ("Хроника текущих событий", № 48, сс. 164-165). Таковой же была судьба майора в отставке Ивана Грещука, который был выбран в 1969 г. председателем домового комитета в поселке Березки под Киевом, где живут рабочие Киевской ГЭС. Грещук, возглавивший борьбу за улучшение их жилищных условий, был арестован и помещен в психбольницу ("Хроника текущих событий", вып. 1-15, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 88, сс. 192-193).

Редкий случай, когда время забастовки было определено заранее и известно властям, — 1 декабря 1981 г. в Эстонии, где к забастовке призывали в листовках, распространявшихся заблаговременно организацией "Демократический национальный фронт Советского Союза". За распространение листовок были арестованы четыре человека, среди них — Сиим Саде (рабочий) и Эндель Розе (врач). Приговор Саде неизвестен, а Розе получил год лагеря.

Эта организация, не объявившая имен своих членов, призывала провести 1 декабря 1981 г. с 10 до 10.30 час. утра молчаливую демонстрацию в поддержку следующих требований:

- вывод советских войск из Афганистана;
- невмешательство в дела Польши;
- прекращение вывоза продовольствия из СССР;
- прекращение тайных видов снабжения партийных верхов;
- освобождение политзаключенных;

— сокращение срока военной службы на полгода;

— соблюдение Всеобщей декларации прав человека и Хельсинкских соглашений.

Демонстрантам предлагалось прекратить в указанное время всякую деятельность и передвижения — на работе, дома, на улице. Авторы листовки предостерегали: "Никаких нарушений общественного порядка!", "Никаких проявлений национализма!" и предлагали на время демонстрации проигрывать на магнитофонах революционные песни, например "Интернационал". В дальнейшем предлагалось повторять демонстрации каждый первый рабочий день месяца в то же время. ("Вести из СССР, 1981, вып. 27 № 34; 1982, вып. 3 № 1; вып. 8 № 6; вып. 14/15 № 14; Архив самиздата, № 47/81 7 декабря 1981 г.)

Листовка задолго до 1 декабря попала на Запад и вызвала большой интерес. Текст листовки передавала радиостанция "Liberty", работающая на Советский Союз. К 1 декабря в Таллин пытались попасть многие корреспонденты западных газет. Удалось это лишь корреспонденту шведской газеты "Dagens Nyheter".

Вот какие меры, как стало известно, приняли власти в Таллине перед этой возможной забастовкой 1 декабря 1981 г. Эстонию на этот день пытались изолировать от иностранных корреспондентов; ни одному из них, за исключением корреспондента ЮПИ, не разрешили поехать в Таллин. Многим туристическим группам было также отказано во въезде в Талиин из-за "пере-

полненных гостиниц". Автоматическая связь с Эстонией накануне 1 декабря "испортилась", связываться надо было через телефонистку. Несколько известных диссидентов, живущих в Таллине, на этот день были под разными предлогами задержаны (вызов на допрос, в диспансер и т. д.).

В день забастовки были мобилизованы дружинники, а также группы коммунистов и комсомольцев-активистов для дежурства на улицах. Были усилены наряды милиции и опергруппы КГБ. Незадолго до 10 часов в центральные таллинские магазины были подвезены дефицитные товары, в результате чего туда кинулись покупатели.

Многие в этот день под тем или иным предлогом вообще не пошли на работу, а дирекция некоторых фабрик, во избежание инцидентов, сама объявляла о перерыве в назначенное для забастовки время, объясняя простой отсутствием сырья.

Шведскому корреспонденту удалось зафиксировать лишь одну несомненную забастовку в момент, назначенный в листовке, — бригада дорожных рабочих прекратила работу как раз в это время и не работала назначенные полчаса, не отвечая на вопросы. По окончании получаса, на вопрос корреспондента, почему они эти полчаса не работали, рабочие ответили: "Мы — эстонцы".

Превентивные меры против забастовок принимаются постоянно, причем не только на уровне КГБ, но как и в Таллине, соединенными усилия-

ми разных органов власти, и не только по предположению о назревании забастовки в определенном месте, но всюду, где можно этого ожидать. Каждому в СССР известно, что районы крупных заводов и других промышленных предприятий снабжаются лучше, чем маленькие города, где промышленности нет или она слабо развита. Борис Вайль рассказывает в своих воспоминаниях о промышленном городе Курской области Железногорске:

”Растущий город Железногорск — один из центров Курской магнитной аномалии — притягивал население из сел. Каждый раз, бывая в Железногорске, я отмечал, что здесь в магазинах есть и колбаса (правда, не более двух сортов), и — реже — мясо, не высокого, впрочем, качества. Тогда как в Курске, областном центре, этого не было в магазинах. Однажды я спросил какого-то мелкого местного чиновника, почему такая разница между Курском и Железногорском в снабжении. ”Здесь же рудники! — воскликнул он. — Да если мяса не будет, завтра же рабочие забастуют”. (Б. Вайль. Особо опасный. Overseas Publ. Int., с. 334).

Конечно, в таких мерах принимает участие не только КГБ, эти меры определяются директивой из центра и выполняют эту директиву по распределению продовольствия и товаров по территории каждой области и т. д. и партийное руководство и снабженческие организации.

Во время забастовок в нескольких случаях кагебисты выступали самостоятельно в качестве

сдерживающей силы или вместе с партийными и другими властями как арбитры между руководством предприятия и забастовщиками (24, 25, 39, 70). В Витебске (24) и в Выборге (70) источники указывают, что требования забастовщиков были удовлетворены после вмешательства КГБ. Но все-таки основная роль КГБ не в арбитраже во время забастовки, а в предотвращении забастовок и в "обезвреживании" потенциальных их возбудителей и тех, кто проявил себя во время забастовки как застрельщик или организатор. С такими людьми после забастовки расправляются или увольнениями (18, 19) или арестами (22, 29, 30). Но, видимо, такие меры вовсе не обязательны после каждой забастовки — во всяком случае, указания на такие последствия после известных нам забастовок имеются лишь в этих шести случаях.

Об участии милиции в прекращении забастовок упоминается 4 раза (один из них — прибытие спецвойск МВД в Кохтла-Ярве). Но создается впечатление, что милиция не играет активной роли в случаях забастовок. Лишь однажды именно милиция упоминается как единственная сила, противостоявшая забастовщикам. В августе 1981 года в Киеве во время забастовки бригады из 15 человек в строительном-монтажном управлении № 27 (61). В источнике указывается, что бригаду целиком увезли на несколько часов в милицию. Но не исключено, что в милиции с ними "беседовали" вовсе не милиционеры, а сотрудники КГБ или партийно-идеологическое начальство (во вся-

ком случае, это частая уловка кагебистов по отношению к диссидентам — задерживать их с помощью милиции и доставлять для общения с сотрудниками КГБ в милицейское отделение). И 15-суточный арест, которому подвергся бригадир после окончания забастовки якобы за "хулиганство", тоже мог быть проведен с помощью милиции по указанию КГБ или партийного начальства. То же самое можно сказать об увозе в милицию и избивении там рабочего Бинкиса во время забастовки в Каунасе в 1977 г. (39). В Алексотасе в 1973 г. (25) милиция прибыла на место забастовки вместе с кагебистами и начальством разного ранга. Милиция появилась на месте забастовки ранее начальства в Свердловске в 1969 г. (19), но, возможно, как это отмечалось выше, это объясняется тем, что директор завода, на котором произошла эта забастовка, была женой начальника милиции Свердловска. Роль местного начальства от района до области во всех известных нам забастовках — увещательная, нигде не отмечены угрозы с их стороны, наоборот, они выступают как бы на стороне рабочих, обиженных руководителями предприятия, и именно местное начальство решает вопрос об отстранении таких руководителей от должности или другом их наказании.

Прибытие московского начальства наши источники фиксируют в пяти случаях. В трех случаях это было во время забастовок общественного транспорта в масштабах города (в Кишиневе в 1969 г. — 18; в Орджоникидзе в 1981 г. — 64 и в

Нарве в 1983 г. — 71). Кроме того, московская комиссия появилась в Тарту в 1980 г. (48) во время забастовки завода с более чем тысячью рабочих и в начале июня 1981 г. в Киеве, где в предшествовавшие месяцы произошло подряд четыре забастовки. Особенно напряженными были март-апрель. На эти месяцы пришлись две забастовки на заводе животноводческого машиностроения (57 и 58) и на заводе железобетонных конструкций (59) — из-за снижения зарплаты. К тому же в конце марта были волнения в городе Припяти около Киева из-за отсутствия продуктов в магазинах и несправедливостей при распределении квартир. В мае бастовала бригада строительномонтажного управления № 27 — из-за снижения расценок (61). Во всех случаях действовали местные власти, и во всех случаях требования недовольных были удовлетворены. Но в начале июня в Киеве вновь началась забастовка на этот раз — на станкостроительном заводе. Бастовала смена в 200 человек — тоже из-за снижения расценок. И тут приехала комиссия из Москвы. Забастовщиков вызвали по одному объясняться перед комиссией, на каждого было оказано давление, каждому угрожали или стыдили, или разъясняли, и таким несложным способом сопротивление было сломлено — рабочие начали работу, не добившись возвращения прежних расценок.

Тем не менее московское руководство явно не рассчитывало только на такой простой и приносящий, казалось бы, немедленный результат способ и не ориентировало на такие действия

местные власти. Во всяком случае, в августе 1981 года в том же Киеве произошла еще одна забастовка — на мотоциклетном заводе (62), одном из самых больших предприятий такого рода в СССР. Причиной забастовки было все то же очередное снижение зарплаты из-за снижения прогрессивки и отмены премиальных. В источнике не указано, какого ранга начальство прибыло на завод, но сообщается, что рабочие отказались разговаривать до тех пор, пока им не предъявят подписанный приказ о восстановлении оплаты труда в полном размере (с полной прогрессивкой и премиальными), и лишь когда это требование было выполнено, приступили к работе. Таким образом, в этом случае вернулись к испытанному методу уступок забастовщикам.

Весной-летом 1981 г. Киев оказался наибольшей точкой напряжения, которое власти отмечали не только там. Несомненно, забастовок было гораздо больше, чем нам известно, особенно кратковременных. Если они закачивались (все равно — победой рабочих или их поражением) в течение одного рабочего дня, то это воспринималось обеими сторонами как "семейное дело" заводского коллектива, и вряд ли информация о таком событии распространялась за пределы завода. Но по официальным каналам значительная часть этой информации, конечно, сообщалась. Ведь в случае успеха забастовки надо было объяснить "наверху", почему не проведено очередное понижение расценок и т. д., а в случае успеха администрации — ради предупреждения

трудностей, которые встретит новое требование понижения расценок, если его назначат вскоре после забастовки.

Летом 1981 года в советской печати заметно усилилось внимание к проблемам труда и его оплаты и вообще к проблемам организации производства. Большое внимание уделялось "дискуссии о профсоюзах". Осенью 1981 г. был неожиданно и даже без соблюдения полагающихся формальностей снят со своего поста председатель Всесоюзного Центрального совета профсоюзов Алексей Шibaев. В печати широко писали о профсоюзах — не только как о "приводных ремнях" партии, но и профсоюзах как организациях трудящихся, помогающих им в организации их быта и т. д. Можно предположить, что это было вызвано не только тревожными для советского руководства событиями в Польше, но и учащением забастовок в СССР.

Значительная часть известных нам забастовок (17) была вызвана снижением заработной платы рабочим данного цеха, данного завода и т. д., но еще чаще (23) — плохим снабжением продовольствием и его нехваткой, плохое продовольственное снабжение было общим фоном недовольства населения.

В конце августа — начале сентября 1981 г. на закрытых партийных собраниях читали письмо ЦК КПСС о продовольственном положении в стране. Полный текст этого письма на Западе не известен, но ссылка на него есть в статье Р. Джиллета в "Лос-Анджелес таймс" от 31 августа 1981

года. Самиздатский источник (АС 4496, 45/81) сообщает о цикле "воспитательных" мероприятий в Киеве на основании этого письма.

Киев. Инструктора райкомов партии читают партийным организациям городских предприятий и институтов лекции, которые являются своего рода комментарием к письму ЦК КПСС о продовольственном положении в стране.

С трудностями справимся, утверждают лекторы, если не будет паники, а для устранения ее употребим все силы. В частности, будут проведены показательные процессы над продавцами, которые будут продавать в одни руки сверх нормы. Кроме того, "если будут обнаруживаться люди, создающие в своих домах запасы продуктов (!), то к ним будут применяться уголовные санкции вплоть до посадки".

На крупных предприятиях будет создаваться внутренняя торговая сеть. На заводе "Арсенал", например, уже имеется свой продмагазин.

На некоторые продукты питания, возможно, введут карточную систему распределения. Возможно, что с повышением цен повысят и зарплату, но лишь для некоторых категорий граждан, в частности, для рабочих.

Центральная украинская газета "Радянська Україна" поместила 17 сентября 1981 г. статью, в которой содержится намек на то, что в производственном объединении "Большевик" в Киеве была не то забастовка, не то отказ от работы, если... и т. д. Согласно этой статье, трения были вызваны введением новой технологии, привыкание

к которой вызывало дополнительное напряжение в работе.

В статье объясняется, как серьезно отнесся партком к происшествию, исходя из того, что происходящее в бригаде касается каждого на заводе — от рядового работника до директора предприятия.

Эта статья в "Радяньской Украине" имеет подзаголовок "заметки с семинара". Семинар был проведен Киевским городским комитетом партии для *всех* работников в области идеологии. На семинаре, согласно газете, изучался опыт парткома производственного объединения "Большевик". Речь шла о поисках наилучших форм сотрудничества между руководством и работниками на каждом предприятии и о подключении идеологических работников к этому процессу.

Видимо, такие семинары и вообще такая идеологическая работа была проведена не только в Киеве, а в широких масштабах во многих местах СССР — "в свете решений ЦК КПСС и ВЦСПС".

Забастовка в Нарве 1 июня 1983 г. (71) тоже имела заметный резонанс на уровне центрального московского руководства. Об этой забастовке писала (похоже, впервые более чем за полвека) центральная газета "Известия" (11 июля 1983 г.). Автор статьи Г. Гусаков не употребляет слова "забастовка", он называет событие "бузой", но из статьи ясна причина "бузы".

"...Объем перевозок из-за перестройки транспортной сети резко снизился, тогда как план повысили; выполнить его стало нереально; шоферы теряли премии и прогрессивку".

Случилось это "в самое горячее время, когда надо было везти рабочих на стройку, на кожзавод", но шоферы отказывались выйти на работу, пока не восстановят прежний график. Он был восстановлен — временно, до разбора обстоятельств дела и претензий шоферов. Этим делом занимались, как указывает статья в "Известиях", "комиссии горкома партии и горисполкома, заместитель министра, коллегия республиканского министерства". Они "признали вину администрации". Но Гусаков обвиняет и рабочих, которые, по его словам, "разбаловались". Он утверждает, что они получали на протяжении многих лет юлную зарплату за четырехчасовой рабочий день, "т. е. фактически залезали в чужой карман". Автор сетует на "жестокую профессиональную поруку" забастовщиков и угрожает, что для них наведение порядка "бесконфликтно не пройдет".

Появление статьи в "Известиях" и высокий ранг чиновников, вовлеченных в разбирательство о забастовке в Нарве, особенно интересно тем, что это — единственная из известных нам забастовок, случившаяся в недолгий период пребывания у власти Андропова. Этот случай может служить иллюстрацией задуманных им мер "наведения порядка" по отношению к забастовщикам. Видимо, имелась ввиду та же линия, что и в брежневский период, но проводимая более энергично. Собственно, так и должно было быть, так как в брежневскую эпоху Андропов как председатель КГБ и член политбюро имел существенное, а может быть, определяющее

влияние на выработку стратегии власти по отношению к массовым возмущениям вообще и к забастовкам в частности.

Как уже отмечалось выше, забастовки в СССР это не активная экономическая борьба рабочих за свои права, а стихийный протест против ухудшения условий, бунт без надежды на победу. Но это, как известно, лишь первый самый начальный этап осознания рабочим классом своих сил, прав и возможностей. И рано или поздно властям в СССР придется столкнуться с реальной силой рабочих, заинтересованных в улучшении условий жизни. Конечно, силами тоталитарной полиции можно по-прежнему предотвращать любые протесты, подавлять в зародыше потенциальные рабочие выступления. Но такая политика вряд ли совместима с внедрением экономической заинтересованности, расширением инициативы работающих, без которых, в свою очередь, невозможно расширение производства продукции. А вслед за ростом заинтересованности неизбежно последуют и попытки активного отстаивания своих прав. Так что можно надеяться, что забастовки в СССР будут все чаще, пока не станут чем-то обычным, нормальным способом улаживания трудовых конфликтов между рабочими и администрацией.

Таблица 1

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗВЕСТНЫХ ЗАБАСТОВОК

№	место	время	характер забастовки
1	Москва	окт. 1956	шарикоподшипниковый завод
2	Николаев	1957-58	неизвестен
3	Рига	июнь	радиозавод VEF и вагоно-строительный завод
4	Барнаул	1960	завод пластмассовых изделий
5	Николаев	1960	неизвестен
6	Ростов-на-Дону	1960	неизвестен
7	Харьков	1960	неизвестен
8	Александров	1961	завод
9	Киев	1961	книжно-журнальная фабрика
10	Новочеркасск	1-3 июня 1962	общегородская забастовка
11	Ярославль	лето 1962	шинный завод
12	Одесса	лето 1962	докеры в порту
13	Каунас	1962	обувная фабрика "Raudonasis Spelis"
14	Кривой Рог	окт. 1963	"целый ряд промышленных предприятий"
15	Севастополь	25-26 июня 1964	верфь
16	Прилуки (Украина)	ноябрь 1967	общегородская забастовка
17	Находка	1968	неизвестен
18	Кишинев	1969	два автопарка
19	Свердловск	1969	завод резиновых изделий
20	Копейск (Свердл. обл.)	1970	завод горнодобывающего оборудования им. Кирова

№	место	время	характер предприятия
21	Зареченка (Донецк, обл.)	1970	колхоз им. Суворова
22	Керчь	1971	неизвестен
23	Котовский р-н (Молд.)	1972	совхоз
24	Витебск	1973	"самый большой завод в городе"
25	Алексотас (Литва)	1973	деревобрабатывающий завод
26	Новоалексе- евка (Укр.)	13 авг. 1974	неизвестен (крымские татары)
27	Шауляй (Литва)	1975	водители автобуса
28	Ленинград	1976	Кировский машиностро- ительный завод
29	Синельнико- во (Днепро- петр. обл.)	1976	неизвестен
30	Рига	лето 1976	порт, забастовка рабочих
31	Витебск	1976	завод
32	Днепропет- ровск	сред. авг. 1976	завод металлургического оборудования им. Ленина
33	Ленинград	май 1977	порт, докеры
34	Выборг	май 1977	порт, докеры
35	Таллин	май 1977	порт, докеры
36	Рига	май 1977	порт, докеры
37	Вентспилс (Литва)	май 1977	порт, докеры
38	Клайпеда	май 1977	порт, докеры
39	Каунас	декабрь 1977	комбинат резновых изделий "Inkaras"
40	Иваново	1977	текстильная фабрика
41	Зносычи (Ро- венск. обл.)	весна 1978	колхоз

№	место	время	характер предприятия
42	Ставрополье (Будановский район)	август 1978	водители грузовиков для перевозки зерна
43	Кохтла-Ярве	июнь 1979	газово-сланцевый завод
44	Тольятти	10-11 авг. 1979	городской автобусный парк
45	Тольятти	май 1980	автопарк
46	Набережные Челны	1980	Камский автомобильный завод
47	Мишелевка (Усольск. р-н Иркутск. обл.)	1980	фарфоровый завод
48	Тарту	1980	завод сельскохозяйствен. машин "Kastemonditekhas"
49- 53	5 забастовок в Мончегорске (Мурманская область)	1981	водители автобусов
54	Коми АССР	1981	шахта
55	Кузбасс	1981	шахты
56	Кулдре (Эстония)	март-апр. 1981	совхоз, водители автобусов
57	Киев	март-апр. 1981	Опытно-конструкторский завод ВНИИ животноводческ. машиностроения
58	Киев	март-апр. 1981	"вторая забастовка вскоре после первой в том же месте".
59	Киев	март-апр. 1981	завод железобетонных конструкций
60	Киев	май 1981	станкостроительн. завод
61	Киев	июнь 1981	строительно-мотнажное управление № 27
62	Киев	август 1981	завод по производству мотоциклов

№	место	время	характер предприятия
63	Павлово-на-Оке	6 окт. 1981	Ждановский автозавод
64	Орджоникидзе	24-25 окт. 1981	городской транспорт
65	Волинск	1981	красильщики Волжского автозавода
66	Таллин	1 дек. 1981	бригада дорожных рабочих
67	Москва	9-10 сент. 1982	завод им. Хруничева
68	Рига	1982	автоколонна
69	Атаки (Молдавия)	1982	неизвестен (молдавانه)
70	Выробрг	1983	завод "Электроинструмент"
71	Нарва	1 июня 1983	автотаксомоторный парк
72	Киев	июнь 1983	мясокомбинат, колбасный цех
73	Кривой Рог	1983	несколько предприятий
74	Свердловск	1980-е	Уральский машиностроительный завод
75	Свердловск	1980-е	Верхнеисетский инструментальный завод

Источники к таблице I

1. *The New York Times*, Aug. 10, 1960.
2. Там же.
3. Сообщение радио "Свобода", основанное на свидетельстве немецких эмигрантов из СССР.
4. *The New York Times*, Aug. 10, 1960.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Critique*, 1979, No. 10/11, pp. 37-50.
9. Свидетельство участника забастовки Юрия Дулерана.

10. Свидетельство участника событий Евгения Елина ("Посев", 1982, № 8, сс. 33-42).
11. *Critique*, 1979, No. 10/11, pp. 37-50; "Посев", 1978, № 3, с. 42.
12. *The New York Herald Tribune*, Oct. 31, 1962.
13. "Посев", 1974, № 1, с. 62.
14. "Посев", 1978, № 3, с. 43.
15. Сообщение радио "Свобода", основанное на свидетельствах очевидцев.
16. Л. Плющ. На карнавале истории. *Overseas*, London, 1979, сс. 210-212.
17. "Вести из СССР", 1984, 3, № 22.
18. "Посев", 1974, № 7, с. 62.
19. "Посев", 1973, № 10, с. 33.
20. Там же.
21. "Хроника текущих событий", т. II, с. 14. Амстердам, Фонд им. Герцена, 1978.
22. *A Chronicle of Current Events (CCE)*, No. 33, p. 54.
23. "Комсомольская правда", 5 сент., 1972.
24. "Посев", 1973, № 10, с. 32.
25. *Chronicle of the Lithuanian Catholic Church*, No. 8, 1975, p. 27.
26. *CCE*, No. 34, pp. 46-47.
27. *CCE*, No. 39, p. 205.
28. *CCE*, No. 42, p. 256.
29. Список политзаключенных в СССР, 1984, с. 145 (Иван Медведев).
30. *Thematic Survey of the Documents of the Moscow Helsinki Group*. U. S. Congress, CSSE. 1981, pp. 19-21.
31. "Посев", 1976, № 9, с. 17.
32. Там же.
- 33-38 "Посев", 1977, № 6, с. 21.
39. *CCE*, No. 49, p. 51.
40. *The Financial Times*, June 13, 1980.
41. *CCE*, No. 54, p. 103.
42. "Комсомольская правда", 19 авг. 1978.
43. "Посев", 1979, № 7, с. 7.
44. "Вести...", 1980, 12, № 35; "Архив самиздата", 26/80, № 4013.

45. "Вести...", 1980, 11, № 21; 12, № 35; "Архив сам-издата", 26/80, № 4013.
46. "Посев", 1982, № 11, с. 9.
47. "Пюсев", 1981, № 7, с. 5.
48. "Вести...", 1980, 20, № 1.
- 49-53. "Вести...", 1982, 19, № 37.
54. "Вести...", 1982, 19, № 37.
55. Там же.
56. "Вести...", 1981, 5, № 33.
57. "Вести...", 1981, 12, № 29.
58. Там же.
59. Там же.
60. "Вести...", 1982, 16, № 34.
61. Там же.
62. "Вести...", 1981, 22, № 33.
63. "Вести...", 1983, 11, № 33.
64. "Вести...", 1982, 1, № 37.
65. *The New York Times*, Nov. 18, 1981.
66. "Вести...", 1981, 21, № 34; "Посев", 1981, № 12, с. 2; *Dagnes Nyeter*, Jan. 3, 1982.
67. "Вести...", 1983, 7, № 47.
68. "Посев", 1983, № 8, с.5.
69. "Вести...", 1982, 13, № 27.
70. "Посев", 1983, № 4, с. 9.
71. "Вести...", 1983, 15, № 24; "Посев", 1983, № 8, с.5.
72. "Висник репрессий в Украйни", 1984, 6, № 11.
73. "Вести...", 1984, 15, № 25.
74. "Посев", 1981, № 3, с. 5.
75. "Вести...", 1982, 9, № 29.

Таблица II

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАБАСТОВОК

№	место	время	продолжительность забастовок
10	Новочеркасск	1962	3 дня
13	Каунас	1962	5 часов
19	Свердловск	1969	1 смена
21	Зареченка	1970	3 дня
25	Алексотас	1973	2 дня
28	Ленинград	1976	3 дня
39	Каунас	1977	12 часов
45	Тольятти	1980	3 часа
46	Набережные Челны	1980	4 часа
47	Мишелевка	1980	1 день
57	Киев	1981	1,5 дня
58	Киев	1981	1,5 дня
59	Киев	1981	2 дня
60	Киев	1981	несколько часов
61	Киев	1981	1 или 2 дня
63	Павлово-на-Оке	1981	"несколько дней"
64	Орджоникидзе	1981	2 дня
66	Таллин	1981	30 минут
70	Выборг	1983	несколько часов
71	Нарва	1983	1 день

РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА ЗАБАСТОВКИ
(указаны случаи, для которых реакция известна)

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
9	Киев, 1961	Через два дня руководство фабрики удовлетворило требования забастовщиков.	Постепенное снижение расценок; забастовщики наказаны не были.
10	Новочеркасск, 1-3 июня 1962	Ввод войск с танками, расстрел демонстрации и скоплений людей в других частях города, около 70-80 убитых, в том числе разрывными пулями, много раненых. Прибытие в город Микояна, Сулова и других членов советского руководства, выступление Микояна по радио (с критикой местного начальства за плохое снабжение). Рабочих приглашали вернуться на работу, обходя дома, местные активисты, сообщая, что если забастовка затянется, весь город будет выселен.	Массовые аресты. На одном из судов 9 мужчин приговорили к расстрелу, двух женщин – к 15-летним срокам. Остальные приговоры неизвестны. Семьи убитых и раненых выселили в отдаленные места. Состав горкома не изменился. В магазинах появились прежде отсутствовавшие продукты (мясо, колбаса и пр.), но ненадолго.

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	Последующая
13	Каунас, 1962	Через 5 часов после начала забастовки здание фабрики окружили войска ГБ при поддержке нескольких танков. Офицер ГБ обратился к рабочим: "Если через час работа не возобновится, то всех вышлют в Сибирь!" И он показал на подогнанные к воротам грузовики. Через некоторое время работа возобновилась.	неизвестна
15	Севастополь, 25-26 июня 1964	Прибыло руководство из Москвы; начальнику милиции был объявлен выговор.	неизвестна
16	Прилуки, ноябрь 1967	Через два дня требования были удовлетворены.	неизвестна
17	Находка, 1968	неизвестна	арест (ы) (?)
18	Кишинев, 1969	На второй день из Москвы срочно прилетела министерская комиссия. Началось расследование.	Во всем обвинили руководство автопарков: они-де должны были добиться отмены инструкций и, составив соответствующий акт, списать перерасходованный бензин. Директора автопарков, их заместели и главные бухгалтеры были отданы под суд и получили сроки.

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
18	Кишинев (продолж.)		от 3 до 6 лет. Шоферам выплатили зарплату, и они приступили к работе.
19	Свердловск, 1969	Директор завода угрожал делегатам забастовщиков; прибыла милиция и партийные руководители – от секретаря райкома до первого секретаря обкома; требования удовлетворили, обещали не подвергать репрессиям делегатов рабочих; тут же было удовлетворено требование об увольнении директора – за угрозы и грубость.	Некоторые участники забастовки были впоследствии уволены под разными предлогами. Директора перевели в Москву в Главк с повышением.
21	Зареченка, 1970	Забастовка окончилась после выполнения председателем облисполкома требования забастовщиков – открытия костела, занятого под зерновой склад.	Костел был отремонтирован властями, церковное имущество возвращено, виновники занятия костела наказаны.
22	Керчь, 1971	неизвестна	Аресты по обвинению в антисоветской пропаганде с умыслом подрыва советского строя. Приговоры: 4 года лагеря плюс 3 года ссылки; спецпсихбольница.

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
23	Котовский район, 1972	Требования были удовлетворены в тот же день.	Статья в "Комсомольской правде" от 5 сентября 1972 г. с упоминанием о забастовке.
24	Витебск, 1973	Требования рабочих удовлетворены после вмешательства КГБ на второй день забастовки.	Зачинщиков искали, но не нашли.
25	Алексотас, 1973	На следующий день после начала забастовки прибыли: милиция, кагэбисты, работники каунасского горисполкома, а затем – работники министерства. Требования удовлетворили.	неизвестна
26	Новоалексеевка, 13 августа 1974	Требования были удовлетворены в тот же день.	неизвестна
27	Шауляй, 1975	Требования удовлетворили через 3 часа.	неизвестна
29	Синельниково, 1976	неизвестна	арест (аресты?)
30	Рига, 1976	неизвестна	4 ареста по обвинению в "клевете на советский строй"; отмена "рыбного дня" в столовой порта (его введение было причиной забастовки).

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
33	Ленинград, май 1977	Отказавшихся работать сверхурочно докеров заменили студентами и солдатами.	неизвестна
34	Выборг, май 1977	та же	неизвестна
35	Таллин, май 1977	та же	неизвестна
36	Рига, май 1977	та же	неизвестна
37	Венспилс, май 1977	та же	неизвестна
38	Клайпеда, май 1977	та же	неизвестна
39	Каунас, дек. 1977	Прибыли сотрудники КГБ и зав. промышленным отделом райкома партии – увещевали. Требования удовлетворили. Рабочий Бинкус был отвезен в милицию и там избит.	Уволили начальницу смены, отстранили технолога, главный инженер комбината получил строгий выговор.
41	Зносычи, весна 1978	Требования были удовлетворены.	Церковь, однако, все равно позже была разрушена.
42	Ставрополье, авг. 1978	неизвестна	В "Комсомольской правде" от 19 августа 1978 появилась статья с осуждением отказавшихся работать.
43	Кохтла-Ярве, июнь 1979	Прибыли войска МВД, рабочих избивали дубинками; приезжал первый секретарь ЦК КП Эстонии угрожать рабочим прекратить забастовку.	неизвестна

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
44	Тольятти, 10-11 авг. 1979	Требования были удовлетворены	Деньги были выплачены, начальник автопарка и главный бухгалтер уволены. Арестов не было, но людей вызывали в КГБ на допрос, в партком для "внушения", в дирекцию и профком.
45	Тольятти, май 1979	Требования были удовлетворены.	неизвестна
46	Набережные Челны, 1981	Забастовка из-за плохого снабжения, положение улучшилось, но ненадолго.	неизвестна
47	Мишелевка, 1980	Забастовка была из-за отсутствия хлеба в поселке — хлеб подвезли.	неизвестна
48	Тарту, 1980	Прибыла комиссия из Москвы, требования удовлетворили.	В беседе с корреспондентом агентства Франс Пресс директор признал факт забастовки, но утверждал, что она была на соседнем заводе.
56	Кулдре, 1981	Часть требований была удовлетворена (по улучшению условий труда).	неизвестна
57	Киев, март-апрель 1981	Требования удовлетворили.	неизвестна
58	Киев, март-апрель 1981	Требования удовлетворили.	Директр был снят, изменен состав месткома и парткома.

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
59	Киев, март-апрель 1981	Требования удовлетворены.	неизвестна
60	Киев, июнь 1981	Комиссия из Москвы, вызывали забастовщиков по одному, угрожали репрессиями, требования удовлетворены не были.	неизвестна
61	Киев, май 1981	Всех забастовщиков – 15 человек – увезли в милицию на несколько часов. Требования удовлетворили.	Бригадир был арестован на 15 суток за "хулиганство".
62	Киев, авг. 1981	Требования были удовлетворены администрацией завода.	неизвестна
63	Павлово-на-Оке, 6 октября 1981	Требование (выплата премии) было удовлетворено.	Директор завода обещал улучшить условия труда.
64	Орджоникидзе, 24-25 окт. 1981	Прибыл председатель Совета министров РСФСР Соломенцев – обещал удовлетворить требования.	неизвестна
67	Москва, 9-10 сент. 1982	Требования были удовлетворены	неизвестна
70	Выборг, 1983	"Зачинщику" угрожали арестом и вообще расправой, но требования были удовлетворены по звонку из горкома партии и КГБ.	"Зачинщик" уволен не был.

№	место и время	реакция властей	
		немедленная	последующая
71	Нарва, 1 июня 1983	Требования удовлетворены, время забастовки оплачено как рабочее. Забастовкой занималась комиссия горкома партии и горисполкома, замминистра, коллегия республиканского министерства. Они признали вину администрации, но и рабочих критиковали.	11 июля – статья в "Известиях" о "бузе" в Нарве.
72	Киев, июнь 1983	Требования были удовлетворены.	Требования были удовлетворены.

Александр Янов

РУССКАЯ ИДЕЯ В "МОЛОДОГВАРДЕЙСКОМ" ИСПОЛНЕНИИ

Гнилой Запад – да, гнилой, так и брызжет, так и смердит отовсюду, где только интеллигенция наша попробовала воцаряться...

К. Н. Леонтьев, 1886

Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свобод, в том числе и интеллектуальной. И что же, спасло это его? Вот мы видим его сегодня: на оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой... бессильным перед кучкой сопливых террористов.

Александр Солженицын, 1974

Мессианистическое значение России относительно Запада не подлежит сомнению. Одно только славянофильство еще может избавить Запад от парламентаризма, анархизма, безверия и динамита.

Алексей Киреев, 1894

Если предположить грядущую трансформацию коммунистической партии в православную партию Советского Союза, мы получили бы действительно идеальное государство, которое исполнило бы историческое предназначение русского народа. Речь идет о православизации всего мира.

Геннадий Шиманов, 1969

Русская Идея: генезис и вырождение *

Русская Идея возникла в разгар диктатуры Николая I (в моих терминах, режима русской контрреформы). Разумеется, политический террор был, как всегда, одним из средств утверждения этого режима. Другим — не менее, а быть может и более важным — была его идеология. Именно идеологией контрреформа не только обезоружила, но даже на время привлекла на свою сторону почти всю интеллектуальную элиту страны. Славянофилы вовсе не были такими уж еретиками, когда они называли николаевскую диктатуру деспотизмом. Сам диктатор и не думал этого скрывать. Да, — говорил он с трогательной прямотой, — ”деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации”.¹

Вот эта мысль о ”согласии гения нации” с деспотизмом и составляла ядро идеологии ”официальной народности”, правившей Россией четверть века. Она была, по сути, родом могущественной светской религии, навязанной обществу, оцепеневшему после разгрома отчаянной реформистской попытки 1825 г. Смысл ее сводился к обожествлению государства — к культу политического идолопоклонства. Лучшие из лучших русских умов того времени — Пушкин, Тютчев, Белинский, Гоголь, Вяземский, Жуковский, На-

* Из книги ”Русская идея и 2000 год. Готовясь к последней конфронтации с Западом”. Выходит в издательстве “Liberty Publishing House”.

деждин оказались неспособны ему сопротивляться. Это тогда Пушкин написал "Клеветникам России" и "Стансы", а Гоголь — "Выбранные места из переписки с друзьями". Это тогда писал Белинский, что "в царе наша *свобода*, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь... безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость, но и высшая поэзия нашей жизни, наша *народность*".² Если мы добавим к этому тираду Надеждина о том, что "у нас одна неизменная стихия: царь! Одно начало всей народной жизни: *святая любовь к царю!* Наша история была доселе великою поэмою, в которой *один* герой, *одно* действующее лицо. Вот отличительный самобытный характер нашего прошедшего. Он показывает нам и наше *будущее* великое назначение",³ — у нас не может остаться сомнения, что идеология политического идолопоклонства (культ личности, в современных терминах) была реальным и одно время решающим фактом русской культурной жизни.⁴

Власть — мысль народа, его духовный пастырь, его совесть — гласила первая заповедь этой религии. Власть все ведает, все видит, всех любит, все может. Главная гражданская добродетель россиянина есть вера в непогрешимость власти. Это языческое обожествление власти было беспрецедентно опасно для русской культуры: оно грозило ей политической деградацией.

Механизм официального национализма был устроен коварно, триада Православия, Самодер-

жавия и Народности искусно переплетала деспотизм с религией, реакцию с патриотизмом, крепостное право с национальным чувством. Каждый, кто поднимал руку на деспотизм, рисковал ударить по национальному чувству, восставая против реакции, он бросал вызов религии и патриотизму. Это была изобретательно придуманная конструкция, огромной мощи идеологическая ловушка, неуязвимая для либеральной критики. Только став на ее собственную позицию, можно было оторвать "гений нации" от деспотизма, "народность" от крепостного права, православие от политического идолопоклонства.

Именно эту функцию и исполнило славянофильство в русской политической истории. Именно с позиции защиты православия атаковало оно официальную религию — как ересь. Именно с позиции защиты неограниченной власти атаковало оно обожествление государства — как кощунство. Именно с позиции оскорбленного национального чувства атаковало оно "официальную народность" — как извращение. Короче говоря, оно выступило борцом за секуляризацию власти. Оно бесстрашно провозгласило, что "образовалось иго государства над землею, и русская земля стала как бы завоеванною, а государство завоевательным. Русский монарх получил значение деспота, а свободно подданный народ значение рабневольника".⁵ Если прав был Маркс, что "критика религии есть предпосылка всякой другой критики",⁶ то славянофильство выполнило свою историческую задачу. Заслуга его перед русской культурой не должна быть забыта.

Как ни парадоксально, однако, именно с этого и начинается драма Русской Идеи. Пока она боролась против языческого обожествления государства, она была при деле. Когда политическое идолопоклонство рухнуло вместе с режимом контрреформы в 1855 г., ее позитивная историческая функция оказалась исчерпанной. От нее осталась лишь ретроспективная утопия.

Пророки Русской Идеи не знали фундаментального образца политического изменения в России, согласно которому ни один русский деспот не может продлить режим контрреформы за пределы своей земной жизни. После Николая не могло быть другого деспота (так же, как не могло быть другого деспота после Сталина). После каждого из них должна была наступить эра реформы и политического кризиса — в этом состоял второй образец политического изменения в России, которого тоже не знали пророки Русской Идеи и который оказался для них роковым.

Славянофильство, превосходно усвоившее тактику идейной борьбы в эпоху диктатуры, оказалось совершенно не готово к реальности политической борьбы в эпоху реформы. Как все утописты, славянофилы очень точно знали, что именно они отрицают и очень приблизительно — что утверждают. Их ненависть была предельно конкретна, а любовь расплывчата и абстрактна. Возможно ли было "земское государство", которое, согласно их замыслу, должно было сменить

деспотизм, т. е. неограниченная власть, не вмешивающаяся в дела "земли"-общества? Постдиктаториальную Россию, Россию реформы совершенно эти вопросы не интересовали. Она раскололась перед глазами славянофилов на два непримиримых лагеря. Один из них, либеральный, добивался увенчания социальных реформ 1860-х гг. конституцией (означавшей ненавистный славянофильству парламентаризм). Другой лагерь, консервативный, боролся за сохранение автократии, все более и более откровенно стремясь к реставрации не менее ненавистного славянофилам "душевредного деспотизма". Что касается утопического "принципа авторитаризма", в котором состояло ядро политической доктрины Русской Идеи, у него, кроме самих славянофилов, сторонников не оказалось.

Политический кризис требовал от великодушного, наивного, презиравшего политику идейного течения жестокого политического выбора. Самого банального "за" или "против". Реальность кризиса не позволяла метаться между двумя ненавистями: к отечественному деспотизму и западному парламентаризму. Надо было выбрать одну. И славянофильство сделало свой выбор: "Теперь положение таково, что середины нет — или с нигилистами и либералами, или с консерваторами. Приходится идти с последними, как это ни грустно".⁷ Таков был выбор Ивана Аксакова, младшего брата Константина, возглавившего славянофильство после того, как его отцы-основатели (К. Аксаков, И. Киреевский, А. Хомяков) отошли в вечность. Живому осколку старого славянофильства, храни-

телю его догматических древностей переход на сторону защитников деспотизма был еще грустен. Он с трудом отрывал от сердца "земское государство", он еще строил тактические планы — сначала вместе с защитниками реставрации деспотизма отбиться от парламентаризма, а потом... Но никакого "потом" быть уже не могло. Если власть не желала "земского государства", когда была слаба, то, окрепнув, она и слышать о нем не захочет. И пойдя на временную уступку дьяволу, окунувшись в купель деспотизма с отдаленной мечтой о "земском государстве", вынырнуло из нее славянофильство с совсем новыми представлениями о мире.

Вырождение Русской Идеи, начавшееся этим роковым выбором, поразительно напоминает аналогичный процесс, происходивший в то же самое время в другом идейном течении — тоже романтической реакции на банкротство рационалистических доктрин XVIII века — с течением, которое в унисон славянофильству можно было бы назвать тевтонофильством. У истоков его, воодушевленного чистейшей идеей национального возрождения, стояли Фихте со своими пламенными "Речами к немецкой нации" и воскреситель германского народного эпоса Якоб Гримм, которых можно поставить рядом с нашими Константином Аксаковым и П. Киреевским. Были там и Шлейрмахер с "речами о религии" и Новалис с "Фрагментами о христианстве", которых можно поставить ря-

дом с И. Киреевским и А. Хомяковым. Точно так же, как славянофилы о походах Олега на Константинополь, толковали их немецкие коллеги об Армии, о битвах с римлянами, о победоносных тевтонских ордах. В обожествлении нации, в том, что Владимир Соловьев назовет впоследствии "идолопоклонством перед народом", они были похожи, как братья. И точно так же юджидали тевтонофилов коварные объятия пангерманизма. И предстояла им в конечном счете та же трагическая метаморфоза, вылившаяся в следующем веке в фашистское мессианство.

В 1880-е гг. проповедникам выродившегося тевтонофильства предстояло экспортировать в Россию антисемитизм. Как заметил один немецкий историк, "идея антисемитизма обнаружила полную меру своей ядовитости только в России... Берлинские антисемитские лидеры снабдили русских хулиганов необходимой [идеологической] амуницией. Штекер, Алвардт — стали подлинными отцами русских погромов". А тевтонофилы поздравляли себя с тем, что "с оружием из нашего идеологического арсенала русский народ может теперь освободиться от своего смертельного врага".

В 1920-е гг. проповедникам выродившегося славянофильства предстояло с лихвой вернуть долг своим немецким братьям-близнецам, экспортировав в Германию "Протоколы сионских мудрецов" и идею тождественности большевизма с мировым еврейством.

В 1830-е гг. классики славянофильства зачиты-

вались Гегелем и Шеллингом. В 1880-е их выродившиеся потомки зачитывались Теодором Фритшем и Германом Гедше, прародителями немецкого антисемитизма.

Другими словами, если в первой половине XIX века славянофильство и тевтофильство только напоминали друг друга, но шли своими отдельными дорогами, то уже во второй его половине их выродившиеся потомки нашли друг друга, а еще полвека спустя их сотрудничество привело мир на грань той самой катастрофы, от которой отцы-основатели славянофильства намеревались его спасти.

Защитникам реставрации деспотизма, в лагерь которых перешло в 1870-е гг. славянофильство, совершенно не интересны были ни его "формула свободы", ни его призыв к спасению Европы от парламентаризма. В конкретной ситуации политического кризиса требовалось от второго поколения славянофилов нечто совсем другое: апология неограниченной власти — независимо от того, вмещивается или не вмещивается она в "нравственную жизнь народа" — и оправдание имперской экспансии. Славянофилы второго поколения храбро ответили на политический заказ автократии. Они довели свою доктрину до требуемых кондиций.

Главный идейный вклад здесь по справедливости принадлежал Н. Данилевскому, который, по словам его младшего современника К. Ле-

онтьева, ”объяснил сущность учения славянофилов лучше и яснее родоначальников этого учения”.⁸ И сущность эта, по мнению Данилевского, состояла в том, что исполнить свою историческую миссию Россия сможет только преобразовавшись в гигантскую сверхдержаву. Более того, смысл и содержание всей русской истории, оказывается, провиденциально вели Россию... к обладанию Константинополем. ”Цель стремлений русского народа с самой зари его государственности, идеал просвещения, славы, роскоши и величия для наших предков, центр православия — какое историческое значение имел бы для нас Константинополь, вырванный из рук турок вопреки всей Европе!”⁹ Федор Тютчев выразил этот идеал второго поколения славянофилов в великолепных стихах:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань как всеславянский царь!¹⁰

И действительно, захватив Константинополь, Россия ”явилась бы восстановительницею Восточной Римской Империи”.¹¹

Поэтому главное, что требуется от России, это не продолжение реформ и тем более не конституция, главное — военная мощь. Главное — быть сильнее Европы. Что не так, впрочем, трудно, поскольку парламентарная Европа, назови ее хоть

”двухосновным романо-германским историческим типом”, как Данилевский, все-таки — уже в силу своего парламентаризма — ”гниет”. Эту истину второе поколение славянофилов точно знало еще из первоначального катехизиса Русской Идеи. И значение ее для имперской стратегии русской автократии было бесценно: убежденность в ”духовном гниении” Запада сообщала моральную правоту ее вожделям. Чтобы стать сильнее ”гниющей Европы”, нам и нужна-то, по Данилевскому, самая малость — внутренняя монолитность, единство Царя и Народа, сплочение вокруг государственной власти под знаменем великой русской исторической миссии. И старая ”формула свободы” нам для этого совершенно ни к чему, ибо ”для всякого славянина после Бога и святой церкви идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага”.¹² Отсюда был уже только один шаг до основополагающего вывода, сделанного десятилетие спустя Константином Леонтьевым: ”Русская нация специально не создана для свободы”.¹³

Судьба Русской Идеи в прошлом веке была моей специальностью. В конце 1960-х гг. я готовил к защите диссертацию, которая так и называлась: ”Славянофилы и Константин Леонтьев: вырождение русского национализма: 1836-1891 гг.”. Я не стану, однако, уверять чита-

теля, будто мною руководил только научный интерес (хотя и с чисто академической точки зрения тема была взрывчатой: Леонтьев был табу в советской историографии с 1930-х гг., а изучение славянофильства замерзло на мертвой точке много лет назад). Самый замечательный аспект моей темы, однако, заключался вовсе не в ее академическом потенциале. Он был в самой русской действительности конца 1960-х годов, когда история словно бы оживала перед нашими глазами. "Из-под глыб" замшелой официальной идеологии вдруг стали пробиваться свежие удивительные голоса, толковавшие о необходимости "национального возрождения", о "возвращении к национальным корням" и "спасении России". Новое настроение, как вихрь, закружило Москву. Оно возникло стихийно, снизу, не только не по указанию властей, но порою было направлено прямо против них. В литературных гостиных, в клубах и университетах откуда-то, словно из-под земли появились нервные старики, призывавшие вернуться "домой", к "святыням национального духа" и мрачные юноши, торжественно декламировавшие о "земле" и "почве" — будто ожившие славянофилы 1830-х гг. Модной темой дискуссий стало вдруг вымирание русской деревни, ужасающее запустение колыбели нации — северо-восточной Руси (т. е. то самое, чему ужаснулся я, объездив пол-России и написав об этом серию самых горьких своих статей).¹⁴

Интеллигенция вдруг устремилась проводить отпуска в деревни, к могилам далеких предков —

вместо модных еще недвно Крыма, Кавказа и Прибалтики. Молодежь бродила по вымирающим деревням, собирая иконы, и очень скоро не осталось почти ни одного интеллигентного дома в Москве, не украшенного символами православия. Писатель Владимир Солоухин появился в Доме литераторов с перстнем, на котором был изображен покойный император Николай II. На черном рынке возник бешеный спрос на книги "контрреволюционеров" и "белогвардейцев", умерших в эмиграции. Впоследствии Солженицын так сформулирует это настроение: "Бездумное заблуждение — считать русских в СССР "правящей нацией"... Русские — главная масса рабов этого государства. Русский народ изможден, биологически вырождается, его национальное сознание принижено, подавлено".¹⁵

Эта естественная забота о своем страдающем народе не вызвала бы ничего, кроме сочувствия, (особенно у людей, для которых, как для меня, беды русской деревни давно стали их собственными бедами), если бы в общем националистическом хоре не пробились вдруг странно знакомые и зловещие голоса. Ходила по рукам вышедшая из недр Московского горкома комсомола — одна из первых ласточек самиздата — листовка "Устав нравов", написанная видным комсомольским функционером Валерием Скурлатовым. Автор утверждал, что "нет более подлого занятия, чем быть мыслителем, интеллигентом". Он призывал "настраивать молодежь на смертельную борьбу", связанную "с космической миссией на-

шего народа” и попутно ”ввести телесные наказания для женщин, отдающихся иностранцам, клеймить их и стерилизовать”.¹⁶ Поначалу это показалось зловещим курьезом. Но когда весной 1968 г. стало известно об аресте националистической группы А. Фетисова, идеи которой представляли собою ”критику советской системы с позиций крайнего тоталитаризма и шовинизма”,¹⁷ сомнений в том, что возрождающаяся Русская Идея отбрасывает мрачную шовинистическую тень, больше не оставалось. Оказалось, что в работах этих диссидентов-националистов ”историческое развитие человечества представлялось как борьба порядка с хаосом, воплощенном в еврейском народе, создававшем беспорядок в Европе на протяжении двух тысяч лет, покуда Германские и Славянские принципы — тоталитарные режимы Гитлера и Сталина — положили этому конец”. Оказалось далее, что А. Фетисов и его единомышленники рассматривали ”эти режимы как исторически неизбежные и позитивные явления”.¹⁸

У истоков Эстаблишментарной Правой

Западный исследователь и защитник русской Новой Правой, автор книги ”Лики современного русского национализма” Джон Денлоп, может быть, и прав, когда пишет: ”Дебаты в среде современного славянофильства... могут быть решающими для определения будущей формы русского общества и государства”. Прав он, вероят-

но, и когда говорит: "ВСХСОН встретился с "Вече".* Их встреча несет в себе неожиданные плоды".¹⁹ Мне бы только хотелось добавить, что не стоит, наверное, упускать из виду, что споры вокруг современного славянофильства происходили отнюдь не только в подпольном Самиздате, но и в легальной печати — в журналах и газетах с миллионными тиражами. И споры эти были по временам не менее бурными, чем в Самиздате. И влияние их на мыслящую молодежь могло быть поэтому никак не меньше, чем влияние ВСХСОН или "Вече".

Дело еще и в том, что *прежде*, чем ВСХСОН "встретился" с "Вече", он "встретился" с феноменом "молодогвардейства", причем встреча эта несла в себе еще более "неожиданные плоды". Во всяком случае, историк русской Новой Правой не может их игнорировать.

Первые — и наиболее значительные — выступления "Молодой гвардии", знаменовавшие начало Эстаблишментарной Правой в постсталинском СССР, произошли как раз во время суда над членами ВСХСОН. Я имею в виду статью Михаила Лобанова "Просвещенное мещанство" (апрель

* ВСХСОН — Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа. Подпольная организация, ставившая своей целью военный переворот и создание православного авторитарного государства. В феврале 1967 года разгромлена КГБ.

"Вече" — самиздатский журнал (1971-1974), критиковавший советское правительство с позиций русского национального сознания. В ноябре 1974 г. редактор "Вече" В. Осипов был арестован и осужден на 8 лет. Прим. ред.

1968), за которой последовала в сентябре статья Виктора Чалмаева "Неизбежность".

"Просвещенное мещанство"

Сказать, что появление статьи Лобанова в легальной прессе, да еще во влиятельной и популярной "Молодой гвардии", было явлением удивительным, значит сказать очень мало. Оно было явлением потрясающим. Злость, яд и гнев, которые в советской прессе обычно употребляются для описания "империализма" или подобных ему "внешних" сюжетов, на этот раз были направлены, так сказать, "вовнутрь". Лобанов неожиданно обнаружил червоточину в самом сердце первого в мире социалистического государства, причем, в разгар его триумфального перехода к коммунизму. Обнаружил в нем язву, ничуть не менее страшную, чем "империализм". В действительности, куда более страшную. Язва эта состоит, оказывается, в "духовном вырождении образованного человека, в гниении в нем всего человеческого".²⁰ И речь идет вовсе не о явлении психологическом, частном, но о явлении массовом, социальном, о "зараженной мещанством (...сплошь дипломированной) массе",²¹ о "разливе так называемой образованности", которая "как короед... подтачивает здоровый ствол нации",²² которая "визгливо-активна в отрицании" и представляет собою по этому "разлагающую угрозу"²³ самим основам национальной культуры.

Короче говоря, непредусмотренный классика-

ми марксизма, не замеченный идеологами режима, в социалистической стране уже сложился социальный слой "образованного мещанства", представляющий собой врага номер один. Таково фундаментальное социологическое открытие Лобанова.

И он клеймит врага нации со всей доступной казенному публицисту страстью. Истинная культура, — говорит он, — не от образования, а от "национальных истоков", от "народной почвы". Это не образованное мещанство, а "задавленный... необразованный народ порождает... непреходящие ценности культуры".²⁴ Что касается мещанства, то у него мини-язык, мини-мысль, мини-чувства — все мини". "И, — добавляет он торжественно, — Родина для них мини".²⁵

Разумеется, в лучших традициях сервильной публицистики, Лобанов иллюстрирует свою мысль доносами. На живых и на мертвых. На расстрелянного Сталиным режиссера Мейерхольда. И на пока еще не репрессированного режиссера Эфроса (по какой-то причине все иллюстрации Лобанова, все "разлагатели национального духа" носят недвусмысленные еврейские фамилии). Именно эти еврейские элементы, которые "примазываются к истории великого народа",²⁶ играют роль своего рода фермента в "зараженной мещанством, дипломированной массе".

Пытаясь анализировать "открытие" Лобанова, нельзя, конечно, упускать из виду, что дело происходит в разгар "Пражской весны", которая истолковывалась на "верхах" как результат

захвата ключевых позиций в массовых коммуникациях Чехословакии еврейскими интеллигентами. Нельзя забывать также, что не утихла тогда "подписантская" кампания в СССР, в ходе которой сотни московских интеллигентов (в значительной части евреев) ставили свои имена под протестами против ресталинизации, против процессов над Синявским и над Гинзбургом. С этой точки зрения, неожиданное социологическое озарение Лобанова как будто бы объяснимо. Режим внезапно увидел для себя острую угрозу в образованных слоях населения. И публицист режима формулирует эту угрозу, пытаясь обеспечить своим боссам поддержку молодежи.

Но вот что бросается в глаза: сама защита режима выглядит у Лобанова необычайно странно. Он не апеллирует к Марксу или к "пролетарскому интернационализму". Наоборот, апеллирует он исключительно к "национальному духу" и к "русской почве". Вот почему выглядит статья Лобанова не клишированным "отпором" марксистского начетчика, а криком боли русского человека, до смерти перепуганного тем, что происходит *в его* стране, *с его* нацией. Более того, в ней содержится даже косвенное обвинение режиму, который не только допустил формирование в стране такого зловещего социального феномена, как "просвещенное мещанство", но и довел дело до столь опасной точки, когда, как в отчаянии восклицает Лобанов, "мини торжествует!"²⁷ На эзоповском языке, который употребляет Лобанов, это означает, что боссы ослепли.

Они не видят, что "мини" существует у нас не само по себе, но лишь как своего рода лобби "буржуазного духа", завоевавшего Европу и теперь идущего на штурм России. И вот тут начинается самое интересное: когда Лобанову приходится отвечать на вопрос, в чем сила и привлекательность буржуазного "мини" для молодежи, он отвечает откровенно. "Нет более лютого врага для народа, чем *искус буржуазного благополучия*".²⁸ И затем восклицает (ссылаясь на Герцена): "Буржуазная Россия? Да минует Россию это проклятие!"²⁹ "Американизм духа" — вот что завоевывает страну. И не только при помощи соблазнительного "мини" с изысканными манерами и еврейскими фамилиями, но и при помощи "искуса буржуазного благополучия" (читай, установки на "материальное поощрение трудящихся", т. е. фундаментального положения постсталинской пропаганды).

Иначе говоря, советские вожди своей ориентацией на "материальное благополучие", своим обещанием коммунизма как физической и духовной "сытости" — сами поощряют завоевание России буржуазным духом. Они флиртуют с Америкой. Они думают, что межконтинентальные ракеты защитят их от смертельной угрозы, излучаемой этой страной. Не защитят, — внушает им Лобанов. Ибо действительная угроза не в американских ракетах, а в *буржуазности* "американского духа". И состоит эта буржуазность вовсе не в "эксплуатации человека человеком", а в сытости. В этом — второе "открытие" Лобанова. "Духов-

ная сытость — вот психологическая основа буржуа”.³⁰ Но это — психологическая. А социальная основа буржуазности, разумеется, — сытость материальная, ”бытие в пределах желудочных радостей”.³¹ Против этих ”желудочных радостей”, против ”брюха” Лобанов произносит страстные филиппики, со ссылками на Гюго и Гоголя, посвящая им чуть ли не целую журнальную страницу.³²

Но если действительная угроза не в ракетах, а в ”сытости”, тогда закономерным выглядит третье — и важнейшее ”открытие” Лобанова: *американизации* духа в силах противостоять только *русификация* духа!

Отсюда начинается, так сказать, ”позитивная секция” программы Лобанова. И здесь происходит его неизбежная ”встреча” с программой ВСХСОН. Точно так же, как ВСХСОН, исходит он из того, что ”причина... опасного напряжения в мире лежит гораздо глубже экономической и политической сфер”, из того, что идет ”духовная борьба за личность”. Иными словами, Лобанов тоже переносит центр мировой драмы из сферы борьбы ”социализма” и ”капитализма” в метафизическую сферу противостояния духа. И точно так же предсказывает он, что ”рано или поздно столкнутся между собой эти две непримиримые силы”. Только участникам грядущего смертельного конфликта дает он другие имена: ”нравственная самобытность и американизм духа”.³³ (Впрочем, ”американизм духа” вполне соответствует ”сатанократии” ВСХСОН). Но интересуется

нас не то, что лобановская "нравственная самобытность" вовсе не похожа на "теократию" (в отличие от ВСХСОН Лобанов верит в потенции советского режима), а то, что единственную альтернативу гибели мира он усматривает, так же, как ВСХСОН, в третьем, в "русском пути".

Разумеется, положение обязывает (цензура тоже). Лобановские позитивные рекомендации не идут дальше предложения режиму искать себе социальную опору, так сказать, референтную группу, не в "образованном мещанстве", а в *простом русском человеке*, в мужике, не испорченном ни "сытостью", ни "образованием", самобытном и в силу своей самобытности не поддающемуся соблазнам мирового Зла. "Такие люди, — с болью и назиданием заканчивает свою статью Лобанов, — спасали Россию. И не в них ли — воплощение исторического и морального потенциала народа? И не здесь ли наша вера и надежда?" ³⁴

Таким образом, мы можем констатировать, что "позитивная секция" программы Лобанова, если расшифровать его иносказательную риторику и истерическую декламацию, сводится к двум главным положениям:

1. Русифицировать социальную ориентацию режима. (Опора на "образованные слои", на "дипломированную массу" олицетворяет гибельный "западный" путь, ведущий к обуржуазиванию России. Отсюда логически следовало, что ориентация режима на расширение сети высшего образования противоречит "русскому духу" и ведет лишь к углублению кризиса). ³⁵

2. Русифицировать официальную стратегию режима. (Не "материальное благосостояние", неизбежно ведущее к "американизации духа", а духовная русификация обещает спасение России).³⁶

"Неизбежность"

Лобанов говорил все больше о "национальном духе" и его "разлагателях". Но объективные выводы, которые следовали из его статьи, были, тем не менее, настолько откровенно социально-политическими, что ошеломленное общественное мнение буквально оцепенело. Выводы эти до такой степени противоречили всем основным установкам режима и интересам значительной части эстаблишмента, что практически дискуссия по ним в легальной печати была невозможна. Даже в гостиных говорили об этой статье в основном шопотом. Это оцепенелое молчание воодушевило "Молодую гвардию" на новый подвиг. И если статья В. Чалмаева была встречена бурей возмущенных голосов, то это не потому, что она была менее дерзкой, а потому, что казалась менее актуальной. Потому спор о ней можно было изобразить, как спор об истории, а не об изменении социальной и политической стратегии существующего режима. На самом деле Чалмаев создавал историческое обоснование для лобановской концепции русификации духа. Его задача была убедить молодежь в исторической неизбежности глобальной схватки наступающей "американизации"

с единственной в мире силой, способной ей противостать — с Россией.

Тональность статьи Чалмаева — та же, лобановская. Только его видение грядущей схватки еще апкалипсичней. Он тоже рассказывает жуткие истории "о гибели многих чудес человеческой цивилизации в буржуазном мире". Он тоже, с помощью И. Бунина, объявляет, что "Америка есть первая страна... которая, будучи просвещенной, живет без идей".³⁷ Он тоже проклинает "вульгарную сытость" и "материальное благоденствие".³⁸ Но когда с восторгом говорит он о вожде раскола протопопе Аввакуме как о "русском глашатае Христова, не униженного никем слова";³⁹ когда говорит он о "текучести русского народного духа, опережающего нередко в своем развитии внешние формы бытия народного"⁴⁰ и, словно бы этого еще недостаточно, добавляет, что "официальная власть", "каноны государства" "никак не исчерпывают России"⁴¹ — это, согласитесь, должно было переполнить чашу терпения "официальной власти". Ибо неясно было, не утекли уже "текущий русский дух" из тех "внешних форм", из которых утекать ему в данный момент не рекомендовалось. Не "опередил ли он в своем развитии" и сегодняшнюю "официальную власть" с ее "канонами".

Чалмаев был атакован — и жестоко. "Каноны государства", представленные могущественной кликой марксистских начетчиков, дали понять "народному духу" (в лице Чалмаева), что они пока еще крепко сидят в седле и никакому "слову

Христову”, пусть даже ”русскому”, седла этого уступать не намерены. И это было как бы официальным объявлением войны между каноническим марксизмом и Эстаблишментарной Правой, войны не на жизнь, а на смерть, финал которой еще и сейчас далеко не ясен. (Здесь я расскажу лишь о некоторых уже отгремевших битвах).

В самом деле, задача Чалмаева противоречила всем марксистским канонам. Русская история была для него по сути историей развития и созревания ”национального духа”, подготовкой его для последнего решительного боя с ”американизмом”, для нового, только более грандиозного Сталинграда, где ”русскому духу” предстоит окончательная победа над дьяволом буржуазности.

Поэтому для Чалмаева не существует пропасти между Россией советской и царской. Не революции и не реформы — вехи его истории, а битвы, в которых мужал и зрел ”русский дух”. От Чудского озера, где князь Александр разбил немцев, до Куликова поля, где князь Димитрий разбил татар, от Полтавы, где Петр I разбил шведов, до Бородина, где Александр I разбил французов; от Сталинграда, где Сталин разбил немцев, до... до неведомого еще грядущего Сталинграда. И с этой точки зрения сама октябрьская революция была лишь очередной ступенью созревания ”русского духа”, а вовсе не эпохальной датой рождения социализма. С этой точки зрения, деятельность Ивана Грозного или какого-нибудь патриарха Гермогена точно так же важна, как деятельность Лени-

на. Все они одинаково вели "национальный дух" к очередным государственным подвигам. "Это история народа, — поучает Чалмаев, — который то путем эволюции, то при помощи революционного взрыва шел от одних... форм государства и общественного сознания к другим, более прогрессивным".⁴²

И что еще важнее — это громадная роль церкви и православия как организующей и воспитательной силы в триумфальном шествии "русского духа". Все, что на протяжении десятилетий зачеркивалось марксистской историографией как проклятое царское прошлое и опиум для народа, все, что страстно клеймилось как "реакционное" и "отжившее", выходило теперь на первый план как дружная созидательная работа русских царей и русской церкви на благо России и ее Коммунистической партии, неблагодарно забывшей своих предшественников. Чалмаев говорит: "Современный молодой человек может, вероятно, быть удивлен тем обстоятельством, что в исторических романах последних лет такое большое место вновь... заняли цари, великие князья, а рядом с ними, но никак не ниже их патриархи и другие князья церкви, раскольники и пустынножители".⁴³ И он разъясняет, что и "поэтичнейший" патриарх Никон, и "пустынножитель-патриот" Сергей, и "патриот-патриарх" Гермоген и т. п. воплощали в себе "духовные силы" русской нации, ее "огненные порывы и мечты", из которых она "выплавляет... основу для государственных подвигов".⁴⁴ "Великая страна не может жить без

глубокого пафоса, без внутреннего энтузиазма, иначе ее захлестывает дряблость, оцепенение”.⁴⁵ А поскольку сам носитель русской истории, Народ, лишь ”один раз в сто лет... выходит на Полтавскую битву или Сталинградское противостояние”,⁴⁶ то кто-то же должен в промежутках творить его ”глубокий пафос” и ”внутренний энтузиазм”. Интеллигенция, ”просвещенное мещанство”, на эту роль, как мы уже знаем, не подходит. Кто же и остается тогда, как не цари и реформаторы церкви? ”Помимо временного, преходящего есть и в усилиях Петра I, Ивана Грозного и в попытках реформаторов церкви видоизменить на благо родины византийскую идею отречения от мира как главного подвига человека, нечто великое, вдохновляющее и нашу мысль”.⁴⁷

Как видим, между октябрьской революцией и Иваном Грозным, между социализмом и реформаторами церкви действительно не оказывается пропасти, как полвека учили марксистские идеологи советскую молодежь. Теперь, в 1968 г., орган ЦК комсомола, внезапно сменивший бодрый комсомольский пафос на мрачную церковную риторику, убеждает эту молодежь, что все они работали над одним и тем же. Но над чем же одним? Под какой общий знаменатель можно подвести Полтаву и Сталинград? Ленина и Ивана Грозного? Кто возьмется с легким сердцем причислить Петра I к строителям коммунизма, а Ленина — к пустынножителям?

И вот возникает грандиозное видение ”византийской идеи”.⁴⁸ Это над нею, оказывается, рабо-

тали совместно все титаны России, ее патриоты-пустынножители и ее патриоты-коммунисты. И теперь мы можем понять программную декларацию Чалмаева о том, что "мерой подлинной интеллектуальности и прогрессивности является в наши дни борьба с идеологическими противниками нашей Родины,⁴⁹ что "осознание этого бескомпромиссного размежевания идеологий — историческая неизбежность нашего времени".⁵⁰

Согласно Лобанову, "идеология нашей Родины" — производное от "нравственной самобытности" русской нации. История помогла Чалмаеву сформулировать это производное. И это оказался "византизм", превращающий русскую историю в подготовительную школу для нового Сталинграда, помогающий вновь обрести тот "глубокий пафос" и "внутренний энтузиазм", без которого современную брежневскую Россию "захлестывают дряблость и оцепенение".

"Чалмаевщина"

Статьи Лобанова и Чалмаева, сопровождавшиеся в "Молодой гвардии" десятками стихотворений и повестей, посвященных все тому же возрожденному "национальному духу", "земле и почве", были открытым вызовом брежневскому режиму и его идеологам. И режим ответил на этот вызов — не только градом негодующих статей, но и рядом акций, предпринятых отделом пропаганды ЦК партии. И даже специальным заседанием секретариата ЦК, посвященным "молодо-

гвардейству". (Сам Брежнев, по сведениям из авторитетных источников, пожаловался на этом заседании, что когда бы он ни включил телевизор, он только и слышит, что колокольный звон, только и видит, что церковные купола. — В чем дело, товарищи, — спросил он, — в какое время мы живем? До революции или после нее?) Наконец, режим ответил снятием главного редактора журнала "Молодая гвардия" Никонова. Был пущен в оборот специальный термин "чалмаевщина", который и начали употреблять для идеологических проработок. Но...

Но ничего не переменялось. Гора родила мышь. Никонов, правда, словно в насмешку, был назначен главным редактором "космополитического" журнала "Вокруг света" — но в том же издательстве "Молодая гвардия", только этажом выше. На его месте оказался, в конечном счете, его бывший заместитель А. Иванов, еще более верный оруженосец Чалмаева. Терпение Брежнева по-прежнему испытывали колокольным звоном и церковными куполами. "Чалмаевщина" в поэзии и прозе продолжала царить в "Молодой гвардии". И даже новый "чалмаевского направления" журнал "Наш современник" начал выходить. И его главный редактор С. Викулов нисколько не скрывал своей ориентации. Более того, "Молодая гвардия" осмелилась контратаковать. И "Москва", и "Огонек" поддержали ее.

Происходило что-то абсолютно неслыханное. Беспрекословно послушная, десятилетиями работавшая без перебоев машина, на этот раз забуксо-

вала. Отдел пропаганды ЦК оказался бессилем обеспечить выполнение решений Секретариата ЦК. Более того, все происходило словно в каком-то кафкианском мире: отдел культуры того же ЦК нагло отрицал, что такое решение вообще имело место. Сурового возмездия не получилось. Вместо него возник дряблый, визгливый, затянувшийся на годы скандал между двумя отделами на самом "верху". К чему это привело, мы увидим дальше. А сейчас я расскажу только об одной маленькой, но колоритной детали.

Поражение марксиста

В хоре марксистских голосов, обрушившихся на "Молодую гвардию", оказался, в конце концов, и либеральный "Новый мир". Полтора десятилетия доблестно сражался он с ортодоксально-сталинистским "Октябрем". Но теперь... Поистине все смешалось в доме Облонских, когда на горизонте появилась черная туча русофильства. Вместо доброй, старой вражды, привычной, как ежедневная газета, непримиримые, казалось, оппоненты очутились вдруг по одну сторону баррикады. Более того, заговорили почти одним и тем же языком. И это был язык дряхлой марксистской догматики. Александр Дементьев в необъятной статье обвинил "Молодую гвардию" в том, в чем ее, собственно, давно пора было обвинить. "В. Чалмаев говорит о России и Западе скорее языком славянофильского мессионизма, чем языком наших современников... Наша наука...

трактует [эту проблему] прежде всего как борьбу мира социализма с миром капитализма... в основе современной борьбы 'России' и 'Запада' лежат не национальные различия, а социальные, классовые... [от статьи Чалмаева] один шаг... до идеи национальной исключительности и превосходства русской нации над всеми другими, до идеологии, которая несовместима с пролетарским интернационализмом... Смысл и цель жизни [по Чалмаеву] не в материальном, а в духовном... [что] является помехой на пути к материальному и духовному развитию советского крестьянства".⁵¹

Вся эта железобетонная фразеология звучала хотя и тривиально, но неуязвимо. Один только промах допустил Дементьев. Такой малый промах, что постороннему глазу его и не заметить. В огромной статье содержался маленький кусочек, которым Дементьев обрек себя — себя, а не Чалмаева, "Новый мир", а не "Молодую гвардию" — на заклание. "В. Чалмаев и М. Лобанов, — написал он, — указывают на опасность чуждых идеологических влияний. Устоим ли мы, например, перед искусом 'буржуазного благополучия'...? 'В современной идейной борьбе соблазн 'американизма'... нельзя преуменьшать', — утверждает Чалмаев. Правильно. Однако и преувеличивать тоже не надо... Советское общество по самой своей... природе не предрасположено к буржуазным влияниям".⁵²

И все. И приговор бы подписан. Не только Дементьеву, но и "Новому миру", который героич-

чески выстоял против бешеных атак всей сталинистской сволочи, который печатал Солженицына и Синявского, который стоял, казалось, несокрушимо, как одинокий утес либерализма, среди бушующего океана реакции. И вот пал. Пал — как-ва ирония! — и не за Солженицына, не за Синявского, а за правоверную марксистскую статью, защищавшую чистоту идеологических риз партии.⁵³ Дементьев и сам невольно напророчил этот печальный финал, заметив, что "опасно оказаться под рукой неистовых, не знающих удержу врагов 'просвещенного мещанства' и горячих ревнителей 'национального духа'".⁵⁴ Воистину, как выяснилось, опасно — даже для марксистов.

Так не означает ли это, что именно здесь, выступив против русской Правой, затронул "Новый мир" самое чувствительное место режима (при тогдашнем балансе сил в нем)? И, пожалуй, яснее всего это видно из яростного коллективного письма одиннадцати писателей — среди которых были представители как ортодоксально-сталинистской, так и русской Правой — помещенного в "Огоньке" под названием "Против чего выступает "Новый мир"?⁵⁵

Аргумент их прост и убийственен. "Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать 'опасности чуждых идеологических влияний', мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью... [и] может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми серд-

цу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг "Нового мира", *космополитическими идеями*".⁵⁶

Зловещее слово "космополитизм" было произнесено.⁵⁷ И человеку, знакомому с внутренней расстановкой идейных сил в советском эстаблишменте, просто знающему, кто есть кто, это объясняет, на какой основе смогли объединиться представители ортодоксально-сталинистской Правой, как М. Алексеев или В. Закруткин, с апологетами новой русской Правой, как А. Иванов или С. Викулов. Становится понятно также, почему смог так долго держаться против "Октября" "Новый мир". Потому что обе фракции Правой были разъединены. Потому что русофилы до сих пор только радовались драке сталинистов и либералов, отвлекая внимание от их идейной экспансии. И только в тот момент, когда они объединились, почувствовали они свою настоящую силу. Это было первым — в постсталинскую эру — выступлением *Объединенной Эстаблишментарной Правой*, своего рода историческим экспериментом, продемонстрировавшим ее необыкновенные политические потенции.⁵⁸

Теперь дело, очевидно, было за тем, чтобы осторожно и тактично заполнять пропасть, разделявшую русофилов и сталинистов. За тем, чтобы превратить союз правых фракций из мимолетного тактического альянса в стабильную политическую силу, способную реально воздействовать на сами стратегические цели режима.

После яростных инвектив "старой гвардии"

(”Октябрь”) против ”молодогвардейства” такая операция казалась в принципе невозможной. ”Октябрь” никогда не примирился бы с такой ересью, что основой и питательной почвой советского государства является не рабочий класс, а крестьянство. Или с тем, что ”национальный дух”, а не ”пролетарский интернационализм” служит ему путеводной звездой. ”Октябрь” не примирился бы. Но ”Огонек”, как видим, оказался сговорчивей. Ибо вдруг обнаружил, что лобановская ”дипломированная масса” есть по сути лишь другое название для софроновских ”безродных космополитов”. Иными словам, у обеих фракций Эстаблишментарной Правой оказался *один общий враг*.

Но тут как раз и был заложен коварный подводный камень. В самом деле, пока речь шла об общей борьбе с либеральной интеллигенцией, олицетворявшейся ”Новым миром”, она была сравнительно безопасна. Но ведь ”дипломированная масса” включала в себя не только либералов. Значительная часть могущественной правящей фракции Центра тоже была ”дипломированной” и тому же гораздо более либералов заинтересована в контактах с Западом (не говоря уже о том, что ее ”космополитизм”, т. е. реальные возможности для, так сказать, импорта ”мирового зла” были несопоставимо шире).

Таким образом, сравнительно невинная коалиция против ”Нового мира” должна была, если бы она стабилизировалась и развивалась, перерасти в *политическую оппозицию*, в оппозицию

”космополитичности” самого брежневского режима, до мозга костей зараженного буржуазными идеями ”сытости”. Вот почему борьба против либерального ”космополитизма” была логически связана с борьбой против правительственного, брежневского ”космополитизма”.

Я не берусь утверждать, что лидеры русофильства так ясно это себе представляли. Я хочу лишь отметить, что когда ”Молодая гвардия” выступила в 1970 со своей третьей программной декларацией (со статьей С. Семанова ”О ценностях относительных и вечных”), она сделала в ней как раз то, о чем мы сейчас говорили, а именно — смелый шаг навстречу ”старой гвардии”. Их ошибка заключалась в том, что шаг этот был тактически безграмотным.

Ошибка ”Молодой гвардии”

Конечно, ”Молодая гвардия” и раньше не была чужда, так сказать, сентиментально-сталинистских мотивов. Тот же Дементьев заметил, например, беспрецедентность стихов Феликса Чуева о Сталине.⁵⁹ Но если стихи Чуева были зловещим, но все-таки эпизодом в эволюции ”молодогвардейства” к сталинизму, то статья Семанова призвана была идейно обосновать эту эволюцию. Разумеется, и од ”национальному духу”, и песнопений ”русской почве”, и доносов на ”просвещенное мещанство” в ней было не меньше, чем в статье Чалмаева. Октябрьская революция объявлялась *русским* национальным достоянием.⁶¹

Первым грехом троцкизма объявлялось "глубочайшее отвращение к нашему народу, его... традициям... его истории".⁶² Но главным было не это, а беспрецедентное утверждение, что "перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов", что "именно после принятия нашей Конституции... все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое".⁶³

После хрущевских разоблачений на XX съезде эпоха, о которой говорит Семанов, "эпоха 1937", была предана проклятию и рекомендовалась к забвению. Даже согласно официальной историографии, это была эпоха разгрома партийных кадров. И вот теперь Семанов объявляет ее главной Революцией, положившей конец "разрушителям и нигилистам" и начало "монолитности нашего народа".

Это была поистине медвежья услуга сталинистам. Объявляя, что "эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры",⁶⁴ Семанов, конечно, ревизовал решения XX съезда и пытался реабилитировать Сталина. Намерения его в этом смысле были — с точки зрения сталинистов — наилучшими. Но исполнение было чудовищное. Одно дело, согласитесь, романтическая, так сказать, наполеоновская легенда о "нашем Генералиссимусе", и совсем другое — открытое благословение эпохи массового убийства "старой гвардии". Семанов напомнил как раз то, о чем следовало забыть. Одним уда-

ром разрушил он все, что так удачно начал год назад "Огонек", положил конец альянсу. И тем самым дал в руки отделу пропаганды козырного туза. Не случайно как раз после статьи Семанова и состоялся тот самый Секретариат ЦК, на котором жаловался на колокольный звон Брежнев и где был низложен Никонов.

На самом деле, именно статьей Семанова и обнаружили идеологи Эстаблишментарной Правой всю глубину своего банкротства — свою неспособность выработать ни общую идейную платформу для коалиции правых сил, ни общую стратегию борьбы с "дипломированной массой" "космополитического" брежневского Центра.

С точки зрения отдела пропаганды, ситуация теперь была предельно ясна. Если "Новый мир" сделал "ляп" (со статьей Дементьева), в результате которого пришлось допустить полный разгром его старой редакции, то теперь аналогичный "ляп" сделала "Молодая гвардия". И пришло, казалось, время разгромить ее редакцию. Это было логично. Это было в духе всего брежневского режима "стабилизации", равномерно наносящего удары "налево" и "направо". И удар был нанесен. Журнал "Коммунист" выпустил долгожданный залп. Читатель должен знать, что журнал "Коммунист" никогда не повторяет сказанного дважды. Он не читает нотаций и не делает выговоров. Он произносит приговор — окончательный и обжалованию не подлежащий. И его приговор был: "статья В. Чалмаева 'Неизбеж-

ность'... сразу обратила на себя внимание прежде всего, пожалуй, именно беспрецедентным... внешне-социальным подходом к истории, смешением всего и вся в прошлом России, попыткой представить в положительном свете все реакционное, вплоть до высказываний даже таких архиреакционеров, как Константин Леонтьев".⁶⁵ Эти строки звучали для Чалмаева, как погребальный колокол. Но дальше говорилось уже о 'чалмаевщине'. О том, что "подобного рода авторам, выступавшим преимущественно в журнале 'Молодая гвардия', следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи 'Неизбежность' и некоторых других, близких к ней по тенденции. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы пошли еще дальше в своих заблуждениях, забывая прямые ленинские указания по вопросам, о которых взялись судить".⁶⁶

Дальше — по всем правилам партийной инквизиции — писания "отдельных авторов" (в том числе, конечно, Семанова) — объединялись в "линию" журнала и по поводу нее говорилось, что она "придает журналу явно *ошибочный крен*".⁶⁷ Тысячу раз это было испробовано. И тысячу раз означало конец — шла ли речь о писателе, о редакции или об "антипартийной группировке". На этот раз, как мы уже знаем, не сработало. Конца не получилось. Ни Чалмаеву. Ни редакции. Ни "ошибочному крену".

Дело Мелентьева

Сейчас я намерен рассказать эпизод, связанный с "молодогвардейством", для которого у меня нет, в отличие от случаев Чалмаева, Дементьева или Семанова, никаких документальных подтверждений. Да, собственно, их и существовать не могло по природе самого дела. Одни разговоры. Впрочем, разговоры людей, непосредственно причастных к этому делу.

Ю. Мелентьев был директором издательства "Молодая гвардия" (журнал "Молодая гвардия" находился в его непосредственном подчинении). В самый разгар "молодогвардейской" кампании заведующий отделом культуры ЦК Шауро взял его к себе "наверх". У Шауро он занимался трудными переговорами с отделом пропаганды по поводу "чалмаевщины" и организацией разгрома "Нового мира". Когда наметились признаки сближения между обеими фракциями Правой, видимо, кто-то "наверху" решил, что настало время прощупать самого Хозяина. Для исполнения этого беспрецедентного поручения нужен был человек большой отваги и преданности "Правому" делу. Он рисковал если не головой, то уж наверняка карьерой: в персональных отношениях Брежнев неизменно демонстрировал безжалостную и мелочную мстительность. Дело было поручено Мелентьеву, бывшему тогда на взлете карьеры и жизненного успеха. Он добился аудиенции у Хозяина и беседовал с ним час. Точнее, это была не беседа, а монолог. Брежнев только слушал.

Мелентьев говорил о том, что настроения в кругах молодежи, военных и патриотической интеллигенции тревожные. Проникновение западной идеологии достигло опасных размеров. Оно уже отражается и на качестве рекрутов и на моральном духе командного состава армии. Страна лишается боеспособности. Многие считают, что нужны решительные меры. Во-первых, по изменению всего курса идеологической работы с молодежью, по введению истинно "патриотического" воспитания, которое помогло нам одержать победу над Гитлером и отказ от которого может привести к катастрофическим последствиям. Во-вторых, по минимизации любых контактов с Западом. В-третьих, по установлению более жесткого идейного контроля над интеллигенцией и частью центральных партийных кадров, глубоко зараженных чуждыми идеологическими влияниями. В общем, это была программа политического изоляционизма и идейного протекционизма, опирающаяся на борьбу "русского духа" против "космополитизма". Это была изложенная в пристойных партийных терминах программа альянса "Молодой гвардии" и "Огонька".

Можно предположить, что Брежнев тогда обдумывал свой эпохальный поворот к детанту. Может быть, те, кто послал к нему Мелентьева, не знали об этом. А может, наоборот, знали и пытались предотвратить такой поворот. Может, они таким образом предлагали Брежневу альтернативу. Как знать?⁶⁸ В любом случае визит Мелентьева по его безграмотности и бестактности идет в сравнение

только со статьей Семанова, организационным эквивалентом которой он и являлся. Реакция Брежнева была жесткой. Выслушав Мелентьева, он произнес всего несколько фраз. Но среди них была следующая: "Вам не место не только в ЦК, но и в партии". В устах Брежнева эти слова означали конец карьеры Мелентьева. Вернее, должны были означать. На следующий день Мелентьев был изгнан из ЦК.

И тут мы опять оказываемся в призрачном кафкианском мире брежневского эстаблишмента. Приговор Генерального секретаря не только не оказался концом партийной карьеры Мелентьева, но дал ей новый толчок. Мелентьев стал заместителем министра культуры Российской республики. Затем — министром. Кто стоял за его спиной? Мы можем только гадать, что если человек, которому, по мнению Брежнева, не место в партии, получил, тем не менее, пост министра, то за его спиной должен был стоять кто-то настолько могущественный, чтобы Брежневу было невыгодно с ним ссориться.

Но особенно странной судьба Мелентьева кажется по сравнению с судьбою другого чиновника из ЦК, залетевшего в свое время куда выше Мелентьева. Я имею в виду А. Н. Яковлева, исполнявшего в течение нескольких лет обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК, т. е. Идеолога партии.

Дело Яковлева

Яковлев, стоявший на левом фланге того же брежневского Центра, был озабочен как соображениями идейного, так и персонального характера. Он исполнял обязанности заведующего отделом. Но заведующим его не назначали. Для этого он был слишком "левым". Репутация обязывала. И для того, чтобы оправдать свою "левизну", Яковлев попытался переместить "налево" центр тяжести самой брежневской фракции. Наиболее удобным политическим рычагом для этого представлялась борьба с "русофильством". И Яковлев уже с 1968 пытался превратить русофильство в объект политической борьбы "наверху". Он стоял за критическим залпом, выпущенным по "чалмаевщине". Он стоял за статьей в "Коммунисте". Он стоял за заседанием Секретариата ЦК, когда решалась судьба редакции "Молодой гвардии".

Но тут нашла коса на камень. Соппротивление разгрому "Молодой гвардии" шло из отдела культуры того же ЦК. Шауро ухитрялся так амортизировать удары Яковлева, чтобы они не переходили из области допустимой идеологической дискуссии в роковую сферу политических обвинений.⁶⁹

После нескольких лет безуспешного маневрирования и интриг, испробовав все закулисные ходы и удары через подставных лиц, Яковлев вынужден был сыграть ва-банк. Так же, как и Мелентьев, он ставил свою карьеру на карту.

Но в отличие от Мелентьева он действительно сгорел.

Момент, который выбрал он для атаки, казался удачным. С одной стороны, предстоял 50-летний юбилей многонационального СССР. С другой — детант с Западом уже разгорался ярким пламенем. Следовало доказать, во-первых, что вопреки уверениям Шауро, русофильство это вовсе не лирическая ностальгия по деревенскому прошлому, а явление сугубо политическое, и политика его антимарксистская и даже "контрреволюционная"; во-вторых, что русофильство стимулирует националистические настроения в нерусских республиках СССР; в-третьих, что оно несовместимо с "курсом XXIV съезда", съезда детанта.

15 ноября 1972 г. в "Литературной газете" появилась гигантская, на две страницы, статья Яковлева "Против антиисторизма". "По сути дела, — писал Яковлев, — за всем этим *идейная позиция*, опасная тем, что объективно *содержит попытку возвернуть прошлое*".⁷⁰ Как будто бы этого было мало, Яковлев добавлял: "полемика [руссофилов] идет не только с Чернышевским, но и с Лениным". Полемицировать с Лениным (да и с Чернышевским) до сих пор не позволял себе в СССР никто, даже Сталин. А руссофилы это делают. Следовательно, русофильство — явление экстраординарное, в рамки идеологических дебатов никак не укладываемое. Тот, кто прожил жизнь в СССР, поймет, как зловеще звучали там подобные обвинения даже в 1972 году...

Помимо этого Яковлев развернул огромную,

поистине устрашающую панораму проникновения русофильства во все области литературы и общественных наук, начиная от "истерических писаний Шевцова" до "Советской энциклопедии". Он обнаружил русофильство в историографии, в беллетристике, в поэзии, в литературоведении — всюду. Очень осторожно, но тем не менее настойчиво старался он создать впечатление враждебной идеологии, особенно опасной тем, что она практически помогает "буржуазной пропаганде" разжигать национальные противоречия в СССР: "Хорошо известно, какая активная кампания ведется нашими классовыми противниками в связи с 50-летием многонационального советского государства".⁷¹ И никаких "ляпов", подобных дементьевскому, в статье Яковлева не было. Она вся была как один сплошной догматический монолит.

Идеолог партии — не Дементьев, письмом в "Огоньке" ему не ответишь. Никто не осмелился полемизировать с Яковлевым. Никто, кроме самиздатовского "Вече", которое в редакционной статье "Борьба с так называемым русофильством или путь государственного самубийства" подвергло Яковлева уничтожающей критике. Только Диссидентская Правая могла позволить себе такую критику, метод которой был, впрочем, элементарен: вы опираетесь на Ленина? Ладно. Но будьте последовательны. Ленин писал о национальном самоопределении, об "удушении Украины". Так почему же, следуя Ленину, не предлагаете вы прекратить "удушение Украины" хоть сейчас? "Если тов. Яковлеву не по душе присо-

соединение Средней Азии к России, то не предложит ли он, по случаю юбилея, роспуск Советского Союза?”⁷² Иначе говоря, руководясь цитатами из Ленина, можно дойти — и начетчик Яковлев, по мнению ”Вече”, доходит — до ”государственного самоубийства”, до прямого *антисоветизма*. ”В 1918 г. Советская республика сжалась до границ Московского царства времен Ивана III. Об этом мечтает гонитель русофилов”.⁷³

Вряд ли такими аргументами, да еще в полуподпольном самиздатском журнале, можно было свалить партийного Идеолога. Тем не менее, его свалили. Так же, как и Дементьев, пострадал он за марксистскую догматическую статью, за ”отпор” антипартийной идеологии. Кто стоял за этим падением высоко метившего Идеолога, внезапно разжалованного в послы (и сосланного в Канаду) опять-таки можно лишь гадать.⁷⁴ Одно известно, с его падением кампания против русофильства не только не стала ареной политической борьбы, но и вообще была закрыта. Ясно и другое: очень могущественные силы ”наверху” были заинтересованы в том, чтобы редакция ”Молодой гвардии” не погибла, подобно редакции ”Нового мира”, чтобы Эстаблишментарная Правая сохранила — до лучших времен — свои силы нетронутыми.

Да, силы эти следовало политически обезвредить. Угрожать брежневскому Центру им позволено не было. И высокий покровитель ”Молодой гвардии” Полянский был тихо удален из Политбюро и, в конечном счете, разделил судьбу Яковлева (сейчас он в Японии).

Но действительный урок "дела Яковлева" заключается совсем в другом: кто-то не позволил, чтобы Эстаблишментарная Правая разделила судьбу эстаблишментарных либералов, чтобы "дело Мелентьева" окончилось так же, как "дело Яковлева". В том, чтобы редакция "Молодой гвардии", разбитая политически, сохранила, тем не менее, свои кадры, свои позиции, свою идеологическую амуницию. Для чего? На этот вопрос может ответить только будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826-1855гг. Спб., 1909, с. 142.
2. Цит. по журн. "Вопросы литературы", 1969, № 5, с. 115.
3. М. Лемке, цит. соч., с. 598.
4. "Название государя земной бог, хотя не вошло в титул, однако, допускается как толкование власти царской, — писал, негодуя, К. Аксаков. — Государь является какою-то неведомою силою, ибо о ней и говорить и рассуждать нельзя, и которая, между тем, вытесняет все нравственные силы. Лишенный нравственных сил человек становится бездумным и, с инстинктивной хитростью, где может — грабит, ворует, плурует..." Дело дошло до того, возмущался И. Аксаков, что "в печатной инструкции... сказано нечто странное для христианского общества, именно, что 'Государь для подданного есть верховная совесть', чем как бы упраздняется личная совесть". (Теория государства у славянофилов. Спб., 1898, сс. 40, 9).
5. Теория государства... с. 36.
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч., М., т. I, с. 414.
7. Московский сборник, М., 1887, с. 81.
8. К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. М., 1886, т. 2, с. 156.
9. Н. Данилевский. Россия и Европа. Спб., 1871, сс. 407-408.
10. Там же, с. 388.
11. Там же, с. 406.
12. Цит. по А. Волжский. Святая Русь и русское призвание. М., 1915, с. 36.
13. "Русское обозрение", 1895, № 1, с. 264.
14. См., например, "Тревоги Смоленщины" ("Литературная газета", 23 и 26 июня 1966); "Костромской эксперимент" (там же, 17 дек. 1967); "Колхозное со-

брание" ("Комсомольская правда", 5 июля 1966). Все эти статьи перепечатаны по-английски (*International Journal of Sociology*, Summer-Fall 1976).

15. Коммунизм у всех на виду, а не понят, "Новое русское слово", 17 февр. 1980.

16. "Политический дневник", № 1, март 1966.

17. "Хроника текущих событий", № 7, с. 17.

18. Там же.

19. John B. Dunlop. *The Many Faces in Contemporary Russian Nationalism*, Princeton University Press, 1984.

20. "Молодая гвардия", 1968, № 4, с. 297.

21. Там же, с. 299.

22. Там же, с. 303.

23. Там же, с. 296.

24. Там же, с. 299.

25. Там же, с. 296.

26. Там же.

27. Там же.

28. Там же, с. 304. Курсив мой – А. Я.

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же, с. 305.

32. Если наш анализ структуры советского эстаблишмента в "Детанте после Брежнева" (Беркли, 1977) хоть отчасти верен, если внутри эстаблишмента действительно есть мощные группы (аристократизирующей элиты), рассматривающие свои "желудочные радости" (преимущественно западного происхождения) как высшую жизненную ценность, то филиппики Лобанова должны, по-видимому, отражать еще и реакцию их пуристано-сталинистских оппонентов.

33. "Молодая гвардия", 1968, № 4, с. 304.

34. Там же, с. 306.

35. Как ни странно может это показаться читателю, но похоже, что режим политической стагнации, правивший страной на протяжении последних двух десятилетий, действительно послушался молодогвардейского совета. Если в начале 1960-х годов, при режиме рефор-

мы, 57 % выпускников средних школ имели возможность поступить в высшие учебные заведения, то уже десятилетие спустя возможность эту сохранили только 22 % (см. Murray Yanowitch, "Schooling and Inequalities," in Leonard Schapiro and Joseph Godson, ed. *The Soviet Worker: Illusions and Realities*, Macmillan, 1981).

36. Этот совет режим стагнации принять не мог, не отказавшись от самого себя. Только режим русской диктатуры – в ситуации контрреформы – мог бы осуществить вторую рекомендацию Лобанова: еще одно доказательство, что Русская Новая Правая ориентирована на контрреформу.

37. "Молодая гвардия", 1968, № 9, с. 271.

38. Там же, с. 270.

39. Там же, с. 266.

40. Там же, с. 268.

41. Там же.

42. Там же, с. 266.

43. Там же, с. 256.

44. Там же, сс. 267-268.

45. Там же, с. 256.

46. Там же, с. 268. И снова: "раз в сто лет – лед Чудского озера, буйные травы Куликова, Полтавского, Бородинского полей" (с. 264).

47. Там же, с. 266.

48. "Византизм" России – идея Константина Леонтьева, согласно которой Россия – не просто государство. Россия – особый мир, особая цивилизация, унаследовавшая мировую задачу Восточно-Римской империи, задачу противостояния католическому и буржуазному Западу. Или, как сказал бы в терминах Русской Новой Правой М. Лобанов, задачу сокрушения "американизма духа".

49. "Молодая гвардия", 1968, № 9, с. 262.

50. Там же, с. 263.

51. "Новый мир", 1969, № 4, сс. 221-222.

52. Там же, сс. 225-226.

53. Я собственными ушами – и не один раз – слышал от работников ЦК, что если не причиной, то действи-

тельным поводом для снятия Твардовского была статья Дементьева.

54. "Новый мир", 1969, № 4, с 226.

55. Вот полный список этих "подписантов", которые не только не были наказаны за свое коллективное письмо – в противоположность десяткам аналогичных случаев – но и свалили на Твардовского: Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Виталий Закруткин, Анатолий Иванов, Сергей Малашкин, Александр Прокофьев, Петр Проскурин, Сергей Смирнов, Владимир Чивилихин, Николай Шундик.

56. "Огонек", 1969, № 30 (июль).

57. Конечно, оно не случайно было произнесено именно в "Огоньке", возглавляемом главным охотником за ведьмами в "космополитической" кампании конца 1940-х А. Софроновым. У него великолепное чутье на такие вещи. И то, что он счел возможным открыто вмешаться в конфликт, позволяет предположить, что в воздухе 1969 г. действительно пахло грозой.

58. Мне кажется, что западным наблюдателям следовало бы учесть этот эпизод, обнаруживший с достаточной очевидностью, как эффективна может быть в определенных условиях коалиция правых фракций советского эстаблишмента. И не только в борьбе с "либерализмом". Ибо ясно, что этот эстаблишментарный "либерализм" мог существовать лишь до тех пор, пока господствующей Центристской фракции было удобно и политически безопасно его поддерживать. Поэтому можно было бы высказать осторожное предположение, что разгром старой редакции "Нового мира" действительно мог бы – при удачном стечении обстоятельств – послужить сигналом для новой "космополитической" кампании.

59. В стихотворении, кстати, очень искреннем, говорилось о том, что настанет день, когда откроется в Москве музей Отечественной войны, в котором

Пусть, кто войдет, почувствует зависимость

От Родины, от русского всего.

Там посредине – наш Генералиссимус

И маршалы великие его.

Дементьев весьма ядовито заметил об этом: "Здесь уже сделана попытка соединить обращение к "истокам" с мечтами о будущем" (с. 230). И действительно, то, что "родина" безоговорочно связана с "русским" (а не советским) – молодогвардейское. Но "наш Генералиссимус" в центре сцены – это уже из другой, "старогвардейской" оперы.

60. "Молодая гвардия", 1970, № 8, с. 317.

61. Там же, с. 316.

62. Там же, с. 318.

63. Там же, с. 319.

64. Там же.

65. "Коммунист", 1970, № 17, с. 97.

66. Там же, с. 98.

67. Там же, с. 99.

68. Дело Мелентьева, частично ставшее известным от него самого, долгое время служило популярной темой разговоров в коридорах ЦК и в "околоцековских" кругах. Однако на вопрос, кто именно уполномочил его на столь беспрецедентную акцию, добиться авторитетного и однозначного ответа от обитателей этих коридоров оказалось невозможно.

69. Тактика Шауро строилась на том, чтобы скрыть политическую суть русофильства, изобразив его как явление исключительно культурное. Что, в самом деле, дурного, если молодежь заинтересовалась прошлым своего народа, если она платит дань восхищения своей прародине, русской деревне? Впрочем, позицию Шауро можно лучше всего описать словами одного авторитетного ученого: "В некоторых русских кругах... сложилось на протяжении последнего десятилетия что-то вроде культа русского прошлого – деревенской традиции, русских народных обычаев и искусства и т. д... главным образом, культурного по характеру и совершенно аполитичного... на эмоциональном уровне (*Commentary*, Aug. 1977, p. 42). Если бы Яковлев прочитал этот пассаж, он был бы, вероятно, убежден, что это написано кем-нибудь из подставных лиц Шауро. Можно представить себе его

изумление, узнай он, что написал это вовсе не кто-то из ребят отдела культуры ЦК КПСС, а Уолтер Лакэр.

70. Курсив мой – А. Я. Двадцать лет назад такая фраза звучала бы прямым обвинением в контрреволюции. В брежневской России такие вещи вышли из моды. Но как иначе могло воспринять это даже теперь советское ухо, приученное к тому, что "прошлое" может означать либо царизм, либо сталинизм?

71. Нельзя забывать двойственность положения самого Яковлева. Он исполнял обязанности партийного идеолога и, следовательно, нес ответственность за все, что происходило на идеологическом фронте. Поэтому, сгущая краски, он подставлял под удар самого себя (что, вероятно, и было использовано его оппонентами). Но тот факт, что он шел на это, даже рискуя своим положением, свидетельствует, насколько серьезным казалось ему дело.

72. "Вольное слово", вып. 9-10, с. 44.

73. Там же.

74. Яковлев был возвращен из ссылки Андроповым во время его краткого царствования. В июле 1985 г., почти полтора десятилетия после своего поражения, он добился, наконец, того, чего так и не смог сделать при Брежневе. Теперь он заведует отделом пропаганды Центрального Комитета.

С. Максудов

И ЗАПАД И ВОСТОК

Но Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе они не сойдутся.
Р. Киплинг

Эта пессимистическая точка зрения имеет не мало сторонников и сравнительно недавно у них появились математические аргументы. Речь идет об исследовании В. Лефевра, опубликовавшего по-английски книгу "Сравнительный анализ западной и советской этических систем" (1982). Результаты этой работы в виде статей, написанных самим автором и его приверженцами заполнили русскоязычную прессу, смотри, в частности, В. Лефевр, "Алгебра совести или две этические системы" ("Время и мы", № 79), П. Болдырев ("Время и мы", № 82), В. Лефевр, "За кулисами идеологии и морали" ("Страна и мир", № 6, 1985), П. Болдырев, "Две этики" ("СССР: Внутренние противоречия", № 13, 1985). На две

последние статьи, обозначая их для краткости (Сим) и (ВП), я и буду в дальнейшем ссылаться.

Не станем рассматривать математическую модель, так как в наше время вряд ли кого удивишь фактом, что из комбинации нулей и единиц получаются соответствующие нули и единицы.

Утверждается, что рядовые люди Запада и СССР плохо понимают друг друга, причем непонимание это имеет "глубокие психо-антропологические корни" и связано с такими основополагающими факторами, как "системы ценностей и этические нормы данной культуры". Иными словами, "что для русского хорошо, для немца — смерть".

По мнению Лефевра и Болдырева, западная этическая система оценивает комбинацию добра и зла как зло, в частности, дурное средство не может привести к хорошей цели; советская этика считает, что сочетание плохого и хорошего дает добро. Кроме того, Запад ценит компромисс, его положительный герой (достойный человек) стремится к переговорам, советская система выше оценивает конфронтацию (Сим).

Вопрос первый: как быть с той силой, что вечно хочет зла и совершает совсем наоборот благо? Совместимы ли гений добра и злодейство и если да, то по какую сторону советской границы? Ждем ли мы от дурного семени доброго племени или не очень? Интересные примеры приводит В. Лефевр на основании статистического обследования американцев и русских эмигрантов.

Должен ли доктор скрывать от больного, что у

него рак? (Ложь — зло, во спасение — добро).

Следует ли наказать хулигана строже, чем это требует закон, если в результате снизится преступность? (Дурное действие и хороший результат).

Можно ли дать ложные показания в суде, чтобы спасти невинного? (Опять ложь во благо).

Хорошо ли послать приятелю шпаргалку? (Дурной поступок ради близкого человека).

— Нет, нет и еще два раза нет, — уверенно отвечали на эти вопросы почти все американцы.

— Да, — сказали три четверти русских эмигрантов.

Расхождение этических представлений очевидно. Однако трудно согласиться с автором, что речь идет о сочетании плохих поступков и хороших результатов. Это мнение исследователей, а для отвечавших на вопросы проблемы доброй цели и дурных средств, как правило, не существовало. Мы имеем дело не с разными оценками комбинации плохого и хорошего, а с разными представлениями, что такое добро. Сказать больному о неизбежном исходе — это несомненно огорчить его, возможно, понизить его жизненные силы, ускорить смерть. Конечно же, это плохой поступок, прямое нарушение клятвы Гиппократова. С таким ходом рассуждений советских врачей согласны и советские больные.

Совсем иначе смотрят на это американцы. Предупредить больного — долг. Только он может решить, как распорядиться своей непродолжительной жизнью, своим имуществом, подготовиться к

Высшему суду. Сказать правду в этом случае — обязанность врача и безусловное добро.

Строго наказать хулигана, чтоб другим было неповадно, в представлении советских людей дело хорошее. "Нельзя с ними церемониться", "растреливать всех до одного" — вот будет с точки зрения общества правильное решение вопроса.

Шпаргалку бросить — это вовсе не вынужденное зло, а героизм, доблестный поступок, взаимовыручка, шаг в борьбе коллектива студентов против общего врага — преподавателя. Нет сомнений, что для советского учащегося такое действие — добро. Зло может случиться, если враги перехватят шпаргалку, поставят двойку, снимут со стипендии, выгонят из института.

Мы видим, что во многих случаях говорить о дурных поступках у нас не больше оснований, чем у спутников капитана Кука наказывать полинезийцев за воровство. Плохое с точки зрения одной этической системы в другой — замечательное.

Менее интересны попытки авторов статей доказать этические различия Запада и СССР с помощью общих утверждений. В. Лефевр сопоставляет "Десять заповедей" — "религиозную основу западной культуры" с "Моральным кодексом строителя коммунизма". У Моисея он находит категорический запрет зла: "Не убий, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего" и т. д. ; во втором случае даны "предписания, каким нужно быть": "честным, правдивым, простым, скромным", "но отсутствуют указания, каким не нужно быть и чего нельзя де-

лать". "Поскольку нет ограничений на средства, значит, ради "дела коммунизма" все позволено: можно донести на собственного отца или уничтожить 20 миллионов людей. Цель оправдывает средства". (Сим).

Болдырев, обобщая мысли Лефевра, противопоставляет не Запад и СССР, а религиозную этику, которая "требует от личности строгого сознательного разделения добра и зла, а затем запрещения зла без всяких исключений. Тем самым накладывается запрет на компромисс добра со злом и идеологическую (антирелигиозную) этику, которая декларирует добро, но не запрещает зло и даже требует его выбора и употребления". (ВП).

Оба исследователя по меньшей мере упрощают картину. Действительно ли христианская (и западная) этика категорически запрещают зло? Сказано: Не убий. Но Бог "поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота". Значит, если впереди такая благая цель, как исход и построение обетованного Израильского государства, то убивать египтян можно. Не лги. Но в Библии не счесть примеров жестокости, хитрости, коварства, приводящих к благой цели. Вспомним хотя бы Иакова, обмотавшего себе руки овечьей шерстью и тем самым похитившего первородство у своего глуповатого брата Исава. Да и знаменитое "цель оправдывает средства" в течение веков насаждалось инквизицией, поощрявшей донос, обман, насилие, пытку — был бы результат.

Религиозному сознанию порой свойственно положительно оценивать трудности, неприятности (зло, с точки зрения современного человека). И смерть ребенка, и тяжелая болезнь могут стать для верующего ступенями познания религиозной истины, приблизить его к Богу, то есть вести к добру. Пост, изнурение плоти, отношение к радостям земным, как к чему-то недостойному или несущественному, — все это характерные черты христианского сознания. Грешная человеческая природа заставляет верующих с пониманием относиться к возможному злу и искать его исправления с помощью добра. Поэтому трудно согласиться с В. Лефевром, когда он пишет:

Заметим, что оценка соединения добра и зла проявляет себя не только в сочетании цель-средства. Она создает идею "осквернения" в первой этической системе и "облагораживания" во второй. Так в иудео-христианской культуре даже небольшая "примесь" зла безнадежно портит добро. Например, если кошерная пища (добро) положена в тrefную посуду (зло), то результат есть некошерная пища (зло). Иная картина в советской культуре. Например, если на белогвардейские погоны (зло) прикрепить звездочку (добро), то происходит "облагораживание", совокупность превращается в добро и может быть помещена на плечи советского командира. Клуб (добро), устроенный в храме (зло), — также добро. (Сим).

Представляется, что дело обстоит иначе. Христианская этика признает исправление, искушение зла добром. Исповедь — это добро, которое столкнувшись с содеянным злом приводит человека к добру — раскаянию, отпущению грехов. Иудаизм, кстати, также признает очищение с помощью жертвоприношения. В грядущей жизни предюлагается довольно суровая мера освобождения от грехов: долговременное пребывание в чистилище. Операцию эту можно оценивать как добро лишь с точки зрения конечного ее результата, сама же по себе она довольно неприятна.

Советская идеология, признавая раскаяние смягчающим обстоятельством, все-таки обычно требует наказания грешников. Известна, к сожалению, в СССР и идея осквернения. Плохое социальное происхождение в 30-е годы, родители евреи в наши дни, родственники за границей, контакты с иностранцами, чтение самиздата — все это выделяет некоторых советских граждан в подозрительную с точки зрения властей категорию. Общаться с этими плохими людьми другим гражданам не следует, можно замараться.

Лингвистические наблюдения Лefевра и Болдырева о категоричности предписаний Моисея и условности формул идеологии не выдерживают критики. Почему "не кради, не прелюбодействуй" запрет более строгий, чем требование "непримиримости к несправедливости, тунеядству, карьеризму, нетерпимость к национальной розни"? И Библия, и советское законодательство предполагают, что греховный человек может на-

рушить заповеди и налагают за это определенное наказание. За воровство строгие ветхозаветные судьи предписывали штраф в двух – пятикратном размере. В СССР крупные хищения наказываются смертной казнью, а в годы коллективизации смерть грозила укравшему несколько картофелин с колхозного поля. Совершенно очевидно, что скромное правило “быть честным” – запрет более жесткий, чем Моисеево “не укради”.

Библия изобилует не только негативными, но и позитивными сентенциями. Например, заповедь: “Почитай отца своего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле”, мало отличается от коммунистического: “взаимного уважения в семье, заботы о воспитании детей”. А в формулировках Нового Завета абсолютные запреты почти совсем не встречаются. “Вы – соль мира... Вы – свет мира... если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царствие небесное... если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники...” Эти слова из Нагорной проповеди с точки зрения степени категоричности утверждений не слишком отличаются от лозунгов ЦК КПСС. “Народы мира... овладевайте вечно живой теорией... человек человеку друг, товарищ и брат...”

Таким образом, утверждение Лефевра и других авторов о различном отношении этики Запада и Востока к комбинации добра и зла не обосновано. Различаются сами представления о добре и зле, а не оценки их сочетания.

Непростой вопрос об аморальности советской идеологии, об опасности тоталитарного воспитания авторы решают удивительно легко. Они отсылают нас к примеру пятидесятилетней давности, злополучному Павлику Морозову, давно и старательно забытому. Изменение взглядов хорошо видно по массовой ширпотребной литературе. В романах М. Алексева и А. Черкасова кража колхозницей зерна не рассматривается ее сыном как преступление и даже сами представители власти закрывают глаза на воровство колосков с поля. Важно здесь не соответствие исторической правде поведения героев, а моральная оценка их действий авторами пропагандистских книг.

Болдырев пишет, что бедный Павлик, "нормативный герой советской литературы, жертвенная личность, во имя идеи коммунизма, которой он беззаветно предан, доносит на собственного отца". А вот нормативный герой американской литературы Том Сойер "ведет себя диаметрально противоположно. Он тоже с риском для жизни и во имя справедливости выступает на суде, но свидетелем не обвинения, а защиты. Цель выступления — не предать, а наоборот, отвести лжесвидетельство, спасая тем самым невинного человека". (ВП).

Различаются ли, однако, так уж сильно мотивы поведения героев? Оба защищают правду (как они ее понимают), оба говорят то, что видели своими глазами. Оба при этом обвиняют, Павлик Морозов — отца, Том Сойер — индейца Джо. Отец Павлика попадает в тюрьму и, возможно, там по-

гибает, индеец Джо умирает от голода в пещере.

Можно ли сказать, что цель Павлика Морозова — предать? Нет, он выполняет свой долг перед людьми, перед светлым будущим и беда его не в том, что он обучен лгать и убивать, а в том, что он неверно понимает происходящее, считает несчастных крестьян разбойниками и убийцами.

Любопытный пример расхождения этических представлений среды и общечеловеческой морали дает нам Марк Твен. Негр Джим просит Гека не выдавать его. С некоторыми колебаниями Гекельбери Финн соглашается:

”Да уж ладно. Обещал — и не выдам. Честное индейское, не выдам! Пускай меня назовут подлым аболиционистом, пускай презирают за это — наплевать! Я никому не скажу, да и вообще я туда больше не вернусь”. Опасения героя, что его будут называть подлым аболиционистом и презирать, вызывают у нас улыбку, помощь беглому негру это же героизм. Однако для Гека вопрос этот не столь очевиден.

Также совсем не однозначно восприятие малолетними советскими читателями поведения Павлика Морозова. С их точки зрения, как и с его собственной, он поступил честно и хорошо, за это его и убили. Как ни чудовищен сам факт свидетельства против отца, он не противоречит христианским заповедям. Сказал же Христос:

”Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником”.

И в конце концов не сошелся свет клином на Павлике Морозове. Советская пропаганда ежедневно производит миллионы страниц мукулатуры, и такой серьезный тезис, как воспитание дурных качеств у детей, можно было бы подтвердить более свежими примерами. Однако у наших авторов нет ссылок ни на речи вождей, ни на Программу КПСС, ни на газету "Пионерская правда". Советские источники массовой информации не утверждают сегодня, что цель оправдывает средства, что можно лгать, хитрить, убивать и т. п. Целью советской политики они объявляют не конфронтацию, а мир. Мы знаем, что это не так. Что советская печать фальшива, лицемерна, но при этом, однако, она не содержит прямых призывов обманывать, совершать подлые поступки (подлые с точки зрения самого ребенка и окружающих его людей). С необходимостью лгать и хитрить человек сталкивается, когда от красивых слов возвращается к реальной действительности, видит, как далека она от прокламируемых целей справедливого общества равенства и благоденствия. Обучение нечестности, двоемыслию действительно происходит, но не в виде примитивных агиток: "Лги, предавай родителей, цель оправдывает любые средства". Ребенок начинает врать, когда перестает верить в то, что живет в самой счастливой стране, но продолжает говорить об этом ради хороших оценок в аттестате.

Следует отметить, что советская идеология и этика не есть нечто постоянное. Они развиваются и изменяются. Совершается переориентация, пе-

реход от бескорыстного, беззаветного служения обществу (оно же — руководству страны), служения, требовавшего порой решительных, а то и плохих средств, к общечеловеческим моральным нормам. (Подробнее смотри об этом в статье Бориса Гройса "Неотрадиционализм — советская идеологическая мода", "Страна и мир", 9, 1984). Изменение нравственных ценностей происходит, но еще не завершено окончательно. Так, лозунг: "Пролетарии всех стран объединяйтесь", встречается в печати, хотя он больше и не означает неизбежного уничтожения всех государственных границ, особенно границ нашей великой и могучей Родины. Иными словами, все страны равны, но некоторые уже равнее.

Второе утверждение, следующее из модели Лефевра, — американцы считают героем человека, стремящегося к компромиссу, советские люди ценят решительное поведение, смелые поступки, противостояние насилию, конфронтацию. Автор пишет, что "на протяжении всей советской истории нормативный образец — это герой, не идущий ни на какие уступки в борьбе с противником. И в то же время готовый употребить плохие средства для достижения благой цели. В результате в советской культуре не возникло нормативной процедуры разрешения конфликта, то есть такого разрешения, при котором обе стороны могли бы сохранить свое достоинство (высокий этический статус). Глубинные причины запрета политической оппозиции заключались, видимо, в том, что в рамках сформировавшейся этической системы

объективно было невозможно разрешить конфликты мирным путем”. (Сим). Отсюда и репрессии Большого террора представляются Лефевру как желание уничтожить ”живых героев, оставив их только как практически недостижимый культурный образец”. А получение признания на следствии — это унижение героя, превращение его в обывателя.

Надо ли говорить, как далеки эти надуманные схемы от трагической советской реальности тех лет. В годы Большого террора уничтожались Сталиным не герои, а обыкновенные люди, слабые, беспомощные, не способные к энергичному сопротивлению, заговору или покушению на палача. Снимались целые профессиональные и социальные слои: бухгалтеры, бывшие чиновники, дворяне, партработники. Трудно без смущения читать стенограмму XVII съезда партии, так называемого ”съезда победителей”, раболепно восхвалявших добродетели Иосифа Виссарионовича, и вскоре после этого решительно уничтоженных. Вот уж где не много оказалось героев.

Признание обвиняемых — это в первую очередь результат неразвитого правового сознания общества. Оно считалось важным, необходимым элементом в средневековой Европе, вспомним хотя бы инквизицию, его добивались в пыточных застенках при Петре I, к нему стремились и стремятся следователи всех времен и народов, черпая в нем уверенность в правоте своего дела и считая признание важным аргументом для публики и суда.

Справедливо ли, однако, утверждение, что западная культура проповедует компромисс, а советская — конфронтацию? Очевидно нет. Советская культура, в том числе и литература, опирается в первую очередь на русскую классику, как известно, глубоко человечную и не склонную к призывам бить и убивать. И лучшая часть советской литературы: Пастернак, Гроссман, Булгаков, Платонов, Зощенко, Шварц, Распутин, Айтматов, Искандер, Быков, Солженицын, Войнович, Владимов, Аксенов, Битов и многие, многие другие, — рассказывают читателям об общечеловеческих проблемах и меньше всего пропагандируют агрессивное поведение. Я взял оглавление трехтомной детской энциклопедии 1978 года и выписал подряд все фамилии великих людей и литературных героев, о которых разрешено рассказывать советским детям:

Александр Македонский, Александр Невский, Амундсен Руаль, Андерсен, Арсеньев В. К., Архимед, Афанасий Никитин, Бабушкин, Барон Мюнхгаузен, Бауман, Бах, Беринг, Бетховен, Бианки, Бор Нильс, Бруно Джордано, Буратино, Гаврош, Гагарин, Гайдар, Галилей, Гарибальди, Глинка, Гоголь, Гомер, Горький, Григ, Гримм, Гулливер, Дарвин, Дзержинский, Диккенс, Димитров, Дмитрий Донской, Дон Кихот, Дядя Степа, Евклид, Ермолова, Жанна д'Арк, Житков, Жуковский, Жюль Верн, Калинин, Кассиль, Кеплер, Киров, Ковалевская, Колумб, Королев, Крупская, Крылов, Куйбышев, Кулибин, Курчатов, Кутузов, Кюри, Левенгук, Левитан, Ленин, Леонардо

да Винчи, Лермонтов, Ломоносов, Джек Лондон, Магеллан, Макаренко, Маркс, Маршак, Маугли, Маяковский, Менделеев, Микельанджело, Миклухо-Маклай, Минин и Пожарский, Мичурин, Моцарт, Мусоргский, Нансен, Наполеон Бонапарт, Нахимов, Незнайка, Некрасов Н. А., Ньютон, Павел Корчагин, Павлов И., Панфиловцы, Пастер Луи, Петр Первый, Попов А. С., Пржевальский, Пришвин, Прокофьев, Пугачев, Разин, Рафаэль, Рембрандт, Репин, Свердлов, Седов, Серов, Скотт Роберт, Станиславский, Суворов, Суриков, Тельман Эрнст, Тимирязев, тимуровцы, Том Сойер и Гек Финн, Тургенев, Толстой Л. Н., Шалапин, Шевченко, Шекспир, Шопен, Шостакович, Щепкин М. С., Эдисон, Эйнштейн, Энгельс.

Сто двадцать имен и подавляющее большинство из них действительно заслужили благодарное уважение потомков. Конечно, можно оспорить значение Кулибина, Мичурина, Кассиля, Курчатова, тем паче Эрнста Тельмана, Димитрова или Калинина. Странно видеть рядом Суворова и Пугачева, причем в статье о полководце, конечно, не сказано, что он вез в Москву вождя народного восстания в клетке. Однако согласитесь, список не так уж и плох. На 12 революционеров и партизан и десять полководцев приходится десять путешественников и 65 ученых, композиторов, художников и писателей. И если некоторые литературные персонажи, например Дон Кихот или Буратино, склонны к решительным поступкам, то Барона Мюнхгаузена и Гулливера следует скорее зачислить в ряды сторонников компромисса.

Любопытно, что в этом списке мы встречаем Тома Сойера и Гекельберри Финна, а Павлика Морозова в нем нет. Очевидно, что Том Сойер — нормативный герой не только американской, но и советской литературы.

Можно возразить, что читатели потребляют не только и не столько русскую и советскую классику, а низкопробную литературу: детективы, романы Пикуля, антисемитские брошюры, что на экранах телевизоров они видят фильмы о войне. Это и так и не так. Круг чтения рядового советского человека включает и то, и другое. Сошлюсь на работу крупного немецкого социолога Клауса Менерта. Автор тщательно изучал библиотечный спрос в различных уголках СССР и составил список 24 наиболее популярных современных писателей. Вот эти имена: Абрамов, Айтматов, Астафьев, Белов, Быков, Думбадзе, Распутин, Шукшин, Солоухин, Трифонов, Борис Васильев, Стругацкие, Липатов, Симонов, Бондарев, Нагибин, Чаковский, А. Иванов, Г. Марков, Пикуль, Проскурин, Ю. Семенов, братья Вайнер, Ефремов. Первую половину этого списка популярнейших без всяких угрызений совести можно отнести к настоящей литературе, которая несет читателю подлинные человеческие ценности, а не пропаганду силы или чего-нибудь дурного. Да и вторая половина не столь уж антигуманна. Авторов можно обвинить в серости, лицемерии, в погоне за детективным сюжетом, но не в преклонении перед героем, стремящимся к конфронтации. Последних, пожалуй, много легче нам будет найти в амери-

канской низкопробной литературе. Экран телевизора США полон суперменами, ковбоями, умелыми сыщиками. Отметим и знаменитых героев "виджеланти", на месте расправляющихся с преступниками вопреки требованиям закона. Фильмы о них пользуются огромной популярностью в Америке. Их поведение вызывает восхищение публики. Так же отнеслось американское общество в своей массе к выстрелам Геца в нью-йоркском метро, который тайно носил с собой револьвер, чтобы при случае расправиться с обидчиками, и когда такая возможность представилась, ранил одного за другим четырех подростков. Гец стал кумиром не только русских эмигрантов, но и многих других слоев населения США.

Так что призыв к решительным бескомпромиссным поступкам советский человек слышит не чаще, чем американец. Конечно, немалую роль играют традиции и национальные особенности, и в той же Америке ирландцы знамениты вспыльчивостью и драчливостью, а евреи известны склонностью к переговорам. Важно, однако, что советскую культуру в целом никак нельзя свести к пропаганде конфликта.

Болдырев считает доказательством агрессивности советских людей наличие в СССР добровольной народной дружины, отмечая, что в Нью-Йорке добровольные дружины пуэрториканцев не пользовались поддержкой граждан. Но дружина в Советском Союзе лишь иронически может быть названа добровольной. Это обязательная повинность в пользу милиции. Работа дружинников

носит формальный характер и обычно малоэффективна. Напротив, в Америке участие населения в мероприятиях поиска и расправы с преступниками — давняя и глубокая традиция. Сама должность шерифа, отвечающего за порядок, является выборной. И во многих маленьких городках до наших дней сохранился обычай, когда шериф в нужный момент набирает себе из граждан добровольных помощников, они надевают звезды (нарукавные повязки советских дружинников) и отправляются на дело. Или вспомним общественные коллективные суды, служившие в течение долгих лет главной формой наказания преступников во многих западных штатах.

Болдырев также отмечает, что в СССР намного более широко применяется смертная казнь. Это так, но нелепо делать на этом основании суждения о степени агрессивности граждан. Законы предписываются властями и не зависят от населения. Та же смертная казнь несколько раз отменялась и вновь вводилась без всякого участия жителей страны.

Странно выглядит в статье Болдырева и противопоставление миролюбивого немецкого генерала Клаузевица, который, оказывается, хотел всего лишь победить, чтобы затем заключить мир, и кровожадного Владимира Ленина, который еще в 1905 году мечтал не о торжестве революции, а о непрерывном уничтожении кого попало. К сожалению, автор отдает здесь дань распространенной эмигрантской моде выискивать объяснения сегодняшних бед с помощью толкования тезисов

марксизма, а то и гегелевской диалектики. Агрессивный характер советской внешней политики очевиден. Однако Маркс, Энгельс, Гегель или Иисус Христос ("Не мир, но меч") имеют к этому довольно опосредованное отношение.

Таким образом, противопоставление советской и западной этических систем в работах Лефевра и Болдырева выглядит не убедительно. Сочетание добра и зла рассматривается и там и здесь одинаково, герой серьезной литературы — сложная ищущая истину фигура, а кумир толпы — решительная личность, способная при случае выхватить пистолет или дать в зубы.

Однако различие этических представлений на Западе и Востоке существует. Оно действительно имеет глубокие корни: политические, исторические, культурно-бытовые. Не претендуя на серьезное изучение этой проблемы, отметим лишь некоторые существенные моменты, определяющие это расхождение.

Современные этические нормы советского населения лишь отчасти связаны с идеологической концепцией, а восходят к исторической традиции, жизни в деревенском коллективе, обществе, в котором веками складывалась групповая мораль, заменявшая крестьянину личное решение и персональную ответственность, обществе, противостоявшем в своем единстве внешним властям: помещику, царскому чиновнику, а впоследствии — парработнику.

Главное отличие, основа всех расхождений — уважение, которое западное общество испытыва-

ет к личности и к закону и, напротив, коллективистские несколько анархические представления, распространенные среди советских граждан. Американец с детства слышит о своих правах, ценит независимость, благоговеет перед "прайвеси" (слово, не имеющее полного аналога в русском языке, и его отсутствие не случайно). С уважением относясь к себе, американский гражданин предполагает подобные же чувства у окружающих. Поэтому с его точки зрения желание врача скрыть от больного правду о состоянии его здоровья нелепо и преступно. Это ущемление права знать, перенесение ответственности за решение с самого индивида на кого-то другого не может не возмущать уважающего себя западного человека.

Свободу и независимость личности охраняют законы. Наказать человека строже, чем требует закон или лжесвидетельствовать — это не только поставить под вопрос собственную репутацию, утратить часть уважения и самоуважения, но также выразить недоверие к силе и справедливости системы законодательства, усомниться в основе существования общества. То же самое, бросая шпаргалку мы нарушаем одно из правил, мешаем честному соревнованию индивидов.

Советское общество пропитано не индивидуальным, а коллективным сознанием. Родные и друзья больного позволяют себе принять важное решение вместо него, для чего даже согласны на обман. Группы граждан с недоверием относятся к властям и их разнообразным указаниям. Отсюда и желание повлиять незаконными способами

на решение суда и намерение помочь товарищу, обманув учителя.

В советской литературе довольно часто рассматривается проблема столкновения юридического права и народного сознания, и авторы в большинстве случаев решают этот конфликт не в пользу законов. В исследовании, посвященном повышенному читательскому спросу, "Массовая литература модернизирующегося общества: ее функции и характеристики", авторы отмечают, что не только в книгах Федора Абрамова, но и в самой примитивной литературе уровня Бабаевского или Маркова интересы деревенского коллектива ставятся сегодня нередко выше законов государства. Так, в романе П. Проскурина "Судьба" колхозники связали председателя, который с ружьем сторожил свеклу в поле, украли свеклу и сварили из нее самогон на поминки всеми уважаемого старика. Вскоре бедолагу председателя сняли с работы. Это тройное нарушение закона (воровство, нападение на должностное лицо, изготовление самогона) вызывает сочувствие не только у читателей, но и у маститого критика, секретаря парторганизации Союза писателей Феликса Кузнецова ("Литературное обозрение", № 12, 1977).

В романе Михаила Алексева "Хлеб — имя существительное" положительный деревенский почтальон читает и исправляет письма односельчан. Как бы заранее возражая юридически обреченным читателям, автор пишет:

”Гоголевский почтмейстер-прохвост делал это из чувства самосохранения да поганенького любопытства. Зуля же руководствовался соображениями исключительно гуманного свойства. Правда Зуле могли бы сказать, что его действия противозаконны, но он не понял бы сказавшего эти слова, потому что всегда считал противозаконным лишь то, что приносит людям вред. Его же образ действий приносит только пользу, и поэтому он самый что ни на есть законный. Так-то”.

Таких примеров противостояния морали деревенского коллектива и закона в современных романах множество, и нет сомнения, что точка зрения авторов в данном случае близка к этическим представлениям читателей. Причем следует отчетливо представлять, что речь идет не о настоящей литературе, для которой естественно в конфликте человека и государства оказаться на стороне человека. Бабаевский, Проскурин, Алексеев, Феликс Кузнецов — это те самые инженеры человеческих душ, которые не просто выполняют распоряжения партии, но гордятся этим. Их произведения — квинтэссенция последнего слова советской пропаганды. Если так написали Бабаевский и Проскурин, значит, так думают в обкоме и секретариате ЦК.

Таким образом, западные этические представления отражают взгляды личности, уважающей свои права и законы государства; взгляды советского человека выработаны в сопротивлении властям, он не ждет от государства ничего, кроме давления и принуждения, и стремится всеми

возможными способами противостоять насилию, стараясь при этом помочь своим товарищам сделать то же самое. Сталкиваясь с тотальной фальшью правящей идеологии, человек приходит к мысли о неизбежности лжи ("Не обманешь — не проживешь"). И этот встречный обман представляется в его сознании как необходимое и даже доброе дело.

Различие западной и советской этических систем не сводится к оппозиции христианских и марксистских моральных принципов. Напротив, можно утверждать, что обе системы выросли из одного корня, посаженного Иисусом Христом. Они восприняли как основу идею равенства людей перед Богом, который "солнцу Своему повелевает восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных". В одном случае ударение ставится на бесконечной ценности человеческой личности, несущей в себе божественный замысел; в другом — делается вывод о необходимости социального и экономического равноправия.

В практической жизни и Запад и Восток довольно далеко ушли от конкретной трактовки тех или иных христианских принципов, особенно во всем, что касается мер воздействия на провинившихся. Так, Моисей требовал строгого соблюдения законов о браке:

"Если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка".

Христос еще усилил эти и без того суровые предписания:

”Вы слышали, что сказано древним: ”не прелюбодействуй”. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем.

Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтоб погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геену”.

Христос также приравнивает к прелюбодеянию развод и женитьбу на разведенной. Правда, он непоследовательно не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии, сказав: ”кто из вас без греха первый брось на нее камень”.

Согласно современным этическим представлениям, развод не осуждается, а супружескую измену склонны прощать. Не предают нынче смерти ни тех, ”кто злословит отца своего и мать свою”, ни тех ”кто ляжет с мужчиною, как с женщиною”. Правда, в СССР в последнем случае преступнику грозит тюремное заключение, а в западных странах практически все виды сексуальных отношений признаны равноправными; они перестали рассматриваться с точки зрения коллективной морали, стали одним из естественных прав человеческой личности.

Естественные права (свобода совести, демократия, частная собственность), эти вечные истины, ограничивают своим существованием абсолютизм любой власти, претензии любого правительства, любой идеи. Из века в век совокупность общепризнанных прав меняется, но принцип их существования является, пожалуй, крупнейшим

завоеванием западной цивилизации.

Греческая философия от Сократа до стоиков впервые отстояла требования совести против притязаний власти, заложила начала доктрины ограничительной конституции. Владычество Рима продемонстрировало эффективность системы законов и концепции права. Эти великие достижения древней мысли, как в анабиозе, хранились в виде пергаментов в подвалах церквей Византийской империи. Выброшенные на Запад после взятия Константинополя турками рукописи оплодотворили политическую и философскую мысль эпохи Возрождения. К той же идее с другой стороны шла Реформация, вожди которой ссылались на Фому Аквинского, говорившего, что человеку дана "некоторая доля в божественном разуме, благодаря чему он стремится к достойным целям и поступкам. Это участие в вечном законе именуется естественным правом".

Концепция права восторжествовала сначала в умах философов, затем овладела европейским обществом и, наконец, в огне Английской, Американской и Французской революций нашла свое законодательное оформление, заложив основу этических представлений современного западного общества.

"Мы считаем эти истины очевидными: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, среди которых — право на жизнь, свободу и на стремление к счастью". Из "Декларации представителей Соединенных Штатов Америки, собран-

шихся на генеральный Конгресс”, принятой 2 июля 1776 года.

”Права совести мы никогда не подчиняли и не можем подчинить. Мы отвечаем за них перед Богом. Законная власть правительства распространяется только на акты, являющиеся предсудительными для других...

Подчините мнение принуждению: кого вы сделаете вашим инквизитором? Подверженных ошибкам людей с плохими страстями, по причинам частного и общественного характера. И почему прибегать к принуждению? Для единомыслия. Но разве единомыслие желательно? Не больше внешнего сходства. Введите прокрустово ложе и сделайте всех людей одного размера, подрезав одних и растянув других, потому что всегда будет существовать опасность, что большие люди расправятся с маленькими...

Достижимо ли единообразие? Миллионы невинных мужчин, женщин и детей были сожжены, замучены, оштрафованы и брошены в тюрьмы после появления христианства; а мы все еще не приблизились даже на один дюйм к единообразию”.

Джефферсон. ”Записки о Виргинии”.

Эти и близкие к ним утверждения стали нравственной основой, на которой построено современное западное общество, причем строительство это пока не завершено и на наших глазах стремительно продолжается: освобождение колоний,

расовое равноправие, движение хиппи, сексуальная революция.

Россия осталась в стороне от магистрального пути европейской истории. Византийский "монизм" — господство абсолютной государственной власти над религией и тем самым над совестью граждан полностью восторжествовал в Московском царстве. Об этих особенностях русской истории говорилось уже столь много и с сожалением, и с гордостью, что обсуждение их в небольшой статье не кажется уместным. Я сошлюсь лишь на одну из многих работ, статью С. Л. Франка "Религиозно-исторический смысл русской революции":

Из всех достижений западно-европейской культуры Россия обрела только одно: сильную государственную власть, которая первоначально выросла в ней не из процесса секуляризации и не в борьбе с теократией, а из самых недр православной веры: "Царь-Батюшка", Помазанник Божий был в народном сознании единственным носителем и верховной инстанцией эмпирически общественного осуществления религиозной правды, единственным звеном, соединяющим религиозную веру с историческим строительством, Это придало монархии огромную, безграничную силу, с которой в государственно исторической сфере не конкурировала никакая иная власть, даже сила Православной Церкви...

Россия никогда не видала ни Ренессанса, ни Реформации, — ни даже рационализма и просветительства в том глубоком и спонтанном смысле, какой носили эти движения на Западе; в России не было и господства либерально-буржуазной демократии, завершением которой и вместе с тем протестом против которой является социализм...

Социализм есть сразу и завершение, и низвержение либеральной демократии. Он руководится тем же мотивом, что и она, общим мотивом всего нового времени: сделать человека и человечество истинным хозяином его жизни, предоставить ему возможность самочинно устроить свою судьбу... И этот принцип дерзновения, мечта к построению вавилонской башни "своею собственной рукой", как это поется в гимне "Интернационала", осуществляются путем подавления всяческой реальной свободы, путем отрицания всех духовных корней и основ человеческого бытия. Социализм есть последний итог великого восстания человечества и вместе с тем результат его совершенного истощения — полного духовного обнищания блудного сына за долгие века блуждания вдали от отчего дома и его богатства. ...Запад уже изжил все потенции "освободительного" духа и дошел до идеи, в которой выразилась агония и саморазложение этого духа до социализма.

Вот почему в том духовном процессе, ко-

торый был у нас как бы запоздавшим суррогатом Ренессанса и Реформации, нам пришлось питаться уже не богатыми сочными первыми плодами западного духа, а лишь последними черствеющими крохами и разлагающимися объедками с его пиршественного стола...

Таким образом, и историческая традиция, и запоздалые западные социальные веяния поддерживали идею приоритета коллектива над личностью, абсолютизируя государственную власть. Сегодня Политбюро такая же абсолютная власть, какой был Всероссийский Император. Конституция СССР не предусматривает никаких ограничений этой власти. Сначала советское правительство пыталось даже внедрить свои взгляды в международное право. Вышинский на заседании ООН 10 декабря 1948 года говорил:

”Человеческие права не могут рассматриваться вне прерогатив правительств, и самое понятие человеческих прав есть правительственная концепция”.

Вскрое, однако, СССР перестал протестовать против общих деклараций, отражающих основные этические представления Запада, и лишь активно борется против реализации этих идей на подвластной территории.

Таким образом, советская и западная этические системы существенно расходятся прежде всего в своих исторических основах, оценке взаимоотношений личности и власти. Запад уважает

права человека и признает государство как зло, требующее максимального ограничения. Советский человек не так носится с идеей своих прав, он полагается не столько на себя, сколько на коллектив и центральную власть. При этом партийно-государственный Левиафан выступает как высшая всемогущая и всеведущая сила, не нуждающаяся, естественно, ни в каких законодательных ограничениях. Короче, западное государство — зло, советское — добро.

Остается с удивлением констатировать, что вопреки библейским текстам и мнению Лефевра, из доброго семени произрастает нечто малопригодное для человеческой жизни, а семя дурное дает вполне сносные плоды. Правда, ни христианская религия, ни математическая модель тут ни при чем. Главная причина столь удивительного результата лежит не в философских концепциях, а в исторических традициях Востока и Запада.

”Опыт показал, что те, кому вверена была в свое время полнота власти, превратили ее в тиранию...”

Из билля Джеферсона в Конгрессе 1779 г.

”Да здравствует наше родное советское правительство! Верховная, самодержавная суверенная неограниченная власть”.

Комбинация Основного закона России ст. 4 (1906) с лозунгами ЦК КПСС (1984).

Геннадий Барабтарло

ПЕРВОЕ ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Интервью с Геннадием Александровичем Барабтарло, переводчиком Владимира Набокова с английского на русский, писателем и профессором русской словесности университета Миссури, а в недавнем прошлом (1970-1978) сотрудником Московского музея им. Пушкина.

Вопрос: Несколько общих слов о Набокове писателе и человеке; его роли в Вашей жизни.

Ответ: Помилуйте, ведь я не Мариэтта Шагинян. Тех, кого интересует "человеческий портрет" Набокова, я отсылаю к превосходным статьям его сына, Д. В. Набокова, напечатанным в сборниках "Nabokov: A Tribute", "Nabokov's Fifth Arc", и "The Achievements of Vladimir Nabokov" (но отнюдь не к неприятной во всех отношениях книге Шаховской "В поисках Набокова"). Вероятно появится новая биография Набокова Брайана Бойда (имевшего доступ к некоторым частным архивам Набокова), которая может

оказаться лучше известной книги Фильда (Nabokov: His Life in Part), страдающей недоброй одышкой, хотя интересной фактически.

Если же Вам хочется эпитомии (поневоле поверхностной), то извольте: Набоков был благородный русский господин, кроткого нрава и независимых взглядов, наделенный колоссальным художественным даром, ненавидевший или презиравший жестокость, трусость, национальные предрассудки, шарлатанское искусство, молодежную музыку "кати-качай", большевиков и нацистов, учителей и учеников Венской школы "психоанализа", смертную казнь и бессмертную пошлость, коммунальную деятельность и общие слова. Список не полон, но из него можно вывести методом противоположения немало из того, что Набоков ценил и любил.

Я мог бы еще добавить, что Набоков единственный в истории двуязычный писатель, забравшийся на почти необитаемые альпийские вершины *обеих* литератур, русской и американской. В этом отношении ни Конрад, не оставивший заметного следа в польской литературе, ни Бекетт, лучшие свои книги написавший по-французски, ни Боргес, у которого есть несколько эссе на английском языке, — ни в какое сравнение с Набоковым, конечно, не идут.

В моей жизни Набоков играет приблизительно ту же роль, что Адам Ильич в пьесе Кольми Бонвиваарда "Королевство у Северного Моря", или что Мсье Годар в мистерии Абломикова-Дарвина "Таинственные Шарикки".

Вопрос: Набоков несомненно и русский и англоязычный писатель, и автор мировой литературы; где его роль значительней и влияние сильнее?

Ответ: Боюсь, я не совсем понимаю это тройственное определение. В абсолютном смысле, всякий настоящий художник "автор мировой литературы". Пушкин, Чехов, или Набоков принадлежат к тому же избранному над-национальному кружку, что и Мильтон, Кафка или Пруст. Термин "национальная литература" слишком легко рифмуется с "провинциальной", чтобы им пользоваться с привычной беззаботной гордостью. Но если Вы спрашиваете о "влиянии" (забавный шишковатый карамзинизм), то я совершенно уверен, что вообще не очень заметное влияние Набокова все же куда заметней в англоязычной прозе, чем в советской. Например, в прошлом году в Америке вышел роман Роберты Смудин "Изобретение Иванова", в котором сознательно использованы некоторые конструкции и даже темы последней книги Набокова "Взгляни на Арлекинов!" Возможно, что "Остров Крым" Аксенова внешне напоминает иные из литературных утопий Набокова (скажем, Адову Антитерру); возможно даже, что это сходство не случайно.

Вопрос: Слава Набокова в прошлом или в будущем, можем ли мы ждать расширения его известности и влияния или он достиг своего зенита и будет находиться примерно на том же уровне? Иными словами, достаточно ли он уже понят и признан? Не начал ли устаревать?

Ответ: Слава капризна, развязна, и зависит от воспитания публики, вкусы которой обыкновенно неприхотливы. Русский круг настоящих почитателей Набокова сравнительно невелик. Нынешнее поколение образованных советских читателей, воспитанное на Достоевском, держится наивного и смешного мнения, что Набоков, хотя писатель и недюжинный, не интересовался "нравственными проблемами", и к тому же "ушел от Русской Темы". Все это бесконечно примитивно, хотя, надо признать, что такие кустарные суждения высказываются не только советскими, но и американскими и особенно английскими моралистами, которые в каждой сардониксовой чаше желают видеть миску.

С другой стороны, несомненно, что чрезвычайные услуги, оказанные Набоковым русской прозе, драматургии, и филологии, будут по необходимости признаны в будущем — несмотря на то, что я не верю, что его произведения будут когда-нибудь изданы в СССР.

Набоков, как и всякий сложный художник, никогда не будет "достаточно понят", и его книги, как и всякое настоящее искусство, никогда не устареют.

Вопрос: Литературу часто рассматривают в свете конфронтации модернизма и классики, с такой точки зрения был ли Набоков модернистом?

Ответ: Позвольте мне в ответ пожать плечами. Я не знаю определения этих терминов, но думаю,

что они во всяком случае безнадежно сыпучи. Способность и страсть многих филологов машинально категоризировать неуступчивые сложные вещи, называя их клейкими, но в сущности бессмысленными именами, неистребимы. Что такое "модернизм"? "Модернист" ли Блок? Стерн? Толстой? Ежели считать модернизмом дерзость и эксперимент и новизну манеры записывать то, что память поставляет дрессированному воображению, то это определение всякого настоящего искусства, и в этом смысле Набоков "модернист". Он открыл и применил такое количество новых способов записывать вымыслы, и переделал по-своему столько старых, что должно пройти очень много времени прежде чем читатель средней руки получит из рук критика средней руки позволение считать Набокова "классическим" (что бы это ни означало) писателем. Но что нам до них?

Вопрос: Кто были предшественники и учителя Набокова, боролся ли он в своем творчестве со своими учителями?

Ответ: Предшественников Набокова Вы знаете, конечно, не хуже меня. Не думаю, однако, чтобы среди них можно было легко найти его "учителей". Если Вы, как Тынянов, видите литературу ареной непрерывной борьбы и столкновений, то мне нетрудно будет подыграть Вам, заметив, что Набоков, который превосходно знал высшие достижения русской и европейской литературы (Шекспир, Шатобриан, Пушкин, Гоголь, Флобер,

Толстой, Джойс), сознательно переделывал, преодолевал, пародировал (в настоящем греческом смысле этого слова) известные темы и приемы старых и новых мастеров. Так как гений его был чрезвычайно оригинален, а художественная сила колоссальна, то не удивительно, что очень скоро, приблизительно к началу 1930-х годов, он превзошел предыдущие технические достижения, подняв русскую прозу на высоту, которой она до того не знала. Значит ли это, что Набоков сильнее, например, Толстого? Да, значит, — именно оттого, что Набоков прекрасно знал романы Толстого и имел достаточно силы, чтобы воспользовавшись, в частности, этим знанием, создавать миры еще более загадочные, еще более сложно устроенные, еще более похожие на настоящие. Новый шахматный чемпион может поклоняться перед старым мастером, партии которого знает наизусть; но он вернее всего побил бы его в матче, по этой самой причине. Все это справедливо только в исключительных случаях (о которых мы и говорим), и только в отношении прозы, которая на тысячи лет моложе остальных литературных родов. В романе же Набоков открыл, среди прочего, совершенно новую, ни Флоберу, ни Толстому, ни Джойсу неизвестную технику тематических сцеплений, и безукоризненных, безшовных "перелицовок" (когда "я" и "он" повествования незаметно обмениваются местами), и многослойных стилизаций, образующих иногда промежуточную тему, и сделал в торожения представителя автора в фантазию постоянным и постоянно углубляющимся

приемом (в отличие, скажем, он беглого визита Джойсова агента в Дублин "Улисса"), — и ведь всего не назовешь в одной фразе.

Отвечая на последнюю часть Вашего вопроса, скажу, что если Набоков и боролся, то скорее со своим читателем, и из этой ночной борьбы хороший читатель всегда выходит хромая, как Иаков, но преображенный и веселый, как всякий избраннык.

Вопрос: Иерархия гениев, которая прозвучала в Вашем ответе, кажется кощунственной. И сравнение с шахматами решительно делает ее неубедительной. Конечно, технически современный гроссмейстер сильнее Капабланки и, скорее всего, обыграет его при встрече. Но это свидетельствует о развитии шахмат, о роли в них познаваемого научного элемента. Гениальный же писатель, как Вы справедливо пишете, неисчерпаем, не познаваем до конца и, что еще более важно, не сводим к собственному техническому методу. Литература развивается, то усложняясь, то становясь проще, каждый может воспользоваться находками своих предшественников и совершить собственные открытия, но при этом сильнее предшественников от этого не становится. Технически Белый очевидно изощренней Гоголя, но сопоставление их по силе или в любой другой иерархии ценностей было бы странным.

Таким образом я призываю Вас отказаться от термина "сила" в сопоставлении Набокова с Толстым или Достоевским, а ограничиться более

спокойным, хотя и менее содержательным: "Гении не сравнимы по гениальности".

Ответ: Слово "гений" – Ваше; мой тезис построен не на нем. Гениальность тут разумеется сама собой, она такое же безусловное свойство, как ясновидение. Мы говорим только о ясновидцах, не правда ли. Сопоставлять "гениальность" художников, действительно, так же нелепо, как сравнивать "деревянность" дуба и палисандра; но они, конечно, различаются по твердости и ценности. Я не могу отказаться от термина "сила". Сила учит вкусу, как сказано в "Охранной Грамоте". Это важный, сложного состава, критерий, без которого невозможно понять совершенствование прозы, не говоря уже о романе. Я не вижу ничего странного в Вашем сравнении Белого с Гоголем и мог бы многое сказать на эту тему. Между прочим, в своей чудесной книге о Гоголе Белый говорит, что "всякие Тургеневы и Дымовы Гоголю не в пуп головой, а... пониже того". И он прав: писателей можно сравнивать и по росту. Литература, в своем настоящем, узком русле, не становится проще. Ее последние и высшие достижения не умаляют предыдущих, но подчеркивают их, и часто заставляют искусленного читателя задним числом относиться к ним совершенно по-новому. После "Улисса" и романов Набокова иначе восхищаешься тем, как Гончаров в конце пресного "Обломова" посылает своего двойника на прощальную прогулку со Штольцем, и куда лучше понимаешь прекрасные страницы черновики

”Анны Карениной”, которые даже дерзкий Толстой не решился опубликовать в 70-е годы; я имею в виду, например, изумительную сцену, где беременная, плачущая Анна закрывает лицо руками, ”сделав из них улицу”, и Вронский осторожно раздвигает ее руки и ”заглядывает в эту улицу”.

Я не вижу ничего кошунственного в сопоставлении первоклассных художников. Эти постоянные недоразумения происходят от того, что большинство читателей относится к словесному искусству слишком легкомысленно, а большинство критиков — слишком серьезно. Недавно, за ”литературным завтраком”, один американский профессор-славист спросил меня, что я думаю об очередном баловне советских читателей-вегетарьянцев, любителей жидкой литературной овсянки. Я отвечал, что на мой взгляд, его проза страдает врожденным пороком стиля, и, во всяком случае, гораздо слабее, скажем, прозы Чехова. Я знал, что услышу ”ну, знаете ли, батенька”; так и вышло. Конечно, от сравнения с Гладковым, Смирновым или Шевцовым выигрывает и этот ”сибирский писатель”, но на эти пустыри не забредать же.

Вопрос: Есть ли у Набокова ученики, не подражатели, а последователи, создал ли он школу?

Ответ: Ни подражателей, ни ”последователей” Набокова, по-моему, нет, потому что русская проза, говоря строго, перестала существовать.

Литературная традиция, то есть, серия последовательных, все более высоких достижений, была грубо оборвана, общий уровень художественной культуры и культуры языка пал непоправимо низко, и проза пострадала больше всего по причинам, объяснение которых заняло бы слишком много места. Лучшему из теперешних романистов, Солженицыну, далеко до Толстого, далеко до Набокова. На смену золотому веку русского языка пришел каменный; выбитые зеркальные стекла заменили мутноватой слюдой. Роман же особенно сложный механизм, его верный ход зависит от тонких сцеплений и требует специальных инструментов, точных пальцев и безупречного, опытного вкуса. Ничего этого больше нет.

В последнем номере специального Набоковского журнала (*The Nabokovian*) есть статья Д. Бартона Джонсона о Соколове, которого он, по-видимому, считает "последователем" Набокова (Набоков, как известно, сочувственно отозвался о "Школе для Дураков"). Я также поверхностно знаком с прозой Соколова, как он сам — если верить Джонсону — с сочинениями Набокова (это, кстати, единственный известный мне случай, когда интеллигентный человек не мог дочитать, или мог не дочитать "Приглашения на казнь"), но то немногое, что я читал, гораздо интереснее популярной прозы Довладимаксенова или Распушкина.

Вопрос: Ваша уничижительная оценка советской литературы является, очевидно, продолжением,

если не данью, набоковской традиции. Поэтому я обращаюсь за уточнениями и к Вам и к нему. Читал ли Набоков Солженицына? Назвав его лучшим романистом из теперешних, Вы имеете ввиду и "Архипелаг" и "Красное колесо" или, главным образом, предшествующие романы?

То небольшое, что Вы читали у Соколова, включает ли "Между собакой и волком" и "Палисандрию", идет ли Саша Соколов к Набокову или пытается оторваться от него? Как относился Набоков к Булгакову, Платонову, Зощенко? Что Вы, он можете сказать о романах Битова, Айтматова, Искандера?

Ответ: Мое отрицание советской литературы нимало не зависит от сходного, хотя и более общего, презрительного к ней отношения Набокова. И потом, я могу говорить о Набокове, но говорить за него у меня нет ни права, ни намерения.

Я отрицаю самую возможность появления шедевров в прозе на советской целинной почве, хотя бы вследствие непоправимого обнищания и опошления русского языка, который даже в сравнительно образованной среде состоит из адской смеси топорных газетных клише с более или менее воровским жаргоном. И делается прямо жутко от того, что этого уже почти некому и замечать. Те, кого не мутит от "зарплаты", "пары дней", и "творческой встречи", никогда не напишут ничего примечательного, потому что им *нечем писать*. Мандельштам предвидел это, когда говорил, что советские литераторы запроданы рябому черту на три поколения вперед.

Я хочу тут заметить, во избежание досадного недоразумения, что советская литература понятие не географическое, но шкурно-культурное. Несколько всем известных русских писателей, решивших остаться в советской России, советской власти не служили, дышали ворованным воздухом и неизменно страдали от окружающей и терзавшей их литературной сволочи. Последний из них умер больше двадцати лет тому назад.

Набоков читал Солженицына и, кажется, не разделял восторженного отзыва о его романах своего старого приятеля Эдмунда Вильсона. Однако, он уважал его храбрость и считал неудобным для себя публично высказывать профессиональное мнение о его книгах в то время, когда Солженицын подвергался полицейским преследованиям в Советском Союзе.

”Архипелаг ГУЛАГ” не роман, а собрание оглушительных документов о советском застенке, и было бы странно и непристойно судить эту книгу с художественной точки зрения. Я не люблю ”Красного Колеса”; не знаю, читал ли Набоков 1-й том. Первые два романа Солженицына нравятся мне гораздо больше; несмотря на обилие диалогов (иногда, впрочем, весьма искусных) там есть настоящая, теперь почти забытая, архитектура, которая отличает особняк романа от овина советской беллетристики.

Я знаю только тот отрывок ”Палисандрии”, который был напечатан в журнале. По-моему, Соколов ничуть не напоминает Набокова.

Мне не известно, что Набоков думал о Булга-

кове и Платонове. Ему, кажется, нравились рассказы Зощенки, "Двенадцать стульев", и "Зависть". Он любил стихи Пастернака и Мандельштама, хотя очевидно предпочитал Ходасевича тому и другому. Роман Пастернака, как знают все читатели русской "Лолиты" и английских "Строгих Суждений", казался ему нестерпимо приторным.

Ничего не могу сказать об отношении Набокова к упомянутым Вами писателям; сомневаюсь, что он знал об их существовании. Что касается до меня, то я совершенно равнодушен к Айтматову и Искандеру. По Гамбургскому счету (а не по счету улицы Черняховского), эти и другие писатели этого разряда, даже не за ковром, а... подальше того. Все эти красные косынки и белые пароходы, эти будто-бы многозначительные аллегории и ужасно смелые намеки, этот этнический колорит, неспособный скрыть беспомощность письма — все это может обдавать мятным холодком восторга окололитературных дам обоего пола, не снимающих меховых и ангорских шапок в редакционных столовых, воспитанных на Фадееве и Щипачеве, и именно поэтому восхищающихся всем, что хоть на палец отличается от совсем уж затхлой диеты их комсомольско-амурной молодости. Эти репутации стоят на неизбежном компромиссе неизбалованного литературного вкуса с неприятельской любовью к тупым политическим шпилькам. Серьезная филология не склонна к компромиссам и не стесняется в выражениях — перечитайте хотя бы пятую главу "Четвертой

Прозы”. Или вот из 8-й: ”Чем была матушка филология и чем стала... Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякречь, стала всетерпимость...”

У Битова есть несколько прелестных рассказов и очерков, на которые набегают легкая тень ”Арзрума”. Но ”Пушкинский Дом” очень рыхлая, нестойкая, кособокая вещь, доказывающая, что роман технически очень специальный и трудный род прозы, требующий, среди прочего, инженерного, что ли, зодческого умения и оттого удающийся немногим.

Вопрос: Какая книга Набокова Вам ближе всего и почему? Существует ли слабый Набоков?

Ответ: Та, которую теперь перечитываю. Конечно, мне особенно дорог ”Пнин”, которого я так долго и весело переводил и о котором написал большую работу, с подробными комментариями к каждой странице. Если же Вы хотите знать, какие книги Набокова я считаю лучшими, то ответить на это очень трудно. Весьма вероятно, что у писателей над-нобелевского класса, как Набоков, почти каждая следующая книга лучше предыдущей, и последняя лучше всех. Мне кажется, что в композиционном отношении ”Дар” самый тонкий и совершенный из его русских романов. Высшими достижениями его русского стиля были, я думаю, ”Приглашение на казнь”, ”Дар”, и два отрывка неоконченного романа, ”Ultima Thule” и ”Solus Rex”, в этой последовательно-

сти. Вопреки распространенному мнению (и несмотря на его собственное несколько лукавое послесловие к русскому изданию, которое многие поняли слишком буквально), я нахожу, что его русская версия "Лолиты" превосходный и удивительно изобретательный образец самой лучшей русской прозы. Из английских книг Набокова он сам больше других любил "Лолиту" и "Аду". Технически самый сложный роман, наверное, "Бледный огонь".

Слабых романов у Набокова нет (не исключая "Машеньки"). Я равнодушен к его юношеской поэзии, а среди пьес "Изобретение Вальса" и "Человек из СССР" мне нравятся гораздо меньше "События". Есть два или три бледных рассказа из числа напечатанных в "Руле" в 20-е годы, хотя вообще у Набокова доля несовершенных рассказов значительно меньше, чем, скажем, у Чехова или Бунина, и все они приходятся на самую раннюю пору.

Вопрос: Трудно ли переводить Набокова, возможно ли его перевести адекватно Набокову же?

Ответ: Честно, то есть дословно и правильно, переводить вообще очень трудно, и так оно и должно быть. Переводить Набокова особенно трудно, во-первых, вследствие огромного количества паронимий, каламбуров и других специальных лексических эффектов, которыми наполнены его книги. Во-вторых, потому что его переводчику очень нелегко не соблазниться попыткой воспроизвести ритм и интонацию оригинала (русского

или английского, в зависимости от направления перевода), для чего нужно уметь по крайней мере пользоваться инструментами автора; это очень кропотливое и упоительное занятие. С другой же стороны, задача несколько облегчается тем уникальным обстоятельством, что в распоряжении переводчика имеются не только авторские обоюдоязычные версии многих книг, но и переводы Набоковым других писателей — я имею в виду прежде всего его четырехтомное комментированное издание "Евгения Онегина", совершенно бесценный справочник для русско-английского переводчика, тогда как русская "Лолита" предоставляет такой же богатый материал для переводчика англо-русского. Года два тому назад "Ардис" издал чрезвычайно полезный словарь "Лолиты" Нахимовского и Паперно, в котором около семи тысяч русских семантем, *не учтенных* словарем Гальперина!

Вопрос: Переводите ли Вы Набокова в настоящее время? Что переводите, что собираетесь переводить?

Ответ: Я почти закончил перевод английских рассказов из книги "Набокова Дюжина". В прошлом году я перевел его Корнельскую публичную лекцию "Русские писатели, цензоры и читатели", читанную в Итаке (штат Нью-Йорк) в 1959 году. Очень возможно, что я буду переводить "Аду"; собственно, две главы из середины книги уже готовы. В этом отчаянно трудном проекте будет

принимать участие г-жа Набокова, абсолютный слух и безупречный вкус которой совершенно необходимы для успеха этой затеи.

Вопрос: Хорошо ли переведен русский Набоков на английский?

Ответ: Русские книги Набокова — романы, сборники рассказов, пьесы и стихи — переведены на английский или им самим, или при его участии. Хотя в этой последней категории есть книги, где не все удалось хорошо передать по-английски, я бы желал, чтобы мои русские переложения его английских вещей были не менее точны и изобретательны.

Вопрос: Кстати о бабочках и прочих занятиях-увлечениях великого писателя.

Ответ: Но ведь это как-будто хорошо известно. Набоков был профессиональный энтомолог, именно, лепидоптерист, специальностью которого были некоторые виды американских бабочек-голубянок. В этом разделе он реформировал принятую классификацию многих видов и подвидов, некоторые из которых он открыл или впервые описал. Несколько бабочек и одна ночница названы другими энтомологами в его честь. Его американские коллекции хранятся в музеях Нью-Йорка, Бостона и Корнельского университета. Больше всего он занимался энтомолическими исследованиями в 1940-е годы, когда состоял научным

сотрудником Музея Сравнительной Зоологии Гарварда. В эти годы он напечатал несколько фундаментальных статей по таксономии чешуекрылых в специальных журналах. Бабочки, пойманные в Европе, где он жил с 1960-го года, лежат нерасправленными в маленьких филателистических полупрозрачных конвертах в его гостиничной квартире в Монтре, Швейцария.

В продолжение всей почти жизни Набоков сочинял очень изящные и оригинальные шахматные задачи, которые иногда помещал в газетах и которые потом собрал в книге "Poems and Problems". Шахматную композицию труднее составить, чем решить, но лучшие задачи Набокова сложны для опытного отгадчика тем, что, пытаясь по привычке найти ключ в необычном месте, он, действительно, скоро находит его — и попадает в ловушку ложного решения с труднонаходимым опровержением, между тем как сухой, непритязательный на вид ход на другом краю доски решает задачу иным способом.

Набоков, как известно, преподавал русскую и европейскую словесность в университетах Станфорда (1941), Уэльслея, Гарварда (один семестр) и Корнелля в продолжение 18-ти лет. Три тома его лекций по литературе уже изданы; возможно, будут и другие. Он перевел на английский язык поэзию Пушкина, Лермонтова, Тютчева; "Слово о Полку Игореве", "Героя Нашего Времени" (вместе со своим сыном Дмитрием); и, конечно, "Евгения Онегина" — монументальный труд, в котором, несмотря на невозможность

воспользоваться Пушкинскими манускриптами, имеется невероятное множество первоклассных открытий и бездна новых важных догадок и идей (не говоря уже о систематизации известных сведений). О его знаменитой книге о Гоголе (1944) на последнем съезде славистов в Чикаго был прочитан доклад "Влияние Набокова на Гоголя" (впрочем, название, как это бывает и с романами, оказалось интереснее доклада).

Наконец, должен сказать, что я очень люблю поэзию и зрелого Сирина, и Набокова, русскую и английскую, — ее кристаллические формы, сильную дикцию и сухое электричество, ее фосфорное свечение и разбегающуюся рябь глубоководной мысли, только плавником распарывающей зеркальную поверхность стансов.

ДОКУМЕНТЫ

И. Сталин

О СТАТЬЕ ЭНГЕЛЬСА "ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА

Рассылая членам Политбюро ЦК статью Энгельса "Внешняя политика русского царизма", считаю нужным предпослать ей следующие замечания.

Товарищ Адоратский предлагает напечатать в ближайшем номере "Большевика", посвященном двадцатилетию мировой империалистической войны, известную статью Энгельса "Внешняя политика русского царизма", впервые опубликованную за границей в 1890 г. Я считал бы вполне нормальным, если бы предлагали напечатать эту статью в сборнике сочинений Энгельса, или в одном из исторических журналов. Но нам предлагают напечатать ее в нашем боевом журнале, в "Большевике", в номере, посвященном двадцатилетию мировой империалистической войны. Стало быть, считают, что статья эта может быть рассматриваема, как руководящая, или во вся-

Письмо Сталина членам Политбюро было опубликовано в журнале "Большевик", № 9, 1941. Как видно из текста, Иосиф Виссарионович раньше других нашел в себе смелость заявить, что Россия не была "жандармом Европы", "последней твердыней европейской реакции", не начинала мировой войны и вообще была не хуже, а может, и лучше других государств.

ком случае глубоко поучительная для наших партийных работников с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн. Но статья Энгельса, как видно из ее содержания, несмотря на ее достоинства, не обладает, к сожалению, этими качествами. Более того, — она имеет ряд таких недостатков, которые, если она будет опубликована без критических замечаний, могут запутать читателя.

Поэтому я считал бы нецелесообразным опубликование статьи Энгельса в ближайшем номере "Большевика".

Но что это за недостатки?

1. Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько "потребностью" военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристской цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством.

Такая трактовка вопроса в устах Энгельса может показаться более чем невероятной, но она, к сожалению, факт.

Вот соответствующие места из статьи Энгельса.

Внешняя политика — говорит Энгельс — это безусловно та область, в которой царизм очень и очень силен. Русская дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь ее в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например, Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен. Иностранкою была и его основательница, Екатерина II.

До сих пор только один чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон-Гирс опять уже носит иностранную фамилию.

Это тайное общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через мил-

лионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, — эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Черному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству.

(См. вышеупомянутую статью Энгельса).

Можно подумать, что в истории России, в ее внешней истории, дипломатия составляла все, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы — ничего, или почти ничего.

Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России стояли не иностранные авантюристы, вроде Нессельроде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путем.

Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике

и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги.

Понятно, что иначе и не могло быть.

Видимо, в своем памфлете против русского царизма (статья Энгельса – хороший боевой памфлет) Энгельс несколько увлекся и, увлекшись, забыл на минуту о некоторых элементарных, хорошо ему известных, вещах.

2. Характеризуя положение в Европе и вскрывая причины и перспективы надвигающейся мировой войны, Энгельс пишет:

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзаса и Лотарингии Германией, 2) стремлением царской России к Константинополю, 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах, – борьбой, термометром которой служит повсеместный подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзаса-Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, – к войне, какой еще не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг про-

тив друга от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый новоизобретенный образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, обгоняется новыми изобретениями, и во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы.

Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность.

...Русское Национальное собрание, которое захочет справиться хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям.

С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть

мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить ее: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению.

...В тот день, когда падет царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, — в этот день совсем другой ветер подует в Европе.

(См. там же).

Нельзя не заметить, что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно — момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны.

Я думаю, что это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса.

Из этого недостатка вытекают остальные недостатки, из коих не мешало бы отметить следующие:

а) Переоценку роли стремления России к Константинополю в деле назревания мировой войны. Правда, первоначально Энгельс ставит на

первое место, как фактор войны, аннексию Эльзас-Лотарингии Германией, но потом он отодвигает этот момент на задний план и выдвигает на первый план завоевательные стремления русского царизма, утверждая, что "вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей".

Это, конечно — преувеличение.

б) Переоценку роли "русского Национального собрания" (буржуазный парламент) в деле предотвращения надвигающейся мировой войны. Энгельс утверждает, что падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны. Это — явное преувеличение. Новый, буржуазный строй в России с его "Национальным собранием" не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами. Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы.

в) Переоценку роли царской власти, как "последней твердыни общеевропейской реакции" (слова Энгельса). Что царская власть в России

была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться.

Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только "историческую ценность". Они имеют, или должны были иметь еще важнейшее практическое значение. В самом деле: если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти освободительной?

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от "русского варварства" и т. п.

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что "победа Германии есть, стало быть, победа революции", что "если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!".

Понятно, что при таком ходе мыслей не остается места для революционного пораженства, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Так обстоит дело с недостатками статьи Энгельса.

Видимо, Энгельс, встревоженный налаживавшимся тогда (1890-1891 г.) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить ее всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии, но осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших и даже определяющих моментов, результатом чего явилась однобокость статьи.

Стоит ли после всего сказанного печатать статью Энгельса в нашем боевом органе, в "Большевике", как статью руководящую, или во всяком случае глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать ее в "Большевике" — значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию?

Я думаю, что не стоит.

19 июля 1934 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ефим Килинский

ВРАЧИ-УБИЙЦЫ И УБИЙЦЫ ВРАЧЕЙ*

Однажды я присутствовал при такой сцене. Шеф позвал меня по каким-то делам, и мы тихо и спокойно разговаривали. Вдруг у дверей кабинета я услышал голос доцента кафедры Елены Александровны Александровой, она говорила, что к Мирону Семеновичу нельзя, он занят и не может никого видеть. Несмотря на ее возражения, дверь открылась, и в кабинет ворвался пожилой мужчина в теплом пальто и шапке-ушанке.

— Извините, Мирон Семенович, — зашумел он. — Я вынужден был прибегнуть к совершенно недопустимому методу, чтобы только попасть к Вам. Вы меня однажды смотрели, но, конечно, не помните.

— Нет, помню, — обреченно сказал Вовси, — Вы — Николай Алексеевич Бурков, и смотрел я Вас девятнадцать лет тому назад по поводу так

* Окончание. Начало см. в выпуске № 14.

называемой грудной жабы, которой у Вас не оказалось.

Пораженный памятью Вовси Николай Алексеевич окаменел, я же к тому времени уже ничему не удивлялся.

Однажды к нам в больницу приехал крупный немецкий ученый и изобретатель фон Белау. Он занимался вопросами дыхания, сконструировал довольно сложную машину и приехал сделать о ней доклад. По стенам фон Белау развесил рисунки-схемы своего аппарата. Вовси выполнял роль председателя и одновременно переводчика.

Белау произнес фразу и ждет перевода. Вовси его не слушает, его отвлекает профессор соседней кафедры терапии Б. Е. Вотчал. Они о чем-то шопотом разговаривают. Не дождавшись перевода, Белау начинает говорить снова. Доклад продолжался ровно час, и все это время Вовси и Вотчал разговаривали.

Вот Белау кончил. Он ждет. Вовси не слышит. Он продолжает оживленно говорить с Вотчалом. В зале тишина. Неожиданно почувствовав неладное, Вовси встрепенулся, поглядел по сторонам и вспомнил, что он не только председатель, но и переводчик. Я в первый (и в последний) раз увидел на лице Вовси тень растерянности. Через мгновение он собрался и, показывая детали на схеме аппарата, ясно изложил сущность изобретения.

О своем аресте Мирон Семенович почти не говорил.

Однажды он мне сказал, что Лидия Тимащук "пощадил" его и не внесла в список "врачей-отравителей". Мирон Семенович объяснил ее поступок чувством благодарности: Вовси когда-то вылечил ее сына от тяжелого заболевания.

Однако и это его не спасло. На следствии ему предъявили обвинения в шпионско-диверсионной деятельности с целью убийства советских вождей и военных руководителей. Его обвинили в принадлежности к израильской террористической организации "Джойнт", получавшей свои антисоветские задания из Вашингтона.

— Я, — сказал мне Мирон Семенович, — не задумываясь подписал все обвинения. Я не в силах в одиночку сражаться с машиной КГБ.

Несмотря на то, что Вовси все подписал, его пытали физически. Когда у него обнаружили остеогенную саркому, Мирон Семенович сказал: "Интересно, что опухоль возникла как раз в том месте, куда больше всего били. Они меня били по ногам".

Вот, пожалуй, и все, что он рассказывал о своем аресте.

Мирон Семенович почти никогда не высказывался о советской власти. Только однажды сказал мне: "Если бы Вы знали, как тяжело работать с этими высокопоставленными бюрократами".

Являясь генерал-майором медицинской служ-

бы, главным терапевтом всей Красной Армии, действительным членом Академии медицинских наук СССР, заведующим кафедрой внутренней медицины Центрального института усовершенствования врачей, Мирон Семенович Вовси не вступил в коммунистическую партию. Трудно в это поверить. Однако, это факт.

После освобождения ему вернули все его должности и посты. И он опять начал лечить высокопоставленных чиновников и военных.

Однажды Вовси мне сказал:

— Я попрошу Вас задержаться после работы. Ко мне придет в качестве пациента маршал СССР Василевский. Я хочу, чтобы Вы взглянули на его электрокардиограммы.

В клинике Вовси я заведовал электрокардиографическим кабинетом.

Я ответил:

— Извините меня, Мирон Семенович, но я не буду задерживаться. После ареста врачей я дал себе слово не участвовать в лечении советских вождей и военачальников. Прежде всего я надеялся и надеюсь, что меня никто не пригласит лечить их.

— Хорошо, — сказал Вовси. — Я вас понимаю.

Мирон Семенович на меня не обиделся. А кроме того, я не был ему нужен, чтобы прочесть электрокардиограмму маршала. Я думаю, он просто хотел помочь мне выйти на широкую дорогу. Мирон Семенович был добрым человеком. Он заботился о своих сотрудниках — проталкивал наши статьи, добивался нашего повышения

по службе, устраивал нам выступления на различных научных конгрессах. Мирон Семенович попытался послать меня в порядке обмена на несколько месяцев в Венгрию. Договорился в Венгрии. Оформил все мои документы, уверял меня, что скоро я увижу Будапешт.

Но не тут-то было. Через несколько месяцев после подачи моих документов Вовси вызвал меня к себе в кабинет и спросил:

— Что Вы такое натворили, что КГБ категорически возражает против Вашей поездки за границу, даже в социалистическую страну?

Я знал о чем идет речь.

За три года до этого моего разговора с Вовси меня пригласили в районное отделение КГБ по адресу Арбат 20 кв. 85. Обычный подъезд обычного дома. Поднимаюсь в бельэтаж. Квартира 85, дверь обита плотной кожей. Звоню. Сразу же открывают. На пороге — мужчина в военной гимнастерке без погон. Он приглашает меня войти и следовать за ним.

Большая длинная квартира. До революции здесь, наверное, жила дворянская или купеческая семья среднего достатка. Арбат ведь. Прохожу мимо бесчисленных комнат по длинному коридору, двери некоторых комнат открыты. В одних сидят девицы, печатающие на пишущих машинках. В других вижу мужчин за столами, полными бумаг. Проходим всю квартиру и упираемся в последнюю дверь. На стене справа висит газета. На ней четкими буквами выписан заголовок "Че-

кист”. А под названием более мелкими буквами — орган районного отделения КГБ.

— Вот мы и пришли, — говорит мужчина. Он как-то особо вежливо стучит в эту последнюю дверь.

— Александр Александрович, можно?

Дверь распахивается.

— Доктор Килинский, проходите. Здравствуй-те, Ефим Львович. — Я, — представляется он, — Александр Александрович — начальник районного отделения.

Он хорошо одет, в штатском, у него симпатичное доброжелательное лицо. Он улыбается.

— Пожалуйста, снимите пальто и повесьте в шкаф, если Вам не трудно. А теперь садитесь. Свет мешает?

Яркая лампа-прожектор с его стола направлена мне в лицо. Не дожидаясь ответа, он выключает лампу.

— Волнуетесь? — спрашивает.

— А чего мне волноваться, — я впервые с момента прихода в КГБ подал голос.

— Бывали в подобных учреждениях?

— Нет, никогда.

— Значит, волнуетесь. Вы, дорогой Ефим Львович, хотите узнать, зачем мы Вас сюда пригласили. Правда ведь?

Я отвечаю утвердительно.

— Не волнуйтесь, пожалуйста. В свое время мы Вам обязательно расскажем. А сейчас мне просто хочется с Вами побеседовать. Но прежде всего я Вас попрошу подписать эту бумажку о неразгла-

шении всего того, о чем мы с Вами говорили или будем говорить, вообще о наших встречах. Это простая формальность. Сразу же хочу сказать, что прекрасную характеристику дали Вам Ваши друзья и сотрудники. Честный, принципиальный, преданный советской власти беспартийный большевик. К тому же умный, образованный и прекрасно владеющий английским.

— Я английского не знаю, — прервал я.

— Ну вот видите, как всегда все преувеличат эти доброжелатели. Так совсем и не знаете?

— Читаю медицинскую литературу. Но говорить или понимать английскую речь не могу.

— Жаль, очень жаль, — в голосе Александра Александровича слышится искреннее сожаление. Знаете что, я Вас сейчас познакомлю с Александром Никаноровичем. Он Вами в дальнейшем и будет заниматься.

Александр Александрович явно потерял ко мне интерес. Он нажал на столе кнопку, и в его кабинете появился интеллигентного вида человек лет 30-35, щегольски одетый. На носу — очки в золотой оправе.

— Познакомьтесь, — сказал Александр Александрович, — Александр Никанорович, доктор Ефим Львович Килинский. И чтобы я не мешал Вам, наверное, будет удобнее пройти в кабинет Александра Никаноровича. Ефим Львович, не забудьте, пожалуйста, Ваше пальто.

Александр Никанорович принял меня еще ласковее, предложил чаю, сигарет. Он смотрел на меня почти с отцовской любовью.

— Александр Никанорович, почему я здесь?

Он неслыханно удивился:

— Как, Александр Александрович не сказал Вам? Он должен был Вам сказать. А я не могу, не имею права. Вы понимаете? Но в следующий раз мы Вам обязательно скажем.

— Что значит, в следующий раз?

— Мы должны, вероятно, встретиться с Вами еще несколько раз. Пожалуйста, — почти взмолился он.

Наш разговор происходил после смерти Сталина, в "период расцвета социалистической законности", провозглашенный Н. С. Хрущевым.

— Могу ли я сейчас встать и уйти? — спросил я.

— Если хотите, можете. Но такой поступок неблагоприятно отразится на наших дальнейших отношениях. И чувствуя к Вам необыкновенное расположение, я буду Вас просто умолять не делать этого.

Несмотря на обволакивающую вежливость, удивительную доброжелательность, струившуюся от Александра Никаноровича, я испугался.

— Скажите, — перешел к делу Александр Никанорович, — а кто из Ваших друзей и родных знает иностранные языки?

Два моих родных дяди в совершенстве знали немецкий и французский, две мои двоюродные сестры преподавали в школе английский язык.

Я подумал (правильно или неправильно, кто знает), что КГБ хочет среди моих родных и друзей найти людей, слушающих по радио Америку и другие капиталистические страны. "Голос Америки" на русском языке тогда глушили.

— Никто из моих друзей и родных не знает иностранные языки, — быстро ответил я.

— А можете Вы сейчас перечислить мне всех Ваших друзей и родных?

Проще было сказать: "Никого я не буду Вам перечислять. Оставьте меня в покое", — а потом встать и уйти. Но я ничего этого не сделал, потому что проклятый страх отнял у меня мужество.

У нас была дружная и большая семья, включавшая моих тетей, дядей, двоюродных братьев и сестер, и мы часто проводили время вместе. В те годы я был общительным человеком и у меня было много друзей.

— Не могу, — ответил я, — с родными, кроме родителей, практически не поддерживаю никаких отношений, а друзей у меня нет.

— У нас совершенно противоположные сведения. Плохо еще работают наши органы. Например, по нашим сведениям, у Вас есть друг Юлий К., с которым вы вместе учились в медицинском, а теперь вместе работаете и даже пишете с ним статью о болезни Мондора.

— Все верно, кроме одной детали. Он мне не друг. Он умный, хороший человек, но мы никогда с ним не были друзьями. Да, мы часто бываем друг у друга, потому что, как вы правильно информированы, мы с ним пишем совместную статью. Наши отношения чисто деловые.

Я врал Александру Никаноровичу. Мы с Юлием были друзьями. Поэтому сразу из квартиры 85, убедившись, что за мной никто не следит, я направился домой к Юлию и рассказал ему о непонятном поведении КГБ.

— Тебя таскали в КГБ из-за меня, — безапелляционно заявил мой друг.

— У тебя мания величия, — возразил я.

— Слушай, — сказал он, — к нам недавно приходил в гости родной дядя моей жены. Он крупный израильский деятель и приехал в СССР на какое-то экономическое совещание. Мы с ним никогда не переписывались, и как он разыскал нас, одному Богу известно. Он подарил мне великолепный костюм, а своей племяннице кофточку. Вот им-то, а вернее нашими отношениями, и интересуется КГБ.

При следующей нашей встрече Александр Никанорович был опять ласков и предупредителен.

— Скажите, — спросил он, — а почему Вы не в партии?

Ну как ответить на такой вопрос? Не мог же я ему сказать правду.

Одному моему другу секретарь партийной организации предложил вступить в партию. И мой друг сказал:

— Не могу. С Богом у меня не все ясно. Мне иногда кажется, что Бог есть.

Я же сказал Александру Никаноровичу, что в настоящий момент затрудняюсь ответить на этот вопрос, еще серьезно не думал на эту тему.

— А зачем Вы меня сюда пригласили? — опять спросил я.

— Честное чекистское слово, в следующий раз скажем, — ответил Александр Никанорович.

— Вот этот Ваш приятель, как его, ну тот, с которым вы учились вместе, а теперь работаете. Я забыл его фамилию.

— Врешь, — подумал я, — ничего ты не забыл. А Юлий, наверное, прав.

— К., — вспомнил он, — вот Вы у него бываете, статью пишете. А что Вы еще делаете?

— Ничего.

— Показывал ли он Вам когда-нибудь свои семейные фотографии?

— А зачем мне его семейные фотографии? — почти искренне удивился я. — Мы статью пишем.

— А Вам случайно не известно, есть ли у него родственники за границей?

— Мне неизвестно.

Александр Никанорович поднялся.

— Я вас попрошу посидеть у меня в кабинете одну минутку.

И он исчез. Я его больше никогда не видел.

В комнату вошел высокий плечистый мужчина в сапогах, галифе и гимнастерке без погон.

— Меня зовут Александр Степанович, — представился вошедший.

— Странно, — подумал я, — этот тоже Александр, отделение Александров. Интересно, как их всех зовут на самом деле?

Александр Степанович обладал грубыми манерами, резким голосом, был неопрятен — прямая противоположность Александру Никаноровичу.

— Я человек простой и никаких сложных подходов не признаю. С Вами я буду откровенным. Александр Никанорович Вам не доверяет, он вообще никому не доверяет, а я доверяю. И я Вам скажу, почему мы Вас пригласили и что нам от Вас нужно. К Вашему приятелю приезжал чело-

век из Израиля, видимо, родственник. Нам необходимо знать, действительно ли это так. И если родственник, мы должны знать степень родства. И Вы нам поможете. Мы Вас научим, как выяснить правду.

В этот момент я испугался. Как легко и почти незаметно можно стать информатором! Надо немедленно прекратить отношения с КГБ. Надо было в первый же день, когда пригласили, отказаться. Мне было трудно, но я сказал:

— Я отказываюсь заниматься подобной деятельностью.

Я встал и направился к двери.

— Скажите, — спросил меня Александр Степанович, — Вы советский человек?

— Я советский человек, — ответил я.

— Вот и прекрасно. Я уезжаю на три дня по делам. Когда приеду, позвоню Вам на работу.

Я прямым ходом отправился к Юлию и подробно рассказал ему о моей беседе с Александром Степановичем. Он попросил меня повторить всю историю его родителям. Я рассказал и им о моих встречах с КГБ.

Неожиданно мать Юлия буквально упала передо мной на колени.

— Спасите, — взмолилась она, — расскажите им правду. Скажите им, что родной Ирин дядя (жену Юлия звали Ирой) приезжал из Израиля поздравить свою племянницу с замужеством. Пусть знают. А иначе не отвяжутся, любую провокацию сотворят и такое наплетут, что никогда нам не расхлебать.

— Пожалуйста, — просил я, — не унижайте меня, встаньте. Мне рассказать им не трудно. Только я знаю, суну им палец, так они не только руку отхватят, черт с ней, с рукой, вербовать начнут...

Но до взволнованной женщины не доходили мои рассуждения.

— Умоляю, спасите, — твердила она.

Ее муж угрюмо переминался с ноги на ногу и молчал. Было видно, что он думает так же, как и жена. Старики вынудили меня согласиться.

Через несколько дней Александр Степанович позвонил мне на работу. Я согласился на следующую встречу.

С собой в КГБ я принес мой докторский чемоданчик и тихо поставил его на пол. Александр Степанович молча покосился на чемодан.

— Садитесь, как поживаете? Скажите, а есть ли какое-нибудь новое средство от импотенции? Что-то плохо у меня в последнее время с этим делом.

— Работа у Вас нервная, — сказал я.

Мой чемоданчик, видимо, не давал ему покоя. Он несколько раз взглядывал на него и тут же отводил глаза. Конечно же, он должен выяснить, нет ли там у меня бомбочки или какого-нибудь магнитофончика, записывающего нашу беседу. Наконец, Александр Степанович не выдержал:

— Что это? — ткнул он пальцем в направлении чемоданчика.

— Это мои докторские предметы.

— А есть чем измерить давление?

Я допустил ошибку и дал ему возможность взглянуть в чемоданчик.

— Есть, — ответил я.

Ему сразу стало легче, он быстро засучил рукав и попросил меня измерить давление. Я открыл чемоданчик, а Александр Степанович не медленно взглядом изучил его содержимое. Давление у него оказалось нормальным.

— Скажите, — неожиданно спросил он, — а почему нас, чекистов, многие не любят?

— Может быть, есть основания? — ответил я вопросом на вопрос.

— За тридцать седьмой год мы не отвечаем.

— Разве только один тридцать седьмой?

— А что еще?

— Мало ли. Ну, например, дело врачей.

— А что Вы знаете о деле врачей?

— Все, что писали в наших газетах.

— Ну, скажите, кто по-вашему организовал это дело?

— КГБ во главе с Лаврентием Павловичем Берия.

Берия к тому времени был объявлен врагом народа, агентом американского империализма и расстрелян. Поэтому ругать его было совершенно безопасно.

— Берия тут не при чем, — возразил мне Александр Степанович.

— А кто при чем?

Александр Степанович задумался и медленно проговорил:

— Рюмин, Рюмин. Он во всем виноват.

И тут же меня спросил:

— Есть ли среди Ваших больных один, страдаю-

щий туберкулезом? У него большая семья — жена, теща, четверо детей, и живут они в подвале.

— У меня вообще нет больных туберкулезом, Александр Степанович. Вы же прекрасно знаете, что туберкулез в СССР почти ликвидирован. У нас полностью ликвидированы малярия, сыпной тиф и другие заболевания.

Я вспомнил о неприятности, происшедшей со мной недавно: я забыл о полной ликвидации в СССР сыпного тифа. Меня вызвали к больной, у нее были высокая температура, головная боль и сыпь. Я заподозрил сыпной тиф, предложил госпитализацию. Больная и ее семья категорически отказались. Я назначил ей хлорамфеникол. Выдал больничный лист с диагнозом сыпной тиф. Вскоре диагноз подтвердился с помощью реакции Вейль-Феликса. И вот тут-то и началось. Приехала комиссия, на меня топали ногами и кричали. Как я смел поставить такой диагноз, когда сыпной тиф в СССР ликвидирован! И если у больной все-таки оказался сыпной тиф, то диагноз должен был быть не сыпной тиф, а форма номер 40. Нашим врагам незачем знать об единственном случае исчезнувшего в нашей стране заболевания.

— Александр Степанович, нет у меня туберкулезных больных.

— Хорошо, — сказал Александр Степанович, — оставим это. Давайте поговорим лучше о Вашем приятеле Юлии.

Он продолжал:

— Я Вас научу, как найти подход к нему.

— Не надо меня учить, я случайно вчера узнал,

что приезжавший гость из Израиля — дядя жены Юлия. Он специально зашел поздравить новобрачных, они недавно поженились.

— Вот и прекрасно, — сказал Александр Степанович, — а теперь все это изложите в письменном виде, включая и детали о том, как Вам случайно удалось это узнать.

Я сказал, что сделал более чем достаточно и ничего больше излагать, писать, говорить и прочее не буду.

Александр Степанович выскочил из кабинета и через минуту вернулся с начальником районного отделения КГБ Александром Александровичем. На этот раз Александр Александрович не улыбался. Он был зол.

— Вы что, доктор Килинский, отказываетесь сотрудничать с органами государственной безопасности? Я Вам предлагаю сейчас же написать заявление о Вашем желании нам помогать. И не беспокойтесь, Ваше заявление мы не будем развешивать на заборах. Да, да, я Вам обещаю, что никто никогда не узнает, что Вы наш сотрудник. Учтите, что среди Ваших сослуживцев-врачей многие охотно и активно помогают нам. А Вы ведь даже и не знаете, кто. Так что вот Вам бумага. Пишите. Я Вам продиктую.

— Александр Александрович, — тихо возразил я, — я у вас работать не буду.

— Нет, будете! — заорал он и хлопнул кулаком по столу. — Ох, как Вы пожалеете, если откажетесь! У нас есть еще достаточно возможностей, чтобы наказать таких, как Вы...

Я встал и направился к двери. Никто меня не задерживал. Только вот через несколько лет в Венгрию не пустили. Месть довольно мелкая.

Но тогда я был очень расстроен, и Вовси меня утешал, сказав, что у меня еще вся жизнь впереди и что будет время и мне даже в капиталистические страны ездить разрешат.

Мирон Семенович очень не любил, когда кто-нибудь огорчался. Он всегда старался успокоить обиженных, помирить поссорившихся. Он сам почти никогда не обижался.

Профессор Борис Евгеньевич Вотчал, довольно крупный советский терапевт, во время второй мировой войны попал в беду. Он потерял важные секретные документы. Ему грозили суд, штрафной батальон и даже смерть.

Вовси, являясь главным интернистом Советской Армии, своею властью распорядился освободить Вотчала и отправить его на другой участок фронта. Этим он спас Вотчала.

После войны Вовси пригласил Вотчала вторым профессором к себе на кафедру. Вотчал с радостью согласился. Сначала все было прекрасно. Потом настал день, когда Вотчал почувствовал себя обиженным. Он больше не желал быть вторым, он хотел быть первым. И начал склочничать на обходах Мирона Семеновича. Он стал отменять диагнозы, поставленные Вовси, изменять лечение.

Вовси ничего не стоило уволить Вотчала. Однако он так не поступил. Вовси пошел к директору

Центрального института усовершенствования врачей Вере Павловне Лебедевой и уговорил ее, а через нее и Министерство здравоохранения, создать в ЦИУ вторую кафедру терапии во главе с Борисом Евгеньевичем Вотчалом. Так обычно Мирон Семенович "расправлялся" со своими недругами.

Однако Вотчал ничему, к сожалению, не научился, после ареста Вовси он написал в КГБ заявление, в котором обвинил Мирона Семеновича в неправильных методах лечения советских вождей. Об этом мне рассказал Рабинович, заведующий статистическим отделом Боткинской больницы, на базе которой находились обе кафедры. Рабинович в архиве нашел копию заявления, написанного Вотчалом.

Вовси умирал мучительно и мужественно. Через шесть месяцев после ампутации ноги у него обнаружили метастазы опухоли в легких. Он продолжал читать лекции, руководил работой кафедры. Появилась боль, которая вскоре стала невыносимой. Но Мирон Семенович очень редко прибегал к обезболивающим. Он писал книгу о заболеваниях почек и не хотел, чтобы наркотики затуманивали его сознание. Он торопился. Он знал, что ему оставалось мало времени. Тогда остеогенная саркома была неизлечима.

Когда Мирон Семенович не мог уже передвигаться, он поселился в своем кабинете, где продолжал работать. Мы, его сотрудники, ученики, друзья, по очереди дежурили около него. Метастазы разрастались, ему становилось все труднее

и труднее дышать, у него появились признаки тампонады сердца. Я снимал ему электрокардиограмму. Он попросил взглянуть.

— Интересно, — тихо сказал Мирон Семенович, — эти изменения электрокардиограммы связаны с прорастанием сердца опухолью?

Как и всегда, он оказался прав.

Он закончил свою книгу за день до смерти. Поставил точку и через несколько минут потерял сознание.

Владимир Никитович Виноградов в списке арестованных врачей значился под рубрикой английского шпиона. До ареста он был личным врачом И. В. Сталина.

Однажды Иосиф Виссарионович заболел: схватил тяжелую простуду и очень маялся. Где-то на пятый-шестой день болезни он вызвал к себе своего личного секретаря Поскребышева и зловеще спросил:

— А что во всем Советском Союзе уже нет врача, который бы меня вылечил?

Поскребышев недаром столько лет продержался при Сталине. Он был готов к ответу и выпалил, не задумываясь:

— Есть такой врач, Иосиф Виссарионович. Его зовут Владимир Никитович Виноградов.

— Так в чем же дело? — спросил вождь.

Через полчаса в комнату ввели Виноградова.

Сталин лежал на кушетке, укрывшись одеялом.

— Где больной, куци? — не дрогнув спросил врач.

Ему показали. Он подошел, сел рядом и безо всякого предисловия спросил:

— На что жалуетесь, больной?

Сталин жаловался на головную боль, насморк.

— Сколько времени больны? — поинтересовался Виноградов.

Сталин ответил.

Виноградов достал стетоскоп и сказал:

— Больной, сядьте, дышите, теперь повернитесь на правый бок, теперь задержите дыхание, кашляните, покажите горло. Вот Вам рецепт.

Виноградов выписал лекарство и ушел, на прощание сказав:

— До свидания. Через три дня будете здоровы.

Когда он вышел, Сталин в восторге воскликнул:

— Вот это врач! — и радостно выругался матом.

Так Владимир Никитович Виноградов стал личным врачом Сталина, сменив Дмитрия Дмитриевича Плетнева, того самого великого Плетнева, слава о котором гремела по всей России и которого Сталин, сначала горячо полюбив, сделал своим личным врачом, а потом обвинил в убийстве Горького, Куйбышева и Менжинского и отправил в концентрационный лагерь. Виноградова ждала та же судьба, но он этого еще не знал.

Положение личного врача Сталина открыло перед ним неограниченные возможности. Виноградова стали считать в СССР врачом номер один. Он на самом деле был хорошим врачом с большим опытом и колоссальной эрудицией. Когда то он сильно заикался, много лечился и, в конеч-

ном итоге, научился преодолевать заикание, произнося лишенное всякого смысла слово "куци".

Он получил кафедру внутренних болезней Первого московского медицинского института. Естественно, что студенты прозвали его "Куци". Лекции он читал довольно скучно, но всегда заканчивал их одними и теми же словами:

"Да здравствует, куци, советская власть, родная, куци, коммунистическая партия и наш, куци, любимый вождь, куци, и учитель Иосиф, куци, Виссарионович Сталин!"

Фраза была всегда одна и та же, однако заикаться Виноградов мог в разных местах, и поэтому слово "куци" могло оказаться где угодно.

Виноградов не любил студентов, был к ним жесток, особенно на экзаменах, возможно, мстил за данное ему прозвище. На экзамен студенты шли, как на смертную казнь.

Если в свое время Дмитрий Плетнев чувствовал, что его скоро посадят, то для Владимира Виноградова арест явился полной неожиданностью. Виноградов не был евреем и поэтому не предвидел для себя никаких неприятностей, связанных с кампанией космополитизма. Отдавая дань времени, он уволил нескольких евреев со своей кафедры. Виноградов пытался уговорить и профессора Гельштейна очистить кафедру от евреев и тем самым спасти Элиазара Марковича, которого уважал и по-своему любил.

Казалось, ничто не омрачало жизни и деятельности Владимира Никитовича. Виноградов находился в расцвете своей медицинской карьеры,

был окружен вниманием партии и правительства и любовью самого Иосифа Виссарионовича Сталина. Сталин осыпал Виноградова подарками и орденами. И Виноградов ничего не подозревал.

Его, как и большинство других врачей, арестовали ночью. Ему предъявили обвинение в попытке убить самого товарища Сталина. Он сначала пытался доказать абсурдность обвинения, спорил, требовал свидания со своим высокопоставленным пациентом.

Его избили, одели в кандалы. Он сразу сник и подписал все предъявленные ему обвинения, которые включали попытку отравить вождя всех народов. Его обвинили и в том, что он руководил английской шпионско-диверсионной сетью среди врачей Советского Союза.

Я уже писал, что многие бессмысленные и вредные действия советской системы легко объяснимы по аналогии с раковой опухолью. Но даже так не легко понять причины ареста личных врачей Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вот Дмитрий Дмитриевич Плетнев, любимый и практически единственный в течение многих лет личный врач Сталина, окружен сталинской заботой и, следовательно, один из самых влиятельных людей в СССР. Сталин ему дарит полотно Рафаэля, дорогой американский автомобиль, драгоценности, золотые швейцарские часы, виллу под Москвой и на побережье Черного моря. Сталинская любовь казалась прочной и проверенной.

Сталин ни перед чем не остановится, чтобы подтвердить свою любовь и дружбу.

Плетнев для Сталина — самый большой авторитет в области его, сталинского, здоровья. Он сам предан Сталину безгранично и даже пошел на преступления, подписав фальшивые медицинские заключения о смерти Надежды Аллилуевой, Серго Орджоникидзе и других.

Однако вдруг Плетнева арестовывают, обвиняют в убийстве Горького, Менжинского, Куйбышева, судят, признают виновным и отправляют в концентрационный лагерь, где Дмитрий Дмитриевич погибает.

После ареста Плетнева Сталин выбирает себе другого личного врача — Виноградова. Все повторяется сначала — любовь вождя, уважение, высокое положение в советском и медицинском обществе, ордена и очень дорогие подарки.

Виноградов великолепно контролировал сталинскую артериальную гипертонию. Сталин чувствовал себя вновь молодым. Владимир Никитович полностью предан Иосифу Виссарионовичу. Он под небольшим нажимом подписывает документ, обвиняющий Дмитрия Дмитриевича Плетнева в неправильном лечении, а следовательно, и в убийстве Горького.

Однако наступает день, когда Виноградова арестовывают, обвиняют в попытке убить Сталина...

Ни Плетнев, ни Виноградов не могли быть арестованы без прямого сталинского указания. Сталин сам приказал арестовать своих лечащих врачей — с интервалом в 15 лет.

Я вижу только одно объяснение этим арестам — безумие Сталина. Да, вождь был ненормален, он страдал паранойей. Этот диагноз ему поставил еще в начале двадцатых годов известный русский невропатолог и психиатр Бехтерев, впоследствии отравленный мышьяком. Но даже и без Бехтерева ясно, что арестовывать своих лечащих врачей, одного за другим, может только сумасшедший.

В официальный список арестованных врачей попало всего несколько фамилий: Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие. Сколько их — этих "других"? Сотни, тысячи? Цифры никогда не были опубликованы. Они надежно спрятаны в архивах КГБ. Мне удалось насчитать около 200 человек. На самом деле их было больше.

Профессор Николай Адольфович Шерешевский — директор Института эндокринологии тоже был арестован по делу врачей. Незадолго до смерти он рассказал моему другу Михаилу Ш., что в тюрьме ему показали донос, написанный на него его любовницей Екатериной Алексеевной Васюковой.

Шерешевский взял ее к себе в аспирантуру по рекомендации райкома партии. А партии Шерешевский боялся, как огня. У Васюковой было чистое происхождение и хорошая биография: молодая коммунистка из крестьянской семьи. Не важно, что плохо знала медицину и совсем не знала эндокринологию. Зато она была очень активна

и привлекательна. Николай Адольфович не устоял перед молодостью и привлекательностью Екатерины Алексеевны. Естественно, что после того, как она кончила аспирантуру, Шерешевский оставил ее в институте.

Диссертацию она написала плохую, и ученый совет был склонен ее провалить. Шерешевский встал на дыбы. Он заявил, что самое главное для советского ученого это не качество диссертации, а активность, упорство, желание двигаться вперед, а кроме того — социальное происхождение.

Напор Шерешевского и крестьянское происхождение Васюковой заставили членов ученого совета проголосовать "за". Так она стала кандидатом медицинских наук. Одновременно шло и ее продвижение по службе.

Васюкова была в прекрасных отношениях со многими партийными боссами. И это давало ей колоссальное преимущество перед остальными сотрудниками и даже перед самим Шерешевским.

Ее подруги — Мария Дмитриевна Ковригина, будущий министр здравоохранения СССР, и Екатерина Алексеевна (тоже Екатерина Алексеевна, как и Васюкова) Фурцева, будущий министр культуры СССР.

После того, как Ленин сказал, что страной должна уметь управлять любая кухарка, к власти наряду с необразованными мужчинами начали рваться и необразованные женщины. Молодые выдвиженки, активно орудуя коммунистической фразеологией и локтями, шли напролом.

Знаний не было, образование было плохим и

формальным. Зачем знания? Главное — умение лавировать между сильными мира сего, умение показать свою безграничную преданность партии и советскому правительству.

Я не пытаюсь противопоставить советских женщин-руководителей советским мужчинам-руководителям. Просто руководящих женщин значительно меньше, им значительно труднее пробиться к власти, и поэтому добиваются успеха самые беспринципные. Происходит отбор. Эти женщины, уже пробившиеся наверх, оказались похожими друг на друга: высокие, внешне интересные, шумные, наглые, жестикулирующие, свысока разговаривающие с подчиненными, угодливые с начальством, с одним и тем же ограниченным набором шуточек. Трудно понять, почему все эти дамы высокого роста. Может быть, в тот период, когда они начали делать карьеру, среди партийных руководителей была мода на высоких женщин, поэтому низкорослые остались за бортом.

К этой плеяде женщин принадлежала и Екатерина Алексеевна Васюкова.

По мере того, как крепили ее связи в партийных кругах, она все больше и больше прибирала к рукам Николая Адольфовича. Кандидатскую диссертацию Васюкова писала сама. Докторскую ей делал Шерешевский — его попросили в горкоме партии. Он прекрасно понимал, что Васюкова метит на его место, но сделать ничего уже не мог — боялся.

Без стука она входила в его кабинет и спрашивала:

— Николай Адольфович, в горкоме партии интересуются, как обстоят дела с моей диссертацией?

И зная, что роет себе могилу, Николай Адольфович продолжал писать. И написал. И она ее блестяще защитила.

Падение Шерешевского как директора Института эндокринологии не заставило себя долго ждать. Его сняли с работы, а вместо него назначили Васюкову.

Вскоре Шерешевского арестовали по делу врачей-убийц.

Я перешел работать в Институт эндокринологии через несколько месяцев после смерти Мирона Семеновича Вовси. Поразителен был контраст в поведении этих двух руководителей.

Васюкова была груба. "Кретины", — говорила она о своих сотрудниках.

На разборах больных она никогда не высказывалась первой, сначала интересовалась мнением других врачей, собирала все высказывания, а потом в конце присоединялась к той или иной точке зрения. Она путала полиартрит с полиартритом, папулезные кожные высыпания она называла "Шигренивая кожа".

Исследуя пациентов женского пола, она почти всегда повторяла одну и ту же шуточку: "Больная, раздевайтесь быстрее. Женщина должна так одеваться, чтобы всегда могла быстро раздеться".

Васюкова часто говорила: "Кашу маслом не испортишь, но стошнит".

Вот какие люди пришли на смену Вовси, Гельштейну, Шерешевскому.

Однажды Васюкова попросила меня посмотреть ее родного брата. В назначенное время ко мне на прием пришел стареющий мужчина довольно приятной внешности.

— Я — полковник КГБ Васюков, — представился он.

Он долго и нудно рассказывал мне о своей болезни. Говорил тоскливо, ни разу не улыбнувшись, говорил без какой бы то ни было эмоциональной окраски.

— Давно Вы в КГБ? — поинтересовался я.

Он сразу оживился:

— В тридцатых пришел.

— И что же Вы там делали?

— Разное. И грязную работу приходилось делать, — сказал он так, будто в КГБ есть чистая работа.

Он продолжал:

— Я чистил авгиевы конюшни. Я, например, собственноручно расстрелял Каменева и Зиновьева. Я тогда был в чине лейтенанта. — В голосе Васюкова прозвучала гордость — лейтенант, а уже сам расстрелял Каменева и Зиновьева.

Я насторожился. Подлый страх зашевелился во мне.

— Почему Вы это мне рассказываете? Меня такие детали не интересуют.

— А мне Катя, Екатерина Алексеевна, — поправился он, — велела говорить Вам всю правду.

”Очень интересная семья — Васюковы, — подумал я, — с генами шутки плохи”.

Двое арестованных по делу врачей вели себя с точки зрения КГБ довольно несносно.

Главный врач больницы имени Боткина Борис Шимелиович сначала был арестован по делу еврейского антифашистского комитета. Потом уже следователи решили привлечь его и по делу врачей.

Сломить Шимелиовича было не по зубам КГБ. Он оказался бесстрашным человеком. На допросе он поносил следователей и после каждого допроса его без сознания уносили в камеру. Затем все повторялось сначала. Я слышал от хорошо информированных людей, что после многократных неудачных попыток заставить Шимелиовича признаться в несовершенных им преступлениях следователи натравили на него немецких овчарок, и те растерзали его. По другой версии Шимелиович был расстрелян 12 августа 1952 года вместе с группой других обвиняемых.

Уже после смерти Сталина мне пришлось работать с вдовой Шимелиовича Хьеной Наумовной Фридман. Сначала, вскоре после смерти Сталина, ей разрешили вернуться в Москву из ссылки, куда ее сослали вместе с двумя детьми — сыномлевой и дочерью Юлей. Хьена Наумовна была хорошим врачом и доброжелательным человеком. Больные ее любили. Они звали ее "молодая старушка" за седые волосы и всегда живые глаза и точность движения.

Раз в неделю она ходила в КГБ, чтобы узнать о судьбе своего мужа. Ей не хотели говорить правду и каждый раз предлагали прийти через не-

делю. Так продолжалось около года. Однажды следователь сказал Хьене Наумовне, что ее муж — настоящий советский человек. Тогда она потеряла контроль над собой и с ненавистью закричала:

— Я и без вас знаю, какой он человек! Люди ли вы? Я только хочу знать, жив ли мой муж!

Ей опять предложили прийти через неделю, а через три дня она получила официальное предписание покинуть в течение 72 часов Москву.

И выгнали бы Хьену Наумовну вместе с детьми в новую ссылку, если бы не вмешался в это дело Дмитрий Шостакович.

Хьена Наумовна, получив распоряжение КГБ, вся в слезах пришла к Элиазару Марковичу за помощью. Элиазар Маркович и Гинда Хаймовна дружили с популярным в СССР композитором Матвеем Блантером. Через Блантера они добрались до Шостаковича, который был в то время депутатом Верховного Совета.

О Шостаковиче как о человеке мне часто рассказывала одна моя сослуживица — Ф. П. Она часто говорила, что Шостакович — личность необыкновенная, что он всегда был смелым и отважным человеком и сам в течение длительного времени находился в опале, вызванной его гениальной музыкой и независимым характером.

Шостакович принял самое активное участие в спасении семьи Шимелиовича. Он добился встречи с Генеральным прокурором СССР Руденко. На встрече он пригрозил большим скандалом, если Генеральный прокурор не воспользуется своим положением и не отменит решения КГБ. Руденко

пил воду, выбегал куда-то из своего кабинета, а потом отменил ссылку семьи Шемилиовича.

Недавно в США появилась книга Шостаковича, нелегально вывезенная из СССР Соломоном Волковым — крупным советским музыковедом. Я прочел книгу и удивился. Там не упомянут разговор Шостаковича с Генеральным прокурором СССР Руденко. Неужели Шостакович забыл? В книге он перечисляет менее существенные поступки, которые могут обелить его. Почему же он забыл о семье Шемилиовичей?

Вторым человеком из числа арестованных врачей, который не испугался КГБ, был профессор Владимир Харитонович Василенко. Он тоже непрерывно площадно ругал следователей. Василенко обещал им наказания еще в этой жизни. Он грозил им адом на земле. Следователи отводили души, избивая Владимира Харитоновича. Они переломали ему руки и ноги. А он продолжал их материть. Спасла Василенко смерть Сталина.

В состав обвиняемых по делу врачей были включены не только живые, но и давно умершие. Одним из них был Михаил Борисович Коган. Он был крупный профессор-терапевт, и когда он умер от рака почки, правительство устроило ему пышные похороны со всеми полагающимися при этом почестями. В список обвиняемых врачей Михаил Борисович попал вместе с младшим братом, тоже известным врачом, Борисом Коганом. Живой брат значился как американско-израильский агент, а покойника причислили к группе английской разведки. Видимо, по мнению следова-

телей братья работали вместе, один на одну разведку, другой – на другую.

Профессор Этингер заведовал кафедрой терапии во Втором московском медицинском институте. В начале войны у него погиб лучший друг. Этингер с женой усыновили его ребенка. Приемный сын окончил школу и поступил в Московский университет. Однажды сын Этингера вышел утром из дома, чтобы идти в университет, и бесследно исчез. Отец, пользуясь связями, поднял на ноги всю советскую милицию. Он не знал, что его сына арестовал КГБ по обвинению в антисоветской деятельности. Этингеру в милиции сказали, что никаких следов его сына найти не могут. Тогда Этингер поехал к своему пациенту генералу КГБ. Тот принял его как лучшего друга и заверил, что в списках арестованных его сын не значится. Этингер почему-то не поверил. Он начал всюду звонить и посылать письменные запросы. Он даже написал Берия. И в начале 1950 года Этингера арестовали. Он перестал существовать. Не было никакого сообщения об его аресте. Он умер в тюрьме, не выдержав пыток. Только через три года после ареста, имя Этингера впервые появилось в списке врачей-отравителей. После смерти Сталина сын Этингера вернулся из лагеря.

* * *

День освобождения врачей – 3 апреля 1953 года – самый большой праздник в моей жизни. Погода полностью соответствовала моему настроению. В Москве было необычно тепло для начала

апреля, и небо было чистое-чистое. В этот день Вита не пришла в институт. Я позвонил Гельштейнам, и Вита пригласила меня прийти к ним.

Я увидел Элиазара Марковича и ужаснулся. Худой, изможденный с усталым лицом. Костюм висел на нем, как на вешалке. Он все время поддерживал спадающие брюки и улыбался какой-то жалкой улыбкой. Голова его была наголо острижена. А глаза... были глазами мертвого человека.

Гинда Хаймовна выглядела прилично. Она даже похорошела, стала стройной, как девушка. На голове у нее была косынка, скрывающая отсутствие волос. Ее тоже наголо остригли в тюрьме.

Вскоре мы с Витой поженились, и я переехал жить к Гельштейнам.

Элиазар Маркович так и не оправился после ареста. Его здоровье становилось все хуже и хуже. Однако он успел рассказать нам о всех своих мытарствах. Он умер 28 декабря 1955 года.

Тысячи людей пришли проститься с выдающимся врачом и замечательным человеком — Элиазаром Марковичем Гельштейном. На панихиде выступали представители дирекции и партийной организации медицинского института. Они лили слезы и говорили об утрате, которую понесла медицина.

Похоронили Элиазара Марковича на Ваганьковском кладбище, недалеко от могилы Сергея Есенина.

